
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 7(71), 2021 ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени кандидата
наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2021

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225–8922

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН
В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ**

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,

к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,

Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташеговна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ВЕДРИН Оливе	профессор, ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор, Университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
ИРХИН Юрий Васильевич	д.ф.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнора Орленбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Per. № ПИ № ФС77–46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 27.07.2021

Формат 60×84/8. Объем 24,3.

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ № 175.

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Шипок, 28
Тел.: (495) 651-84-56

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих

(Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ

Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

- Подшибякина Т.А.* Нарративная политика:
теория и дискурсивные практики 1968
- Пьенэ А.П.* Социально-политическая концепция
«будущей России» И.А. Ильина 1980

ИСТОРИЯ РОССИИ

- Слизовский Д.Е., Медведев Н.П., Жалнин В.А.* История российской
системы образования: актуальные проблемы тысячелетнего развития 1986

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- Эсмаили С.* Проблемы политического участия
современных иранских женщин в политическом процессе..... 1998
- Пацеля Я.С.* Современные технологии обеспечения
модернизации избирательного процесса в контексте
деятельности избирательных комиссий..... 2009

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

- Заславский С.Е.* Партийная система России:
точки политической конкуренции 2016
- Николенко А.А.* Русская локальная цивилизация:
элементы ядра и основополагающие принципы..... 2029
- Кузьмин А.Г.* Изменения и особенности формирования
внутренних направлений в движении русских националистов
в начале XXI века..... 2035
- Примова Э.Н.* О некоторых вопросах совершенствования
федеративного устройства России 2046
- Ермаков В.Г.* Политика цифровизации как фактор
институционализации организаций «третьего сектора»
в современной России 2054
- Евстигнеев Р.А.* Ноократия в XXI веке – утопия или ответ
на кризис демократии: предпосылки и перспективы 2063

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Пряхин В.Ф.* Афганистан. Уроки прошлого и перспективы будущего 2071
- Алехина О.А., Уколова Л.Е.* Международные специальные события
как инструмент создания позитивного имиджа отечественной
гражданской авиации (на примере авиационной компании
«Аэрофлот – российские авиалинии»)..... 2077
- Шамишев Е.Д., Токтамысов С.Ж.* Интеграционные процессы
на пространстве СНГ в условиях пандемического кризиса:
возможности ЕАЭС..... 2089

<i>Лебедева Е.И.</i> Историческая динамика развития политической науки в Австрии	2104
<i>Михалевич Е.А.</i> Анализ межгосударственных конфликтов и политических процессов, оказывающих влияние на состояние информационно-психологической безопасности в Северо-Восточной Азии	2111
<i>На Чжао.</i> Роль «мягкой силы» в становлении КНР как глобального лидера	2118
<i>Акопян М.Т.</i> Роль США в процессе становления предвыборных телевизионных дебатов	2124
<i>Накшабанди Гайлан Омар.</i> Современные способы урегулирования конфликта иракского Курдистана и эффективность их применения	2131
<i>Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е.</i> Цифровизация как фактор трансформации государственных институтов в КНР	2137
<i>Сипович В.Г., Карась Н.М., Червяков Н.В., Кривова А.Л.</i> Национальные элиты в современном глобальном мире	2144
<i>Былев А.Е.</i> Управление информационным обменом, контроль над коммуникацией как механизм гибридной войны	2153
СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА	
<i>Ощепкова В.М.</i> Популистские партии в Скандинавии и Финляндии на современном этапе и их отношение к европейской интеграции	2166
<i>Братковская Д.В., Леонова А.А., Фам Тхи Минь Хуен.</i> Способы и механизмы влияния транснациональных корпораций как актора международных отношений на политику национальных государств.....	2173
<i>Лапишин С.В.</i> Вербовка как способ пополнения террористических организаций	2180
НАШИ АВТОРЫ	2186
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	2192

CONTENTS

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

- Podshibyakina T.A.* Narrative Politics: Theory and Discursive Practices 1978
Piene A.P. Social and Political Concept of "Future Russia" By I.A. Ilyin 1985

RUSSIAN HISTORY

- Slizovskiy D.E., Medvedev N.P., Zhalnin V.A.* History of the Russian
Education System: Current Problems of a Millennium Development..... 1996

POLITICAL SOCIOLOGY

- Esmaeili S.* Control of Information Exchange,
Control Over Communication as a Mechanism of Hybrid War..... 2007
Patcelia Y.S. Modern Technologies for Modernizing the Electoral Process
in the Context of the Activities of Election Commissions..... 2015

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

- Zaslavsky S.E.* Party System of Russia: Points of Political Competition 2028
Nikolenko A.A. Russian Local Civilization Core Elements
and Fundamental Principles 2034
Kuzmin A.G. Changes and Features of the Formation
of Internal Directions in the Movement of Russian Nationalists
in the Beginning of the XXI Century..... 2044
Primova E.N. On Some Issues of Improving
the Federal Structure of Russia 2053
Ermakov V.G. Digitalization Policy as a Factor of Institutionalization
of "Third Sector" Organizations in Modern Russia 2061
Evstigneev R.A. Nocracy in the XXI Century – Utopia or a Response
to the Crisis of Democracy: Prerequisites and Prospects..... 2070

THEORY AND HISTORY

OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

- Pryakhin V.F.* Afghanistan. Lessons of the Past and Prospects for the Future 2076
Alekhina O.A., Ukolova L.E. Special International Events
as a Tool for Creating a Positive Image of Domestic Civil Aviation
(Case Study of “Aeroflot – Russian Airlines” Aviation Company) 2087
Shamishhev E.D., Toktamysov S.Zh. Integration Processes
within the CIS Community in the Pandemic Crisis: EAEU 2103

Lebedeva E.I. Historical Dynamics of the Development of Political Science in the Republic of Austria	2109
Mikhalevich E.A. Analysis of Interstate Conflicts and Political Processes Affecting the State of Information-Psychological Security in North-East Asia	2116
Na Zhao. The Role of Soft Power in the Formation of the PRC as a Global Leader.....	2122
Hakobyan M.T. The USA Role in the Historical Development Process of Campaign Televised Debates	2130
Nakshabandi Gailan Omar. Modern Ways of Resolving the Conflict in Iraqi Kurdistan and the Effectiveness of their Application.....	2135
Falaleev M.A., Sittikova N.A., Nechay E.E. Digitalization as a Factor in the Transformation of State Institutions in China.....	2143
Sipovich V.G., Carp N.M., Chervyakov N.V., Krivova A.L. National Elites in the Modern Global World	2151
Bylev A.E. Information Exchange Management, Communication Control as a Hybrid War Mechanism.....	2165
STUDENT SCIENCE	
Oshchepkova V.M. Right-Wing Populist Parties in Nordic Region and their Attitude to European Integration.....	2171
Bratkovskaya D.V., Leonova A.A., Pham Thi Minh Huen. Ways and Mechanisms of Influence of Transnational Corporations as an Actor of International Relations on the Policy of National States.....	2179
Lapshin S.V. Recruitment as a Method of Replenishment Terrorist Organizations	2184
OUR AUTHORS	2189
DEMANDS FOR MANUSCRIPTS	2192

НАРРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ¹

Целью данного исследования является анализ степени изученности нарративной политики в рамках нарратологии и когнитивистики; концептуализация авторского понятия нарративных стратегий с использованием методологии диффузионизма; применение выбранной методологии к анализу дискурсивных практик в идеологической сфере для выявления политических установок и особенностей рецепции нарративных и дискурсивных стратегий в групповом молодежном сознании.

Методологической основой исследования выступает теория «Структура нарративной политики», находящаяся в процессе становления и освоения новых сфер публичной политики. В качестве эмпирического обоснования выводов использованы данные, полученные по результатам проведенного социологического опроса студентов Юга России в 2018-2020 годах с выборкой в 2500 человек. Программа эмпирического исследования была построена на операционализации понятия «нарративная стратегия» и применения его к анализу политических убеждений, индивидуальных интенций и фреймов.

Результатом стала апробация теории «Структура нарративной политики» в направлении расширения возможностей ее применения к анализу дискурсивных практик и совершенствования методов ее эмпирической оценки. Внесен определенный вклад в уточнение понятия «нарративных стратегий» за счет применения диффузионного подхода к его интерпретации. В центре внимания находилась проблема эффективности влияния нарративных стратегий на общественное сознание, но фокус исследования был смещен на когнитивистский аспект проблемы рецепции narra-

---

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00906 А «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов».

тивных стратегий в групповом молодежном сознании. Данные социологического опроса позволили зафиксировать сокращение осведомленности респондентов о понятии «Русский мир», что объясняется снижением влияния фактора пропагандистского продвижения данной нарративной стратегии в коммуникативном пространстве. Анализ показал, что сторонники нарративной стратегии «Русского мира» в коммуникативных практиках в основном придерживаются дискурсивных стратегий «Россия – империя» и «Россия – многонациональная империя».

Предложенная авторская диффузионная концепция нарративных стратегий позволила более детально изучить динамическую составляющую распространения по диффузионным коммуникативным каналам нарративных стратегий, продвигаемых политической элитой, и некоторые закономерности их рецепции.

Ключевые слова: нарративная политика, нарративная стратегия, дискурс, фрейм, дискурсивная практика.

Интерес к нарративному анализу политики стал следствием нарратологического поворота в науках об обществе, а концептуально начал оформляться в 90-е годы XX века на основе применения триангуляции нарративных методов анализа и политической теории, структуралистских и постструктуралистских теорий нарратива. Эмери Роу одним из первых предложил методологию нарративного анализа политики в качестве новой междисциплинарной методологии, применяемой к сложным, слабо структурированным политическим явлениям и доказал ее пригодность для выработки практических рекомендаций. Основным аргументом в пользу исключительной важности применения метода является то, что в условиях увеличения неопределенности государственной политики, возрастает значение изучения различных «историй», рассказываемых политиками [20]. «Истории», или нарративы, имеют начало, середину и конец, сюжет, участников и тем самым отличаются от наррации и дискурса. Суть метода Эмери Роу по преодолению ситуации неопределенности заключается в создании метанарративов, другими словами «интертекстов», объединяющих нарративы полярной противоположности.

В начале XXI века на смену доминирующей концепции политических нарративов приходит новая теория «Структура нарративной политики» (Narrative Policy Framework: NPF), разработанная Майклом Джонсом, Элизабет Шанахан и Марком Макбетом и предлагающая свой подход к исследованию политических процессов, основанный на эмпирическом изучении политических нарративов [19], соединяющий постпозитивизм и позитивизм, нарративы и социальное конструирование. Основные положения теории были изложены ее авторами в работах «Структура нарративной

политики» [14] и «Введение в структуру нарративной политики» [9], эмпирический подход к исследованию политического нарратива был описан в работе «Структура нарративной политики: достаточно ясно, чтобы ошибаться?» Майклом Джонсом и Марком Макбетом в качестве метода эмпирического тестирования [8]. Сфера применения теории достаточно широка от принятия политических решений до электоральных процессов, в частности, исследование влияния политических нарративов на общественное мнение и политические убеждения индивидов, с использованием различных моделей получения и описания эмпирических данных [22].

Структуру нарративной политики составляют нарративные элементы, нарративные стратегии и политические убеждения [21], при помощи которых обрабатывается политическая информация и выстраиваются акторами стратегии воздействия на коммуникативные процессы. Нарративными элементами являются обстановка, характер, сюжет или мораль, а содержание наполнено социально сконструированным смыслом, который простирается от общих ценностных убеждений, представленных символически, до нарративных практик. Основные характеристики включают в себя постановку или контекст проблемы, сюжет или политическую проблему, моральное или политическое решение и персонажей. Концептуально политические нарративы функционируют для отражения и передачи коллективного понимания человеческого опыта (мезоуровень), а на индивидуальном уровне (микроуровень) нарративы способствуют пониманию мира и играют фундаментальную роль на индивидуальном уровне коммуникации [10].

Понятие нарративные стратегии в теории «Структура нарративной политики». Теория «Структура нарративной политики» (Narrative Policy Framework: NPF), кроме понятия «нарративная политика», включает более узкое понятие «нарративных стратегий» и используется в качестве методологического основания для изучения содержательно связанных с ними дискурсивных практик как различных случаев их воплощения [24]. Теория направлена на анализ элементов политического процесса в аспекте стратегии поведения и эффективности деятельности участников политики, что дает ключ к пониманию закономерностей динамики и тенденций развития политического процесса [4]. В рамках NPF достаточно хорошо изучен макро- и мезоуровень применения нарративных стратегий, а вот механизм индивидуального выбора политиками определенной стратегии нарратива является еще «белым пятном», ждущим своего исследователя. Поиск идет в разных направлениях, например, Келли Киркпатрик и Джеймс Стоутенборо предлагают для исследования индивидуального уровня стратегического выбора интегрировать в NPF теорию Third-Person Effect (TPE), или «эффекта третьего лица», объясняющую, как и почему заинтересованные стороны решают, какие политические идеи, по их мнению, лучше всего найдут отклик у ответственности [12].

Майкл Джонс, один из разработчиков теории, в качестве новых рубежей исследования, учитывая имеющиеся пробелы в накопленном знании, ставит вопрос о необходимости уточнения теории стратегии, поиске лучшего понимания пересечения теории фрейминга и NPF, и поощрения прямого обращения к различным политическим контекстам [7]. «Фрейм» является базовым понятием теории «Структура нарративной политики», связывающим саму теорию NPF с концепциями фрейминга, достаточно популярными при исследовании политических процессов, но понимаемых очень по-разному. По некоторым оценкам наиболее проблематичным является применение фреймов для характеристики их влияния на изменение общественного мнения [13]. Мелисса Мерри, исследуя уровень индивидуального восприятия фреймов на основе применения NPF, указывает на разницу, существующую между мезоуровнем, где доминируют нарративные стратегии политических групп и коалиций и микроуровнем стратегий политических лидеров по формированию фреймов. Фрейминг в широком значении это то, как люди говорят о проблемах политики, термины, которые они используют для описания проблем, аспекты проблем, которые они выделяют или преуменьшают [15].

Проблема выстраивания нарративных стратегий в пространстве общественного мнения имеет оборотную сторону, которая в когнитивистике именуется проблемой рецепции, или восприятия нарративов. Основным, вопросом, по которому нет ясного понимания в научном сообществе, является следующий: почему одни нарративные стратегии успешно влияют на общественное сознание, другие – нет? Существуют сравнительные исследования когнитивного восприятия конкурирующих нарративных стратегий политической элитой и широкой общественностью, обнаруживающее сходство в том, что когнитивный отбор нарративов направляется мировоззрением [16], и он более эффективен, если резонирует с идеологическими убеждениями.

Предполагается, что использование политических нарративов опирается на различные когнитивные процессы, и нарративная политика микроуровня тесно взаимосвязана с когнитивными свойствами сознания, такими как, познание, память, репрезентация. Теория «Структура нарративной политики» утверждает, что нарративы стратегически создаются для функционирования на микроуровне как «когнитивный артефакт», элемент нарратива, который облегчает мысленную категоризацию ситуаций или переживаний, которые могут быть использованы для прогнозирования будущих ситуаций [10]. Одним из малоизученных когнитивных аспектов нарративной политики на микроуровне являются воздействие нарративных стратегий на отдельных представителей политической элиты. Известно, что ментальные образы играют существенную роль в поиске информации и выработке стратегий поведения, и находят когнитивное выражение в репрезентации знания и непосредственно связаны с процессом познания [2].

Диффузионная концепция нарративных стратегий. Предлагаем обратить внимание еще на один достаточно редко используемый подход к исследованию нарративной политики и нарративных стратегий – диффузионный, он выбран для обоснования авторской диффузионной концепции нарративных стратегий. Политический диффузионизм изучает условия, факторы и закономерности распространения политики, а также идей, паттернов, образцов поведения и базируется на теориях инноваций (Э. Грэм, Ч. Шипан, К. Волден, М. Ром, П. Петерсон, К. Шив, Р. Витмер, Ф. Бемке, Э. Рюри, Б. Десмарайс, Д. Харден, А. Карч и С. Николсон-Кротти). Опираясь можно на очень небольшой опыт применения нарративного подхода при исследовании политической диффузии [18; 25]. Титилайо Сореме использует теорию «Структуры нарративной политики» для эмпирического изучения механизмов передачи политики, а не свободного распространения политики (всесторонне изученного в диффузионизме), то есть тех инструментов воздействия, которые связаны с обязательствами и принуждением последователей политики. Релевантным способом познания закономерностей такого рода коммуникации является изучение дискурса участников, и прежде всего, нарративных стратегий тех участников, которые пытаются принудительным образом воздействовать на процесс передачи политики своим последователям [25].

Маурисио Дюссож-Лагуна обращает внимание на то, что в публикациях по трансферу (диффузии) политики мало уделяется внимания стратегиям, применяемым участниками политики. Автор описывает стратегии «построения политики», включающие разработку элементов политики и создание условий для ее реализации, и «стратегии институционализации политики», предполагающая создание системы долгосрочных мер по обеспечению устойчивости политики» [6]. Дезерай Кроу и Майкл Джонс описывают нарративные стратегии как инструмент государственной политики, оказывающий влияние как на лиц, принимающих решения, так и на общественность, формирующий все этапы политического процесса [5]. Марсела Веселкова объясняет роль политического нарратива тем, что отдельные лица и политики мыслят не всегда рационально, а, являясь «*homo parans*», они принимают решения, ориентируясь на политические нарративы [28. P. 178].

Предлагаемая диффузионная концепция нарративных стратегий базируется на понятии «нарративных стратегий» теории «Структуры нарративной политики» и понятии «передачи политики», используемом в теориях диффузионизма [26] и может быть сформулирована следующим образом. Успешность реализации нарративных стратегий политическими и неполитическими акторами напрямую зависит от условий их распространения по диффузионным сетям как каналам коммуникации. Диффузионные сети – это сети, объединяющие политические, профессиональные, управленческие, экспертные и иные сообщества, действующие по принципу свободно-

го (диффузного) распространения информации, знаний, образцов политики. Распространение по ним нарративных стратегий с целью оказания влияния на других акторов ведет к нарушению принципа добровольности и свободы их действий, что вызывает некоторые когнитивные эффекты, требующие изучения.

Релевантным методом познания закономерностей диффузионного сетевого взаимодействия является изучение рецепции в индивидуальном и групповом сознании нарративных стратегий тех участников, которые пытаются принудительным образом воздействовать на процесс передачи политики своим последователям в дискурсивных практиках [25].

Нарративные стратегии в дискурсивных практиках. «Narrative Policy Framework» широко используется при анализе нарратива в политическом дискурсе [10]. Политический дискурс трактуется как «знаково-символический способ коммуникации, нацеленный на производство и воспроизводство знаний, образов, смыслов, значений, ценностей и интерпретаций, обеспечивающих репрезентацию, позиционирование и иерархизацию социальных субъектов в динамическом пространстве политики» [1. С. 29]. С точки зрения коммуникативно-семиотического подхода каждый дискурс сопряжен с какой-то коммуникативной стратегией (интенцией). В этом аспекте нарратив рассматривается как способ дискурса, который касается развития событий во времени [17], как временное измерение, являющееся неотъемлемой частью описаний политики, поскольку оно касается того, что произошло на сегодняшний день, и того, как изменение политики сейчас приведет к лучшему будущему [10]. Многие авторы уверены, что прямое стратегическое нарративное убеждение встречается редко, так как акторы сильно ограничены доминирующими дискурсами в том, что они могут достоверно утверждать [27]. Нарративы могут играть важную роль в аргументированном анализе политики и планировании политики [11], широко распространены в деятельности групп интересов, сообщениях средств массовой информации, цель их использования – оказание влияния на общественное мнение.

Элизабет Шанахан и Марк Макбет и Пол Хэтэуэй доказали, что политические нарративы вызывают различные медиа-эффекты: у аудитории с похожими взглядами значительно увеличивается совпадение мнений, у аудитории с разными мнениями усиливаются мнения, противоположные ранее существовавшим [23]. Однако вопрос о том насколько дискурсивные технологии, например, фрейминга, способны привести к изменению общественного мнения остается дискуссионным [21]. Майкл Каччиаторе, Дитрам Шойфеле и Шанто Айенгар и вовсе предрекают конец фрейминга, каким мы его знаем, в связи с переходом от эры массовой коммуникации к эре эхо-камер, специальной информации и микротаргетинга в среде новых медиа [3].

Есть еще одно важное обстоятельство, выводящее на обсуждение проблемы соотношения нарративной политики и дискурсивных практик: не все

участники политического процесса могут выстраивать общественно значимые нарративные стратегии. Это доступно элитам или их отдельным представителям, обладающим всеми необходимыми политическими ресурсами для реализации нарративной политики и применения отдельных нарративных стратегий. А вот индивидуальные нарративные стратегии поведения граждан не имеют такого общественного резонанса, политика, как известно, это сфера коллективных действий акторов, имеющих свои интересы и соответствующие возможности их реализации. Поэтому сложившиеся практики чаще всего имеют форму дискурса, а не осознанно выстроенного нарратива, если «истории» и рассказываются людьми, то для придания им статуса коллективного нарратива необходимо сложение усилий многих «рассказчиков историй». Для того, чтобы сформировать альтернативную нарративную стратегию, требуются коммуникативные площадки для свободного обмена информацией и аргументацией, нужны организаторы этого процесса.

Нарративные стратегии являются основными стратегиями, способными влиять на когнитивные способности человека, в том числе на ментальном уровне. Фиксирование такого воздействия требует валидных, проверенных эмпирических методов, помогающих проникнуть на подсознательный уровень, учесть все тонкости различий между нарративом и дискурсом. Возможность исследовать пересечение официального нарратива и общественного дискурса предоставляют в основном опросы общественного мнения.

Операционализация понятия нарративные стратегии в эмпирическом исследовании. Рассмотрим данную проблему на примере одного эмпирического исследования, с выборкой 2500 человек, проведенного в 2019-2020 году среди студентов младших и старших курсов Юга России в высших учебных заведениях Ростова-на-Дону, Новочеркаска, Краснодара, Нальчика, Ставрополя, Астрахани, Пятигорска. Как показали фокус-группы, проводимые во время пилотного исследования, студентов очень волнуют проблемы внешней политики и места России в мировом сообществе. Поэтому из всего контента вопросов анкеты для освещения выбранной темы выбран блок, касающийся мировой политики, где политическое руководство имеет давно сложившийся политический курс, всячески поддерживаемый пропагандистскими кампаниями с использованием, в том числе, нарративных стратегий. К таковым можно отнести акцию по возвращению Крыма в состав России и обеспечивающую ее информационную кампанию «Крым наш!», а также пропагандистскую кампанию «Объединение Русского мира». Программа исследования предполагает следующий аналитический алгоритм: оценка студентами внешней политики, выявление наиболее острых международных (глобальных) проблем, анализ нарративной стратегии «Объединение Русского мира», выявление мотивации ее рецепции и выражение интенций в дискурсе.

Как показал опрос, только 3,4% респондентов гордятся действиями своей страны во внешней политике, еще 5,3% одобряют действия руковод-

ства. Почти 50% считают, что власти слишком увлеклись внешней политикой в ущерб внутренней, еще 12,5% воспринимают ее как агрессивную и непоследовательную. Полученные данные по блоку вопросов, связанных с мировой политикой и международными отношениями наряду с ожидаемым беспокойством, вызванным введением экономических и политических санкций против России в следствие проведения политики возвращения Крыма в состав России (19,2%) зафиксировали и совершенно неожиданную реакцию. Оказывается, практически во всех приграничных регионах есть ощущение опасности угрозы начала новой мировой войны (31,8%) или реальной возможности возникновения региональной войны с участием России (8,9%). Высок процент ожидающих экологическую катастрофу из-за изменения климата (28,1%).

В контексте проблем нарративной политики нас интересовало восприятие в групповом общественном мнении одной из нарративных стратегий, которую условно можно было бы назвать «Объединение Русского мира», основной замысел которой сводился к консолидации граждан всего мира, говорящих на русском языке. Стратегия являлась частью внешней политики России, активно проводимой с 2007 по 2014 год, и уже вошла в историю идеологических геополитических войн. На ее нарративный характер указывает темпоральная развернутость аргументации, обращенной к общему историческому прошлому, единым героям, разделяемым ценностям и этнической идентичности, плюс стратегическая проекция будущего создания единой общности.

Определить интенции (аналог индивидуальной стратегии), позволяет сопоставление мнений группы респондентов, отдавших предпочтение проблеме поддержки «Русского мира» с их выбором дискурсивных стратегий. Употребляем именно такое понятие, подчеркивая тем самым, что указанные стратегии, присутствующие в дискурсивном пространстве общественной коммуникации, не нашли отражения в нарративной политике ни государства, ни представителей элиты, и поэтому не могут быть названы нарративной стратегией, или нарративной политикой. Из тех, кто однозначно выбрал поддержку Русского мира 40,8% считают, что «Россия всегда была империей с ведущей ролью в ней русской нации, включающей великороссов, малороссов и белорусов». 24% утверждают, что «Россия всегда была многонациональной имперской цивилизацией с ведущей ролью православия и русской культуры».

Другим мотивом выбора нарративной стратегии «Объединение Русского мира», как удалось выяснить, является установка на этническую идентичность. Учитывая многонациональный состав республик, краев и областей Юга России, представлялось целесообразным применение двух подходов. Первый подход основан на региональном территориальном критерии, он не учитывает национальный состав, а лишь позволяет описать территориальную общность. Полученный расклад предпочтений позволяет

не попасть под влияние стереотипа о том, что жители территорий с преобладанием русских воспринимают Россию как Империю, практически равной степени это можно сказать как о Ростовской области (19,9%), так и республиках Северного Кавказа (24,4%). Многонациональной империей Россию видят и Краснодарский край (22,4%), и Ставропольский край (17,3%), совершенно различные по этническому составу.

Заключение. Проведенное исследование является определенным вкладом в развитие теории «Структура нарративной политики», подкрепляющим ее эмпирическую значимость в области отражения в дискурсивных практиках нарративных стратегий и политических убеждений. Предложенная диффузионная концепция нарративных стратегий позволила более детально изучить динамическую составляющую распространения по диффузионным коммуникативным каналам нарративных стратегий, продвигаемых политической элитой. Перспектива дальнейшего исследования влияния нарративных стратегий связана с их влиянием на политическое сознание и общественное мнение, и в это связи имеют большое значение группы методов, позволяющие более глубоко изучать когнитивные технологии их реализации и когнитивный уровень их рецепции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Русакова О.Ф., Максимов Д.А.* Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. Политические исследования. 2006. №. 4. DOI:10.17976/jpps/2006.04.04.

2. *Baker T., Walker C.* Introduction: the centrality of arenas, agents and actions // Public Policy Circulation. Edward Elgar Publishing. 2019. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781788119153.00008>.

3. *Cacciatore M.A., Scheufele D.A., Iyengar S.* The end of framing as we know it... and the future of media effects // Mass Communication and Society. 2016. Vol. 19. № 1. DOI: 10.1080/15205436.2015.1068811.

4. *Crow D.A., Berggren J.* Using the narrative policy framework to understand stakeholder strategy and effectiveness: A multi-case analysis // The science of stories. Palgrave Macmillan, New York, 2014.

5. *Crow D., Jones M.* Narratives as tools for influencing policy change // Policy & Politics. 2018. Vol. 46. № 2.

6. *Dussauge-Laguna M.I.* Policy transfer strategies: how agents' actions ensure lessons from abroad stick at home // Public policy circulation. Edward Elgar Publishing. 2019. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781788119153.00019>.

7. *Jones M.D.* Advancing the narrative policy framework? The Musings of a potentially unreliable narrator // Policy Studies Journal. 2018. Vol. 46. № 4.

8. *Jones M.D., McBeth M.K.* A narrative policy framework: Clear enough to be wrong? // Policy Studies Journal. 2010. Vol. 38. № 2.

9. Jones M.D., McBeth M.K., Shanahan E.A. Introducing the narrative policy framework // *The science of stories*. Palgrave Macmillan. New York, 2014. DOI: https://doi.org/10.1057/9781137485861_1.

10. Jones M., Shanahan E., McBeth M. (ed.). *The science of stories: Applications of the narrative policy framework in public policy analysis*. Springer, 2014.

11. Kaplan T.J. *Reading policy narratives: Beginnings, middles, and ends // The argumentative turn in policy analysis and planning*. Duke University Press, 2013.

12. Kirkpatrick K.J., Stoutenborough J.W. Strategy, narratives, and reading the public: Developing a micro-level theory of political strategies within the narrative policy framework // *Policy Studies Journal*. 2018. Vol. 46. № 4.

13. König P.D. A magic bullet in policy communication? On the ambiguous use of framing in policy research // *Policy Studies*. 2019. Vol. 42. № 1.

14. McBeth M.K., Jones M.D., Shanahan E.A. *The narrative policy framework // Theories of the policy process*. 2014. Vol. 3.

15. Merry M.K. Narrative strategies in the gun policy debate: Exploring proximity and social construction // *Policy Studies Journal*. 2018. Vol. 46. № 4.

16. Moyer R., Song G., Jones M. Probing Narrative Cognition: How Do Policy Elites and the General Public Internalize Competing Policy Narratives on Hydraulic Fracturing? // Available at SSRN 3498636. 2019.

17. Miskimmon A., O'loughlin B., Roselle L. *Strategic narratives: Communication power and the new world order*. Routledge, 2014.

18. Onursal-Besgül Ö. Policy transfer and discursive de-Europeanisation: Higher education from Bologna to Turkey // *South European Society and Politics*. 2016. Vol. 21. № 1.

19. Pierce J.J., Smith-Walter A., Peterson H.L. *Research Design and the Narrative Policy Framework // The Science of Stories*. Palgrave Macmillan, New York, 2014.

20. Roe E. *Narrative policy analysis*. Duke University Press, 1994.

21. Shanahan E.A. et al. An angel on the wind: How heroic policy narratives shape policy realities // *Policy Studies Journal*. 2013. Vol. 41. № 3.

22. Shanahan E.A., Jones M.D., McBeth M.K. How to conduct a Narrative Policy Framework study // *The Social Science Journal*. 2018. Vol. 55. № 3.

23. Shanahan E.A., McBeth M.K., Hathaway P.L. Narrative policy framework: The influence of media policy narratives on public opinion // *Politics & Policy*. 2011. Vol. 39. № 3.

24. Shanahan E.A., Jones M.D., McBeth M.K. Policy narratives and policy processes // *Policy studies journal*. 2011. Vol. 39. № 3.

25. Soremi T. Storytelling and Policy Transfer. The Case of Disaster Risk Reduction Policy Transfer to West Africa // *International Review of Public Policy*. 2019. Vol. 1. № 2.

26. Stone D., Porto de Oliveira O., Pal L.A. Transnational policy transfer: the circulation of ideas, power and development models // *Policy and Society*. 2020. Vol. 39. № 1.

---

27. Van Noort C., Colley T. How do strategic narratives shape policy adoption? Responses to China's Belt and Road Initiative // Review of International Studies. 2021. Vol. 47. № 1.

28. Veselková M. Narrative Policy Framework: Narratives as heuristics in the policy process // Human Affairs. 2017. Vol. 27. № 2.

T.A. PODSHIBYAKINA

*Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the Department of
Theoretical and Applied Political Science of the
Institute of Philosophy and Socio-Political
Sciences of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

NARRATIVE POLITICS: THEORY AND DISCURSIVE PRACTICES

The purpose of this study is to analyze the degree of knowledge of narrative politics in the framework of narratology and cognitive science; to conceptualize the author's concept of narrative strategies using the methodology of diffusionism; to apply the chosen methodology to the analysis of discursive practices in the ideological sphere to identify political attitudes and features of the reception of narrative and discursive strategies in the group youth consciousness.

The methodological basis of the research is the theory of "Narrative Policy Framework", which is in the process of formation and development of new areas of public policy. As an empirical justification of the conclusions, we used data obtained from the results of a sociological survey of students in the South of Russia in 2018-2020 with a sample of 2,500 people. The program of empirical research was based on the operationalization of the concept of "narrative strategy" and its application to the analysis of political beliefs, individual intentions and frames.

The result was the approbation of the theory of "Narrative Policy Framework" in the direction of expanding the possibilities of its application to the analysis of discursive practices and improving the methods of its empirical evaluation. A certain contribution has been made to the clarification of the concept of "narrative strategies" by applying a diffusion approach to its interpretation. The focus was on the problem of the effectiveness of the influence of narrative strategies on public consciousness, but the focus of the study was shifted to the cognitive aspect of the problem of the reception of narrative strategies in the group youth consciousness. Poll allowed to record the reduction of awareness of the respondents about the concept of "Russian world", which is explained by the decrease in the influence of propaganda promoting this narrative strategy in the communica-

---

tive space. The analysis showed that the supporters of the narrative strategy of the “Russian World” in communication practices mainly adhere to the discursive strategies “Russia empire” and “Russia – a multinational empire”.

The author’s proposed diffusion concept of narrative strategies allowed us to study in more detail the dynamic component of the spread of narrative strategies promoted by the political elite through diffusion communication channels and some of the patterns of their reception.

Key words: *narrative policy, narrative strategy, discourse, frame, discursive practice.*

студент магистратуры факультета
государственного управления и права Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС) –
филиал Московский областной,
Россия, Московская область, г. Красногорск

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «БУДУЩЕЙ РОССИИ» И.А. ИЛЬИНА

В статье рассматриваются основные принципы социально-политической концепции «будущей России» одного из ведущих консервативных мыслителей русской эмиграции, известного философа и правоведа – И.А. Ильина. Автором проводится анализ его проекта политического и общественного устройства посткоммунистической России – неоконсервативного «третьего пути», сочетающего в себе принципы ограниченного правом самодержавия и традиционного для Руси народовластия, характеризуются философские основы его идейно-политических воззрений, рассматривается актуальность политической теории И.А. Ильина в сегодняшней политической конъюнктуре. Автор приходит к выводу, что политическая концепция «будущей России» является «идеологическим концентратом» русской национальной идеи государственности, основанной на ряде принципиальных позиций: необходимости законодательно контролируемой, «народнически» сильной «вертикали власти», создания «социальных лифтов» для мобилизации во власть граждан, представляющих различные профессии и сословия, а также недопущения партийной или тиранической диктатуры или неконтролируемой либеральной демократии западного типа.

Ключевые слова: И.А. Ильин, политология, национализм, Россия, государство, Путин.

Иван Александрович Ильин (1883-1954) – блестящий философ, публицист и юрист – является знаковой фигурой для политической мысли Русского зарубежья. Будучи выпускником юридического факультета Московского университета с дипломом 1-й степени и приват-доцентом, Ильин был избран председателем общества молодых преподавателей Московского университета, а в 1918 году, защитив диссертацию «Философия Гегеля как

учение о конкретности Бога и человека», И.А. Ильину были присуждены степени магистра и доктора государственных наук.

Однако Октябрьский переворот (1917) и последовавшее за ним установление тоталитарной диктатуры коммунистической партии радикально изменили судьбу профессора И.А. Ильина: в 1922 он, в числе десятков прочих неугодных большевикам деятелей русской науки и искусства, был выслан из России на одном из кораблей, получивших в постсоветской публицистике известное ныне собирательное название «философский пароход». Будучи в эмиграции, И.А. Ильин продолжил и развил свою научную деятельность, являясь профессором основанного эмигрантами Русского научного института в Берлине, став автором сотен работ, посвященных самому широкому кругу проблем: от философии и религиоведения до права и психологии человека.

Наибольшего внимания среди интеллектуального наследия И.А. Ильина заслуживает его публицистическая деятельность. В ходе своих политологических изысканий мыслитель сформировал оригинальную политическую концепцию, отличающуюся множеством рассматриваемых проблем: политическая история, политико-правовая казуистика, вопросы политической философии и другие. Ю.Т. Лисица, отмечая огромную роль Ильина в создании политико-правового учения о государстве, отмечал «...его воззрение на государство, как на живой, истинный и нравственный организм» [3].

Однако, среди ряда вопросов, затрагиваемых И.А. Ильиным в ходе формирования своей политической концепции, особое место занимает проблема построения «будущей», посткоммунистической России, ее политическое, территориальное и нравственное устройство, морали и личных качеств ее граждан и руководителей.

Одной из основных парадигм создания и развития «будущей России» можно считать ее геополитическую и идеологическую независимость. Будучи представителем русской религиозной философии, И.А. Ильин в построении своих социально-политических конструктов не мог избежать также и суждений о роли философии в будущем возрождении России. По мнению Ильина, русской философии требуется перестать «праздно уместовать и предаваться соблазнительным конструкциям» [2. С. 251], обращаясь в своей мысли и деятельности не к зарубежным идеологемам и построениям, а к собственной, русской философской и политической идее.

Критически Ильин относился также к перспективам переноса государственных формаций и их идейного направления у других стран, ссылаясь на крайне неудачный опыт политической реальности: «...прошло то время, когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государственную форму у Запада и перенести в Россию – и все будет хорошо... Ныне Россия в беспрецедентном историческом положении: она ничего и ни у кого не может и не должна «заимствовать». Она должна сама создать и выковать свое общественное и государственное обличие, такое,

какое ей в этот момент исторически будет необходимо...» [1. С. 442]. Таким образом, в его трудах прослеживается четкая линия на государственный, идейный и геополитический суверенитет страны. Кроме того, размышляя о перспективах будущего политического устройства России. Ильин говорит о том, что русский народ «должен сам понять, принять и выговорить свою русскую Идею, с тем, чтобы затем осуществить ее во всем – в религии и в науке, в праве и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании» [1. С. 433]. В подобном националистическом идейном ключе высказывался И.А. Ильин и относительно своей политической позиции, говоря о том, что «ничто классовое, партийное, групповое и личное» [4. С. 437] не может быть выше идеи Отечества, идеи России.

Политическим идеалом И.А. Ильина можно считать монархию, выраженную, однако у него, как у автора оригинальной социально-политической концепции «будущей России», несколько отлично от традиционных представлений о монархическом строе, что вполне органично вписывается в его оригинальную социально-политическую концепцию «третьего пути» развития России, отрицающего как диктатуру любой идеологической окраски и существовавший ранее в России абсолютистский строй, так и западную либеральную демократию.

Так, будучи сторонником самодержавия, И.А. Ильин выступал категорическим противником бесконтрольного абсолютизма и тоталитаризма. Как мыслитель, последовательно пострадавший от двух самых страшных государственных машин – коммунистической и нацистской – он осознавал необходимость строгого ограничения власти. В его концепции власть монарха, в отличие от диктатора, также не ограничена от чужой воли, однако контролируется правом и законом: «Это необходимо продумать и понять раз и навсегда: самодержавие отвергает, осуждает и исключает абсолютизм; а абсолютизм отвергает основное в правах Государя, ибо он не признает его законным монархом, он отрицает его высокое звание верховного субъекта права, он снижает его звание до звания тирана, он разлагает и разрушает самую правовую форму монархии» [1. С. 401]. Однако, Ильин вовсе не считает установление монархии спасением от возможных политических катаклизмов. В частности, говоря о необходимости борьбы против общего врага России – коммунизма – Ильин выступает за создание надпартийного блока республиканцев и монархистов.

Исключительное внимание И.А. Ильин уделял также вопросу наличия необходимых личных качеств у государственных деятелей посткоммунистической России – по мнению мыслителя, власть в России должна осуществляться «лучшими» людьми, а при формировании органов власти должен существовать также и «этический ценз». Так, мыслитель говорит о необходимости формирования авторитета власти и ее добровольного признания со стороны подчиненных: «Власть, лишенная авторитета, хуже, чем явное без-

власти; народ, принципиально отвергающий правление лучших или не умеющий его организовать и поддерживать, является чернью, и демагоги суть его достойные вожди» [1. С. 298]. Интересно, что определение «черни» у Ильина не имеет сословных или образовательных коннотаций – «...к черни может принадлежать всякий: и богатый, и бедный, и темный человек, и «интеллигент» [1. С. 297] – и относится к морально-гражданственным категориям: «Люди становятся чернью тогда, когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, но частной корыстью; но именно поэтому они не ищут лучших людей и не хотят передавать им власть...» [1. С. 298]. Отличительными чертами «черни» И.А. Ильин называет «корыстную волю» и «убогое правосознание», а в революционные эпохи также и политическую притязательность», а государственная власть для нее – средство достижения личных или классовых целей. Главным врагом государственности является «демагог», строящий свою карьеру и власть на использовании худших черт и привычек «черни»: «Он обращается к худшему, что есть в человеке, и это худшее полагает в основу политики и власти; он низводит государственное дело на уровень черни и ее понимания и на этом строит свой успех» [1. С. 299]. Рассуждая о новом руководстве страной при переходном периоде власти после падения коммунистов, И.А. Ильин предлагает искать людей во власть благодаря их талантам, из числа простых граждан страны: «...среди русских простых людей, особенно среди крестьян, всегда бывало немало государственно-здоровых и даже мудрых людей» [1. С. 28].

Таким образом, Ильин говорит об опасности прихода к власти людей, заинтересованных не в развитии и созидательной деятельности на пользу государства, имеющих лишь личную заинтересованность, что «создает постепенно режим политической порочности», а также о необходимости принятия превентивных мер против «демагогов» – популистов, стремящихся захватить власть и ресурсы и не считающихся с интересами государства.

Отдельным пунктом программы построения своего идеального государства – «будущей России» – Ильин выделял вопрос существования и созидательной деятельности политических партий. Говоря о политической деятельности в будущей России, И.А. Ильин стоит на этактистских позициях и говорит о необходимости, при ее проведении, обязательного соблюдения интересов всего общества: «только служение общему интересу превращает государственную власть в действительный, авторитетный центр политического единения» [1. С. 300]. Размышляя в соответствии с реалиями первой половины XX века, Ильин говорит о необходимости для любой партии, желающей изменить Россию, стремиться не захватить власть в государстве, а самим выстроить это государство. Ильин особенно отмечает, что задачей любой политической партии является «...поставление себя лицом к лицу с... глубиной правосознания и с общим государственным интересом» [1. С. 302]. Политическая партия, согласно Ильину, «не может быть *классовой по сво-*

ей программе: она должна быть непременно *всеклассовой*, и притом *сверхклассовой*. Ибо государственная власть есть нечто *единое* для всех и *общее* всем, и поэтому программа, намечающая ее желанную и грядущую линию поведения, может содержать указания только на *общие* интересы. Партия, лишенная *государственной* программы, поддерживающая один классовый интерес, есть *противогосударственная* партия; она политически недееспособна; если она захватит власть, то она поведет нелепую и гибельную политику и погубит государство раньше, чем сила вещей заставит ее наскоро придумать *политические* добавления к ее *противо-политической* программе». Этической сверхзадачей любой «государственной» партии должно быть «верное публичное правосознание и объединить их в *государственном* единомыслии» [1. С. 302]. Отметим, что Президент России, Владимир Путин, выступая на съезде крупнейшей в нашей стране политической партии «Единая Россия», отметил, что «Стратегические цели, планы, как вы знаете, были обозначены в указах, конкретизированы в Послании Президента Федеральному Собранию. Отмечу, что в их реализации принимают участие все парламентские партии – я не могу об этом не сказать, – все парламентские партии, общественные организации, структуры гражданского общества. И такая консолидация вокруг общенациональной повестки – наше важнейшее достояние» [5]. Таким образом, И.А. Ильин выразил не теряющую актуальности идею о «государственническом» мышлении, необходимом как в партийном, так и в общегосударственном, и в общественном строительстве, как о неотъемлемой части развития страны.

Таким образом, можно сделать вывод о создании И.А. Ильиным оригинальной социально-политической концепции, сочетавшей в себе принципы ограниченного правом самодержавия и традиционного для исторической России народовластия. И.А. Ильин, находясь в эмиграции, стремился не просто создать политический проект будущего посткоммунистического государства, но и заложил значительные философские и моральные принципы в его основу.

Говоря о важности творчества И.А. Ильина для идейного существования России и русского национального сознания, Н.П. Полторацкий высказал мысль, что «Ильин принадлежит к категории людей, по-настоящему избранных. У него есть, чему научиться и нынешним поколениям, и будущим. Ибо он был носителем не только верных идей, но и духовного меча и животворящего креста. Именно такие вдохновенные и вдохновляющие – предметно-компетентные и ответственные – учителя и нужны в наше смутное и трудное время. И, конечно, именно такие нужны и в будущем» [4. С.477].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ильин И.А.* Наши задачи. Собр. соч.: В Ют. М., 1993. Т. 2. Кн. 1.
2. *Ильин И.А.* Кто мы? О революции. О революционном кризисе наших дней: собрание сочинений. М.: Русская книга, 2001.

---

3. Лисица Ю.Т. И.А. Ильин как правовед и государствовед // Вопросы философии. 1991. № 5.

4. Полторацкий Н.П. Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение. М.: Русская книга, 2001.

5. Путин Владимир выступил на XX съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия» // Президент России // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/65886>.

A.P. PIENE

*Master's degree student of the faculty
of Public Administration and Law of the Russian
Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation (RANEPA) –
a branch of the Moscow Regional, Krasnogorsk,
Moscow Region, Russia*

SOCIAL AND POLITICAL CONCEPT OF “FUTURE RUSSIA” BY I.A. ILYIN

The article discusses the basic principles of the socio-political concept of “future Russia” by one of the leading conservative thinkers of Russian emigration, the famous philosopher and jurist – I.A. Ilyin. The author analyzes his project of the political and social structure of post-communist Russia – the neoconservative “third way”, combining the principles of the autocracy limited by law and the people's power traditional for Russia, characterizes the philosophical foundations of his ideological and political views, considers the relevance of I.A.'s political theory. Ilyina in today's political conjuncture. The author comes to the conclusion that the political concept of “future Russia” is an “ideological concentrate” of the Russian national idea of statehood, based on a number of principled positions: the need for a legally controlled, “populist” strong “vertical of power”, the creation of “social elevators” for the mobilization of citizens representing various professions and estates to power, as well as the prevention of party or tyrannical dictatorship or uncontrolled liberal democracy of the Western type.

Key words: *I.A. Ilyin, political science, nationalism, Russia, the state, Putin.*

DOI 10.35775/PSI.2021.71.7.003

УДК 9.94(47)

Д.Е. СЛИЗОВСКИЙ

доктор исторических наук, профессор
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва

Н.П. МЕДВЕДЕВ

доктор политических наук, профессор,
Президент Национального Союза Политологов,
Россия, г. Москва

В.А. ЖАЛНИН

заведующий сектором Управления
международного протокола
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО РАЗВИТИЯ

Ни одному народу его система образования не преподносится готовой как дар. Система образования рождается, растет, медленно и постепенно обретает свои отчетливые черты и свойства. Иначе говоря, имеет свою историю. И свою историю оформления как исторической проблемы и объектно-предметной области исторической науки. В данной статье нас интересовали не столько истоки рождения и развития системы образования, сколько возможности выявить и проанализировать базовые основания этой системы как непреходящих принципов и ценностей, сформировавшихся на протяжении тысячи лет, и на которых зиждется национальное образование. По результатам исследования было дополнено и расширено актуальное значение того явления, которое связано в оценках и исследовательских интерпретациях с темой образования, подверженной устойчивым отрицательным рефлексиям. Так, в исторической науке, как, впрочем, и других гуманитарных науках, сложилась, на наш взгляд, ошибочная корреляция между российской цивилизацией, российскими политическими режимами и степенями грамотности, доступностью, и качеством образования. Чем менее развитая цивилизация, или интерпретируемая как более централизованная и жесткая система, тем будто бы меньше вероятность того, что население будет иметь доступ к образованию. В тисках такой отрицательной корреляции оказалась и история, и историография по теме образования в России. Преодолеть этот вредный и ошибочный

подход можно, если по-новому подойти к истории складывания системы национального образования и определения ее качественных признаков и свойств как исторически преходящего явления.

Ключевые слова: образование, система образования, история российской системы образования

1. Подходы к проблеме. Критические пассажи в сторону несовершенного современного образования не лишены оснований, как и попытки объяснить причины такого состояния. В общественном сознании и также в сознании профессионального сообщества современной России на этот счет есть самые разнообразные мнения. Не полно, но в то же время емко и обобщенно этот рефрен в сознании и аналитике выражен таким суждением: «И то, что происходит сейчас в образовании, это отход от истины, от естественного хода жизни» [11].

Отход от истины и от естественного хода жизни – возможно это самый верный указатель причин неблагополучия с образованием. Этот тезис стоит принять во внимание и от него оттолкнуться, исследуя историю системы национального российского образования. И, если сделаем попытку диалектично интерпретировать этот тезис, то логично будет признать правомерность контртезиса этого суждения, который предполагает следующие смыслы: не «отход», а возвращение к истине и к естественному ходу жизни, к истокам рождения и развития того, что входит в понятие «истоки системы образования» [2; 3].

Вот почему естественно говорить об актуальности и востребованности вопроса исторического метода познания истоков и результатов развития системы образования. Современность тому тоже подспорье и аргумент, чтобы генезис и исторические основания системы национального образования были концептуально переосмыслены. Ведь грустно думать, что даже такому крупному педагогу, ученому, каким ныне является в российской системе образования Евгений Ямбург, приходит на ум мыслить влияние истории на педагогику и воспитание в парадигме, где история есть только «историческая травма» и «мина замедленного действия» [12].

Наперекор таким тенденциям и коль так, то есть смысл не только посмотреть, как, с какими идеями, ради какой идеи и во имя чего все поколения отечественных древних летописцев, историков, литераторов, государственных чиновников, представителей духовенства и церковью обращались к теме образования, образованности, воспитания и просвещения. Принципиальное значение будет иметь расшифровка того, что собой представляла система образования, когда образование становилось основой физического, духовного и профессионального развития общества, когда в эпоху общинного и раннего государственного строительства их устроители нашли и развили

адекватные этому устройству формы воспитания и обучения молодого поколения, детей. И когда этот устойчивый тип системы образования историей закрепился и обрел статус национальной российской системы образования

2. Зарубежный пример позитивной рефлексии системы образования. Если обратиться к историческим сюжетам на эту тему, как ее видят зарубежные исследователи, то резонно и достойно тщательного внимания то, что, обращаясь к истории образования, исследователи считают нужным указать на, казалось бы, мелкие и не существенные детали. Но именно эти детали – важны и принципиальны даже в качестве метода анализа и познания, для выработки стратегии изучения истории складывания российской системы образования. Что в этом случае ценно.

Так, ранее 2000 года до н.э. были обнаружены клинописные учебники математики. И это наводит на мысль, что еще в эпоху Шумера могла существовать какая-то форма школьного образования. Известно также и то, что в Китае в этот период существовали тоже официальные школы. А в период (50 г. до н.э. – 200 г. н.э.) получает развитие римская школьная система. Римляне испытали сильное влияние греческой системы образования. Многие дети, научившись читать и писать, посещали школу для изучения латыни, литературы, истории, математики, музыки и диалектики. Эти латинские школы имеют сильное сходство со средними школами XX века.

А в «темные века» (400-1000 гг.), когда простые люди подвергались политическому и религиозному угнетению, и они столкнулись с ограничением развивать свои способности, расти интеллектуально, как это было ранее у греков и римлян; когда образование не было доступно для большинства людей – некоторые люди в церквях и в богатых семьях все же смогли получить образование и добиться больших успехов. Этим историческим нарративам нисколько не противоречит то дополнение, которое свидетельствует, что в средние века (1225-1274 гг.) большинство людей обучались у католических священников, многие из которых были коррумпированы. А Фома Аквинский своими теологическими трудами помог изменить взгляды церкви на то, как простые люди должны учиться и расти в знаниях: и он же стоял у истоков создания средневековых университетов. И только от эпохи ренессанса (1350-1700 гг.), начавшейся в Италии, можно говорить о возрождении народной жажды к новым знаниям. А медленное распространение таких идей по всей Европе привело к возрождению классического образования, известного как «гуманизм» [16].

Американские исследователи в свою очередь достойным считают в истории показать и объяснить, что, например, учение Джона Локка о получении знания через опыт, его взгляды на разум и то, как люди учатся, оказали большое влияние на образовательную системы этой страны. В одном ряду по важности стоят для американцев:

а) закон (1647 г.), постановивший, что в каждом городе с 50 семьями или более необходимо нанять школьного учителя, который обучал бы детей

города чтению и письму. И что во всех городах, где проживает не менее 100 семей, должен быть учитель латинской грамматики, который готовил бы студентов к поступлению в Гарвард;

б) основание в 1751 году Бенджамин Франклин американской академии – образовательного учреждения. Программа обучения здесь сочетала классические и актуальные предметы: уроки истории, географии, навигации, геодезии и языков;

в) получение права отдельными штатами контролировать образование после принятия 10-ой поправки к Конституции Соединенных Штатов;

г) «изобретение» в 1801 году Джеймсом Пиллансом грифельной классной доски, которую повесили на стену класса. Особо выделяют американские исследователи в истории складывания национальной системы образования факт массового производства в 1900 карандашей и бумаги, что в конечном итоге заменило школьную доску и облегчило написание. Образование с этого времени становится более доступным;

д) принятие в 1852 году штатом Массачусетс закона об обязательном образовании. И чтобы все прихожане могли читать Библию. Этот закон распространился в США по всей стране лишь в 1917 году. Последним штатом, принявшим такой закон, были Миссисипи.

Многие другие, мелкие и знаковые, но все по-настоящему важные акты и мероприятия стали национальным достоянием в складывании американской системы образования. Этой легенде не противоречит даже то, что среди важных сообщений и фактов есть факт о массовом производстве бумаги и карандашей. Этот пример, если следовать этой логике, достоин того, чтобы в полной мере показать и объяснить для степеней развития российской системы образования массовое производство аналога такой бумаги (берестяных дощечек) на новгородской и прочих землях еще в Древней Руси. Или понять в полной мере степень и уровень развития системы образования самой передовой страны, в которой в 1960 году фиксируется факт посещения начальной школы белых учеников афроамериканским ребенком. Оказывается, в начальной школе Уильяма Франца в Новом Орлеане первоклассница Руби Бриджес была первым афроамериканским ребенком, который пошел в школу. Для российской ментальности удивителен не только этот факт. Еще большее удивление вызывает то, что в конце концов Руби Бриджес стала единственным ребенком в классе, потому что все белые родители забрали своих учеников из класса [11].

3. Актуальные нарративы исторического подхода. Следует учитывать, что историческое прошлое системы образования России было в фокусе внимания таких крупных фигур прошлого времени, как: С.А. Строганов, А.Г. Воронцов, Ф.И. Соимонов, П.И. Рычков А.П. Сумароков, М.М. Херасков, В.К. Третьяковский, М.М. Щербатов, И.И. Голиков, Н.И. Новиков и других. Как оценим их вклад в изучение этой темы?

Пока лишь одно ясно и очевидно, они не уклонялись от этой проблемы. И прилагали огромные усилия, чтобы описать и проанализировать истоки этого явления. И естественно было их стремление начинать свои изыскания с догосударственной и ранней государственной эпохи – с истории образования и воспитания у восточных славян в VI-IX вв. и затем с истории Древней и Средневековой Руси-России.

Многого добившись, российские исследователи-историки тем не менее оставили обширный пробел, суть которого, на наш взгляд, в том, что они сконцентрировали свое внимание на выявлении важных, но переменчивых факторах, определявших сущность системы образования на том или ином отрезке истории [10]. Но в силу разных причин (прежде всего концептуальных и методологических) им не удалось перевести область изучения в ту плоскость, где возможно было показать и объяснить, что историей государства и общества сформированы преходящие, устойчивые традиции и ценности системы образования. И какие бы перемены не сопровождали ту или иную эпоху развития страны и системы образования, в каждой из них обнаруживались не только новые ее свойства и качества, но и закреплялись единые, переходящие из одной к другой эпохе признаки и свойства. Их то только и можно считать национальными, российскими элементами системы образования. Остается лишь описать, выявить и проанализировать, что собой приставляют эти самые принципы и свойства системы образования.

По природе своей пограничная, область национальной системы образования не исчерпаем до конца ни государственной политикой, ни православнорелигиозным покровительством, ни историко-культурным порядком. Все эти элементы различны сами по себе, по-разному формировали и развивали систему образования, испытывали на себе постоянно ее влияние. Однако всегда заявляли о себе в единстве, и лишь в этом единстве можно понять суть и смыслы российской системы образования, ее традиции и закреплённые историй принципы. И из этого единства составить адекватное представление об этом явлении.

Каждая национальная система образования рождалась в напряжении внутренних и внешних сил, в атмосфере подъемов и спадов, испытывая влияние со стороны наиболее развитых и просвеженных наций и государств [15]. Историческое полотно развития национальных систем образования – имеет

Конечно, к изучению темы образования в допетровский период истории страны было приковано много сил, рефлексия ее то вспыхивала, то затухала, и никогда не прекращалась. Но, к сожалению, так и не сложилось ни общего о ней представления, ни даже более или менее консолидированного мнения по частным случаям. Что собой представляла система образования в допетровские времена, этот вопрос много раз ставился, остается он, на наш взгляд, открытым для исторической науки и сегодня [8].

Длительная полемика и острые дискуссии, вызванные разницей взглядов на образование и образованность в Древней Руси-России, начиная с XVIII в.,

продолженные в XIX веке [7], перешедшие теперь уже и в наше время [1], сформировали лишь устойчивую потребность пролонгации изучения и более тщательного анализа предметно-содержательного поля этой темы.

Было бы опрометчиво считать, что не накопилось знаний на эту тему. Их массив явился следствием попыток ответить на ряд важных вопросов. Еще раз подчеркнем, исследователи всех направлений мучились в поисках понимания, что собой представляла по тем временам система образования. Ответы, им казалось, можно найти в описании и анализе ее истоков, структуры, уровнях функционирования, в определении результатов и итогов в деле просвещения, образования, обучения и воспитания. Делались попытки даже расширить поиск изучения и выходить дальше этой академической традиции в постановке указанных вопросов и ответов на них. Пытались понять и объяснить этот процесс, изучая взаимовлияние образования и народно-государственной истории страны [8]. Но и тогда, и теперь при кажущемся консенсусе по самым общим аспектам, либо споре по частным случаям, среди узкого круга специалистов, оставались до поры до времени тлеющие очаги старых и новых споров.

Фиксирование такой логики в процессе изучения данной темы ничего нового не дает, чтобы продвинуться в познании самого процесса формирования системы образования. Вот почему не может быть удовлетворительным и тот результат в познании, который уже современными исследователями формулируется в следующих терминах: является ли допетровская Россия чистой доской в плане образования, или эта эпоха – естественная среда, уходящая корнями в самые глубины история рождения и развития национальной системы образования [14]. Нередко логика рассуждений исследователей темы о системе образования в допетровскую эпоху приводит их к такому выводу, что допетровская Россия не являлась чистой доской и для образования; и даже стала естественной средой и опорной платформой для будущей системы образования. Коль так, то почему оказывается этого недостаточно, чтобы такого рода суждения стали действительным отражением той эпохи для понимания структуры интеллектуальной жизни и образования как базовой и достаточной, чтобы стать и быть основой не спада, а подъема в развитии национальной системы образования вплоть до наших дней.

Это, скорее всего говорит о том, что в рассуждения исследователей о системе образования закралась концептуальная, даже мировоззренческая ошибка. Она то и является первопричиной в неверном или ошибочном истолковании того, что на самом деле собой представляла система образования.

Допускаем, что это была еще не система в ее развитом виде, или это была вообще не система, а что-то иное, что никак не подпадает под понятие системы, но уже существует как реальность, что представляет собой определенное взаимодействие элементов, частей духовного и материаль-

ного порядка, то есть заявляет о себе как о системе. Или такой срез знаний о рассматриваемом явлении нам только так представляется в нашем воображении, которое не ушло дальше того, чтобы раз за разом повторять одну и ту же мысль, как это видно при детальном знакомстве с историографией темы. Вопросы об образовании и образованности, о грамотности, о школах, о том, как церковь и государство соперничали с народной педагогикой в эпоху княжеско-монархическо-императорской Руси-России были в прошлом и не перестали быть спорными и противоречивыми [4]. Но этот рефрен в исторической и политической науке в России уже исчерпал себя и не дает новых идей и подходов.

Естественно, что продолжать эту линию мышления об образовании и воспитании, или сравнивать, какой из периодов российской истории нанес большую травму системе образования, – можно. Но насколько это продуктивно! Можно и нужно ведь и расширить глубину концептуально-предметной области исследования хотя бы потому, что у исторического метода ее изучения есть сторонники, кто мыслить историю («*historia est magistra vitae*») учительницей жизни и те, кто видят в прошлом пустоту. «...Минувшая (пустая) история способна возродиться, если того потребует сама жизнь» [5], – решительно утверждают исследователи характера связей истории с философией.

Итак, актуальным может быть обсуждение и анализ того, чтобы показать и объяснить, что первая из эпох развития системы образования, самая длительная, заложила пусть еще не в развитом и сложившемся виде базовые принципы, структурные особенности и всеобъемлющий потенциал дореволюционной национальной модели образовательной и научно-технической политики. Она охватывает собой период от предыстории образования российской государственности до падения монархии в 1917 году, внутри которой мы выделяем допетровскую и послепетровскую историю образования и просвещения. И если допетровская эпоха оставила опыт того, как «новое водворялось так легко и оказалось так чуждо старому» [6], то последующая эпоха подготовила общественное сознание и создала материальные и интеллектуальные предпосылки, подвела к историческому рубежу, за которым система образования беспримерно будет выполнять функции «социального лифта», всеобщей грамотности, эффективного использования инженерного и научно-технического прогресса в эпоху индустриального образа жизни. Вульгарно уже не замечать и игнорировать страну с противоречием неограниченных возможностей и неограниченного невежества. И не устранять это противоречие, рожденное еще историей генезиса преобразования государства и православного христианства, и эволюцией образования государственности и православного церковного порядка и богословско-апостольского ученичества.

В современной трактовке понятие система образования представляет собой целенаправленно разработанный обществом социальный институт,

организованную систему связей и социальных норм, соответствующих конкретному обществу, его потребностям и требованиям, предъявляемым к социализированной личности [9]. Как всякое другое понятие и понятие «система образования» не является законченным, обретшим неизменные элементы, свойства, черты и качества. Данную трактовку понятия следует использовать с большой долей осторожности при переносе ее характеристик на систему образования общинного и раннего государства, пространства и времени, удаленного на более чем тысячу лет назад. Но уже из приведенного определения действительно и естественно то, что всякая система образования «соответствует конкретному обществу». Этого достаточно, чтобы предполагать о существовании особой и уникальной системы образования эпохи восточных славян и догосударственной модели развития этой системы на определенной территории с VI по IX вв. И далее, ее черты мы обнаруживаем в другие исторические эпохи, что позволяло российскому обществу иметь в некоторой степени уникальную и своеобразную систему образования, не смотря устойчивую линию на заимствование и подражание этой системы у других моделей и других стран, в основном западных. Возможно поэтому удивления достойно, что тема истоков и природы национальных систем образования была и остается одной из самых захватывающих, востребованных, но и менее развитых в теоретическом и практическом плане. И это характеристика присуща особенно области исторического знания и понимания этого феномена даже в границах современной, новейшей истории

Заключение. Российская модель социального и государственного устройства во все периоды ее существования, с разной интенсивностью, но неизменно демонстрировала активное отношение, повышенное внимание к образованию, науке и техническому развитию. В проблематику образования и науки всегда был включен государственный аппарат управления. Лидеры страны и правительство старались связать образование с государственным строительством, экономикой, с духовым и материальным развитием. Но столь же выпукло видно, что ставка на развитие образования в политическом и идейном отношении, если это рассматривать как процесс, не был ровным ни в досоветский, ни в советский период. Остался он таковым и в постсоветскую эпоху, демонстрируя на протяжении последних почти тридцати лет чехарду реформ, программ, проектов, суетных движений (мероприятий, мер, инициатив, инструментов) от одной точки к другой, чередуя смены курса и основных направлений в политике. Ни государственное, ни политическое руководство, ни экспертное сообщество оказываются не способно четко и внятно определить направление своей политики по части развития образования и воспитания. Причина, на наш взгляд в том, что нет объемного и полного, глубокого понимания, что собой представляет система образования в своем непреходящем во времени формате. То есть

речи идет о той модели национальной российской систем образования, которая представляет собой единый и закреплённый тысячелетней историей каркас оснований, принципов, идей, который породили эту систему, дали ей развитие, сформировав нетленный во времени ценностный ряд свойств и качеств. Они-то, эти свойства и качества системы образования, как бы не потряхивались в содержании и формах, в какой бы степени ни подражали внешним аналогам, – всегда трудно, но упорно возвращались к своим истокам ученичества ради обретения знаний, потом навыков и компетенций.

И когда это направление определялось, когда формулировался вектор развития, тогда можно было видеть успехи:

- в организационно-плановом управлении экономикой страны и системой образования;

- в образовательной политике как самостоятельном явлении в системе государственной политики;

- в кадровом обеспечении на всех уровнях развития школьного и вузовского образования;

- планах электрификации страны, подкреплённых такими же планами всеобщей подготовки специалистов через систему развития профтехучилищ, техникумов и институтов соответствующего профиля;

- и в реализации еще более грандиозного плана, связанного с атомным проектом и проектом освоения космоса.

Но столь же очевидно и другое – часто и нередко руководители страны (от великих князей, до монархов, императоров, генеральных секретарей и президентов) были в положении гребцов надвигающихся по кругу галерах: много движений без движения.

Экскурс в историю генезиса и развития системы образования России за последние 1000 лет и особенно за последние 200-300 лет – это стремление и даже академическое любопытство подтвердить или опровергнуть существующие на этот счет представления. Суть их в том, является ли современная система образования:

- а) результатом восходящей эволюции образовательных элементов (единиц);

- б) следствием деградации («уклона») этой системы;

- в) или все же эта система является симбиозом элементов более высокого и более низкого уровня.

На наш взгляд, ответы такого рода являются образчиком европейской культуры мышления и перенесение ее стиля на познание истории и культуры других народов, других пространств и территорий. Если принять к сведению такого рода суждения, то выяснится: первая и важная причина неверного истолкования истории формирования системы образования в России не только в том, что извне есть ошибочное и неверное понимание всего того, что связано с историей России. Этот ошибочный крен был бы не так опасен, если бы в самой России не сформировалась интеллектуально очень

мощная школа, которая приняла теоретические и мировоззренческие формулы западной науки, отвечающие на вызовы в российской истории в связи с системой национального образования тем манером, который мы попытались представить.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Диссертация Елены Валентиновны Онищенко «Образование в Древней Руси IX-начала XIII вв.». Статьи Марины Владимировны Захарченко «Школа в педагогической культуре Древней Руси», Татьяны Борисовны Земляной и Ольги Николаевны Павлычевой «Состояние и развитие образования в Древней Руси», Татьяны Викторовны Козыревой «Роль христианства в становлении образования в Древней Руси», Ольги Юрьевны Колпачевой «Школа и образование в Древней Руси», Александра Николаевича Позднякова «Проблемы становления и развития образования в Древней Руси: по материалам исследований, опубликованных в XI – начале XX вв.» и др.

2. *Зоря Юлий*. Система образования. История и современность // <https://www.psychologos.ru/articles/view/sistema-obrazovaniya.-istoriya-i-sovremennost>.

3. История создания образования, как социального института // <https://mentamore.com/istoriya/istoriya-sozdaniya-obrazovaniya.html>.

4. *Колпачева О.Ю.* Школа и образование Древней Руси // <https://cyberleninka.ru/article/n/shkola-i-obrazovanie-drevney-rusi/viewer>.

5. *Кроче Б.* Связь истории и современности. История как мысль. Периодизация истории и классификация фактов // <https://cyberpedia.su/7x7e3f.html>.

6. *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. М.: Изд-кая группа «Прогресс-Культура», 1994. Т. 2. Ч. 2.

7. О древнерусских училищах (1854 год) // <http://библиохроника.рф/Сюжеты/о-древнерусских-училищах>.

8. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / Э.Д. Днепров, О.Е. Кошелева, Г.Б. Корнетов и др. / Отв. ред. Э.Д. Днепров. АПН СССР, НИИ общ. педагогики. М.: Педагогика, 1989.

9. Понятие, особенности и структура системы образования России // <https://zaochnik.com/spravochnik/pedagogika/obrazovatel'naja-sistema-rossii/ponjatie-obrazovatelnoj-sistemy-rossii>.

10. *Слизовский Д.Е., Жалнин В.А., Медведев Н.П.* К вопросу о национальных системах образования: история и современность // Вопросы политологии. 2021. Том 11. № 6 (70).

11. Современные родители не позволили бы Макаренко сейчас работать в школе. О принципах и методах воспитания великого педагога. // <https://zen.yandex.ru/media/letsstartagain/sovremennye-roditeli-ne-pozvolili-by-makarenko>

---

seichas-rabotat-v-shkole-o-principah-i-metodah-vospitaniia-velikogo-pedagoga-60d69d9a6e273625213188c6.

12. Ямбург Е.А. Искусство просвещения. Практическая культурология для педагогов и родителей. М.: Бослен, 2020.

13. Archer Margaret. Social origins of educational systems // https://www.researchgate.net/publication/289787989_Social_origins_of_educational_systems.

14. Fedyukin Igor. EDUCATION IN EARLY MODERN RUSSIA: BEYOND THE “PETRINE REVOLUTION” // <https://www.hse.ru/data/2020/01/29/1569360905/185HUM2020.pdf>.

15. Green Andy. The Social Origins of National Education Systems // https://www.researchgate.net/publication/312996077_The_Social_Origins_of_National_Education_Systems.

16. History of Education // <https://www.preceden.com/timelines/331186-history-of-education>.

D.E. SLIZOVSKIY

*Doctor of Science, Professor,
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

N.P. MEDVEDEV

*Doctor of Political Science, Professor,
President of the Union of Political Scientists
Moscow, Russia*

V.A. ZHALNIN

*Head of the Department of the
International Protocol of the RUDN
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*

HISTORY OF THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM: CURRENT PROBLEMS OF A MILLENNIUM DEVELOPMENT

Not a single nation is presented with its education system ready-made as a gift. The education system is born, grows, slowly and gradually acquires its distinct features and properties. In other words, it has its own history. And its history of formation as a historical problem and object-subject area of historical science. In this article, we were interested not so much in the origins of the birth and development of the education system, as in the opportunity to identify and analyze the basic foundations of this system as enduring principles and values that have formed over a thousand years, and on which national education is based. Ac-

---

According to the results of the study, the actual meaning of the phenomenon, which is associated in assessments and research interpretations with the topic of education, subject to stable negative reflections, was supplemented and expanded. So, in historical science, as, indeed, in other humanities, there is, in our opinion, an erroneous correlation between Russian civilization, Russian political regimes and literacy degrees, accessibility and quality of education. The less developed a civilization, or interpreted as a more centralized and rigid system, the less likely it is that the population will have access to education. Both history and historiography on the topic of education in Russia have found themselves in the grip of such a negative correlation. It is possible to overcome this harmful and erroneous approach if we take a new approach to the history of the formation of the national education system and determine its qualitative features and properties as a historically transient phenomenon.

Key words: *education, education system, history of the Russian education system.*

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИРАНСКИХ ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В данной статье рассматриваются проблемы политического участия женщин в современном Иране: препятствия и пути их преодоления. Традиционные культурные и социально-экономические условия иранского общества стали основными препятствиями для широкого участия иранских женщин в политической сфере страны. В данной статье проведена оценка факторов, которые мотивируют женщин и мужчин Ирана участвовать в политической жизни страны, а также изучены препятствия, с которыми сталкиваются женщины Ирана на пути к политической власти. Особенности деятельности политических партий и влияние финансового положения кандидатов на предвыборную кампанию, недоверие к женщинам в иранском обществе (в части их общественной роли), отсутствие избирательных квот для женщин, являются основными факторами их неучастия в выборах в качестве важных политических фигур Ирана. При этом мотивация женщин к участию в выборах в качестве внутреннего фактора, а также структура иранской политической системы в качестве внешнего фактора, играют далеко не последнюю роль. С 1978-1979 гг. после победы Исламской революции в Иране стали происходить преобразования в части прав женщин. Правительство конституционно определило равное право мужчин и женщин в политической жизни, но при этом другие сферы жизнедеятельности подвергались сильному религиозному влиянию. Только в 1990-х гг. права иранских женщин на участие в политической жизни стали изучать всерьез (в частности, в 1997 году, когда на пост президента баллотировалась женщина).

Ключевые слова: женщины, Иран, политическая жизнь, проблем, парламент, партия.

Введение. Необходимость исследования мотивов и препятствий у иранских женщин на пути к политической деятельности обусловлена их неоднозначным правовым положением в настоящее время. С одной стороны, жен-

щины Ирана достигли определенных прав, которые ранее по религиозным причинам не могли бы воплощаться в жизнь (например, право на вождение автомобиля, на обучение в высшем учебном заведении, право отстаивать свои интересы и интересы детей в бракоразводном процессе и т.д.). Важным событием в жизни иранских женщин стало принятие в 2005 году «Декларации прав и обязанностей женщин в системе Исламской Республики Иран». Это событие способствовало тому, что права женщин Ирана закрепились не только в сфере семьи, но и в социально-политической сфере. Иными словами, женщина Ирана могла начать политическую карьеру и наравне с мужчинами полноправно участвовать в политической судьбе Ирана.

С другой стороны, современные реалии свидетельствуют о том, что политические права женщин Ирана существуют лишь в теории. На практике они реализуются в редких случаях. Подтверждением этого факта может быть место Ирана в рейтинге стран по уровню равноправия полов. В 2020 году из 153-х стран мира Иран в этом рейтинге занимал 148-е место: между государствами Чад и Конго. Иными словами, фактическое правовое положение женщины и ее уровень участия в политической жизни страны находятся в критическом состоянии.

Чтобы определить направления работ по совершенствованию политических прав женщин Ирана для иранских и международных женских организаций, международных комитетов ООН и других специализированных объединений, необходимо подробно изучить мотивы женщин к участию в политике, а также препятствия, стоящие на их политическом пути.

Изучая историю вопроса становления политических прав женщин Ирана, стоит выделить значимую дату – конец 1970-х гг. Именно в этот период после проведенной Исламской революции на уровне органов государственной власти стали происходить кардинальные перемены. Во введении к Конституции 1979 года было отмечено, что отвергается эксплуатация мужчиной женщины, а также возможность потребительского отношения. С 1979 года женщина Ирана официально воспринимается в качестве соратницы мужчины.

Эта же редакция Конституции перечисляла права, которыми с 1979 года наделяются женщины наравне с мужчинами: гуманитарные, социальные, экономические, культурные и политические. Несмотря на то, что даже политические права имеются среди прав женщин Ирана, в этот же временной период возрождается практика исламских наказаний. Именно этот факт привлек внимание Комиссии по правам человека ООН, которая более пристально начала изучать права женщин исламских стран.

Уже в начале 1990-х гг. женщины Ирана проявляли активность не только на семейном поприще, но и создавали специализированные организации, целью которых являлось оказание помощи обездоленным женщинам, сиротам и беспризорникам. Также появлялось множество благотворительных фондов. Социальная роль женщины повысилась.

Активно призывали к защите прав женщины, состоящие в Женской организации Ирана, созданной в 1966 году пятью тысячами женщин. Именно ячейка этих членов иранского общества при помощи консультаций, переговоров, в т.ч. с президентом, способствовала росту значимости женщин в политике государства. На политической арене женщины данной организации не только отстаивали свои права и права детей, но также поднимали важные вопросы социальной и экономической сферы.

Что касается повышения роли женщины Ирана в политике, то демонстрация этого факта произошла в 1997 году. Это было связано с новыми условиями в государстве, сложившимися после избрания на пост президента страны Мохаммада Хатами. Именно его период власти называют одним из самых либеральных и реформаторских. Изучая политические перемены, женщины стали активно выступать за свое право присутствовать в политике, т.к. высшие посты в органах власти занимали только мужчины. Некоторые СМИ (например, издательство «Zane-ruz») подчеркивало, что Конституция Ирана не исключает даже право женщин занимать высшие исполнительные посты.

Первой женщиной, которая решила выставить свою кандидатуру на пост президента Ирана, стала Азам Телегани (1997 год). Несмотря на то, что ее кандидатура не набрала должного количества голосов, в обществе сформировалось убеждение, что женщина в политике – это норма. Например, в этом же году на пост вице-президента по экономическим вопросам назначается другая женщина – М. Эбтекар.

Этот период усиления роли женщин в политике совпадал с повышением уровня вовлечения женщин Ирана в систему высшего образования. С 1993 года женщины стали активно поступать в высшие учебные заведения, что изменило их статус в экономике, социуме, повлияло на рынок труда и на право участвовать в политической жизни. Например, в 1997 году количество студентов мужского и женского пола в высших учебных заведениях Ирана составляло приблизительно 50/50%, а к 2006 году женщины преобладали в общем количестве студентов, занимая около 60% [3].

Следующий период становления политических прав женщин Ирана начинается с 2005 года, когда в стране была принята Декларация о правах и обязанностях женщин, а Иран официально присоединился к международным договорам, регулирующим соблюдение прав женщин. Женщины Ирана создали Совет и имели возможность подавать на рассмотрение международных организаций отчеты о состоянии прав женщин в стране, о текущих проблемах, препятствиях в политике и в других сферах жизнедеятельности.

Что касается современного развития прав женщин в Иране, то они, по сведениям различных отчетов и исследований международных организаций, постоянно сталкиваются с ущемлением во всех отраслях права. Нарушаются не только их права в качестве члена семьи (о чем могут умалчивать и не выносить на обсуждение многие женщины), но и их права в качестве

человека и гражданина. В большей степени на такое положение дел влияет религия, что способствует ситуациям, при которых женщина в 21 веке может оставаться безграмотной, телесно наказуемой, безответной и беззащитной, т.к. зачастую добиться справедливой защиты прав женщин в отдельных регионах Ирана достаточно тяжело.

Все же благоприятные сдвиги в сфере политических прав женщин Ирана в последние десятилетия имеются. Например, количество женщин в парламенте Ирана растет, но очень медленно. Если рассматривать статистику участия женщин Ирана в политической сфере, то они начали вступать в Исламский консультативный совет в следующем количестве [4]:

– первый и второй парламентский срок – количество кандидатов в депутаты от женщин не превышало 90 человек, из них 4 – прошли в парламент;

– третий парламентский срок – количество кандидатов в депутаты от женщин – 25 человек, из них 4 – прошли в парламент. Их вклад в политическую жизнь общества – 34 законопроекта;

– четвертый парламентский срок – количество кандидатов в депутаты от женщин – 82 человека, из них 9 – прошли в парламент;

– пятый парламентский срок – количество кандидатов в депутаты от женщин – 326 человек, из них 14 – прошли в парламент. Их вклад в политическую жизнь общества – 51 законопроект;

– шестой парламентский срок – количество кандидатов в депутаты от женщин – 504 человека, из них 13 – прошли в парламент;

– седьмой парламентский срок – количество кандидатов в депутаты от женщин – 827 человек, из них 13 – прошли в парламент;

– восьмой парламентский срок – количество кандидатов в депутаты от женщин – 580 человек, из них 8 – прошли в парламент;

– девятый парламентский срок – количество кандидатов в депутаты от женщин – 390 человек, из них 9 – прошли в парламент;

– десятый парламентский срок – количество кандидатов в депутаты от женщин – 586 человек, из них 17 – прошли в парламент.

Как видно, уровень активности женщин Ирана значительно растет, однако численность прошедших в парламент не превышала 17 человек. Рост количества женщин-депутатов оказал существенное влияние на политическую жизнь страны, главным образом улучшив положение женщин в обществе. В результате были выделены три уровня участия женщины в политической жизни страны [5]:

– массовый уровень – продвижение интересов всего населения Ирана и женщин в отдельности;

– средний уровень – полноправное участие женщины в деятельности политических партий;

– высший уровень – членство в парламенте Ирана.

На решение кандидата, будь то мужчина или женщина, для участия на выборах и прохождения в парламент в Иране, влияют многие факторы.

Исследованием активности женщин Ирана в политике занимались многие ученые. Например, Хаджиपुर Сардуи С. в своей книге «Женщины и участие в политике – Анализ политики присутствия женщин в Исламском консультативном совете» подробным образом исследует положение женщин в парламенте.

Например, в представленной книге имеются результаты опроса парламентариев об их способах прихода к власти. Результаты опроса имели следующие значения:

- 1) активное участие в общественной деятельности – это привело более 50% мужчин к участию в парламентских выборах, а также 16,7% женщин;
- 2) участие в административной деятельности – 20,8% мужчин и менее 10% женщин;
- 3) работа в неправительственных организациях – 12,5% мужчин и 8,2% женщин;
- 4) деятельность в политических партиях – 12,5% мужчин;
- 5) родственные связи – 4,2% мужчин и 20% женщин;
- 6) другой способ – 8,3% мужчин и 45,1% женщин.

Из данных исследований можно сделать вывод, что мужчины Ирана в парламент приходят преимущественно за счет активного участия в общественной деятельности. Женщины Ирана не рассматривают этот способ в качестве основного. Для них основной путь к власти – это вхождение в парламент за счет родственных связей, а также другие способы, а именно: выдвижение от женских клубов, объединений, высших учебных заведений, профессиональных союзов и т.д.

Также в опросе были выделены сферы жизнедеятельности общества, где присутствуют женщины – депутаты. В результате было определено, что к ним относятся: права женщин и детей, вопросы здравоохранения и образования. Участники парламента отмечали, что работа над проблемами женщин в гражданском обществе и руководство неправительственных организаций является важным путем для женщин при прохождении в парламент [6. С. 229]. Иными словами, чем активнее будет развитие деятельности специализированных женских объединений в Иране, тем больше будет присутствовать женщин в парламенте.

Еще одна сторона, исследуемая при опросе участников парламента, – это мотивация кандидатов баллотироваться на парламентских выборах. Ответы мужчин и женщин не совпадали. Мужчины в первую очередь были нацелены на решение конкретных проблем в обществе, а женщины выбирали в качестве ответа формулировку «служить стране», которая не предполагает ясных целей и задач. Еще одним мотивационным фактором участия женщин в парламентских выборах являлось улучшение положения женщины в иранском обществе. Мужчины же не называли и не выделяли свои гендерные права в качестве причины участия в выборах.

Следующая исследуемая составляющая – это препятствия на пути к парламентским выборам. Для женщин и мужчин препятствия кардинально различаются. Так, для мужчин Ирана основными причинами проигрыша в парламентских выборах, как правило, называются: отсутствие поддержки избирателей, отсутствие финансовых ресурсов и поддержки политических партий, неопытность.

Для женщин основными препятствиями стали: обязанности по дому и интересы семьи, которые женщины Ирана ставят на первое место. Ввиду этой причины в Иране большинство членов парламента – мужчины, а женщины в лучшем случае составляют 5,9% от состава парламента, и большинство из них старше 45 лет. Женщины с меньшим количеством семейных обязанностей более мотивированы, они с большей вероятностью попадают в парламента [2].

Также в ходе исследования были изучены приоритеты мужчин и женщин – депутатов у власти. Определено, что женщины имеют более разнообразные взгляды на проблемы и предлагают большее количество вариантов решения проблем общества. Однако их внимание сконцентрировано на нескольких сферах: экономика, окружающая среда, культура, образование, здравоохранение и продовольственная безопасность. Мужчины же возлагают на себя решение экономических, военных, стратегических задач, вопросы внешней и внутренней социальной политики.

В ходе опроса Межпарламентского союза в 2007 году были выделены насущные проблемы, которые в большей степени интересовали женщин-парламентариев Ирана:

- социальные вопросы: дети, равная оплата труда, декретный отпуск и пенсии;
- физические проблемы: физическое здоровье и гендерное насилие;
- развитие: человеческое развитие, бедность и социальные услуги.

Из представленного списка направлений женщин-парламентариев можно отметить, что большая часть решаемых проблем необходима именно для женского пола. Интересы мужчин просматриваются лишь в части человеческого развития. Ввиду чего можно сделать вывод, что женщины Ирана в парламенте на 90% занимаются решением проблем соотечественниц.

Женщины-депутаты в Иране оказали влияние в таких сферах, как социальные услуги, труд, образование, здравоохранение и права детей, и поднимали в парламенте эти вопросы чаще, чем мужчины. Кроме того, женщины сыграли важную роль в принятии законов о семье. Также большая часть женщин – политиков Ирана голосуют против проектов и решений, которые направлены на загрязнение окружающей среды, на развязывание военных конфликтов, на повышение военных расходов [1].

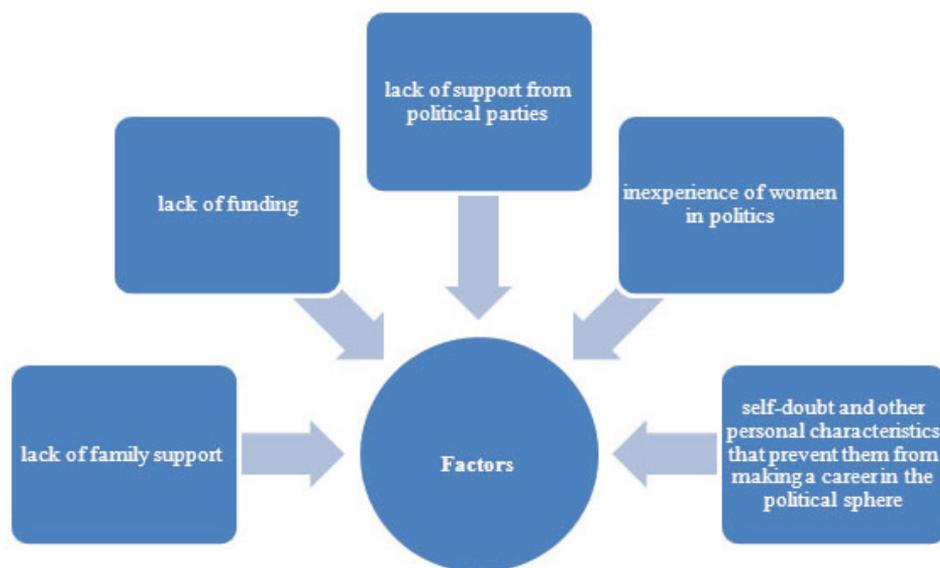
С увеличением числа женщин в парламенте изменился не только состав меджлиса (парламента), но и произошли серьезные изменения в политике.

Присутствие большого количества женщин приводит к возникновению различных взглядов на этот сегмент общества и их больших потребностей.

Стоит отметить, что исследователи разных стран мира (Австралии, США, Канады, Великобритании) подтвердили наличие связи между увеличением присутствия женщин в парламенте и реформами политики с точки зрения гендерного равенства. Это означает, что женщины с большей вероятностью формулируют законы, касающиеся проблем женщин и семейных вопросов [7]. В результате можно сказать, что увеличение числа женщин в парламенте Ирана способствует выражению требований женщин государства, росту числа законопроектов в традиционно «женских» сферах жизнедеятельности, увеличению числа проведенных реформ на благо общества.

Исследуя препятствия к присутствию женщин в парламенте Ирана, следует отметить, не только превышение интересов семьи для женщины, но и такие факторы, как:

- отсутствие поддержки со стороны мужчин и семьи;
- отсутствие финансирования деятельности и поддержки кандидатуры;
- отсутствие поддержки со стороны политических партий;
- неопытность женщин в политике;
- неуверенность в себе и прочие личные характеристики, препятствующие построению карьеры в политической сфере.

Рисунок 1. Ключевые препятствия в политическом участии современных иранских женщин в парламенте

Данные препятствия широко изучались непосредственно иранскими женщинами – депутатами. В результате они определили, что для женщин, которые хотят прийти к власти, должен быть разработан четкий план [6. С. 233].

Во-первых, женщине – кандидату на участие в политике страны необходимо определиться с вопросами финансирования деятельности. Как правило, партии не желают заниматься поддержкой женщин, т.к. не воспринимают их всерьез.

Затраты на избирательные кампании были самым значимым препятствием во время предвыборных гонок в предшествующие периоды. Именно поэтому встает вопрос о решении следующих задач:

1) создание механизмов финансовой помощи кандидатам-женщинам со стороны правительства в виде ссуд;

2) принуждение политических партий к выделению части своего бюджета на финансирование избирательных программ женщин.

Во-вторых, препятствием для участия женщин в парламенте является избирательная система, принятая в Иране. Международные исследования показали, что шансы женщин попасть в парламент растут при пропорциональной избирательной системе [4]. Большинство стран, где парламент состоит на 30% и более из женщин, использовали пропорциональные избирательные системы или квоты. Применение данных механизмов увеличивает число женщин в составе правительства в 3-4 раза.

В Иране же используется мажоритарная избирательная система. В рамках этой избирательной системы большинство кандидатов к власти проходят в парламент по партийным спискам (как было отмечено выше, партии Ирана не воспринимают женщин-кандидатов всерьез). Политические партии определяют порядок включения кандидатов в избирательные списки. Поэтому расположение кандидатов в списке партий является важным фактором попадания в парламент.

Между кандидатами от партии всегда идет ожесточенная конкуренция за первое место в списке. Старшие члены партии часто препятствуют тому, чтобы новые имена вписывались в первые ряды списков избирателей. Проблема обостряется в моменты, когда партии готовят избирательные списки: кандидатуры мужчин часто выдвигаются раньше кандидатур женщин. Рекордным для женщин числом можно назвать 30% – это количество женщин, представленных от общего числа кандидатов на выборах в 2015 году.

Выходом из сложившейся проблемы может стать применение специальных мер: квот. Квоты подчеркивают переход от формального равенства в политическом пространстве и на политической арене (равенство возможностей) к реальному равенству (равенству результатов). Принимая такие меры, женщины могут обеспечить себе доступ к руководящим должностям в политике.

Если стратегия гендерных квот будет реализована правильно, то в будущем большему количеству женщин будет разрешено пройти в парламент Ирана.

Эффект от применения квот в других странах можно оценить на примере выборов 2016 года. На парламентских выборах 2016 года 30 стран по всему миру использовали различные формы гендерных квот для женщин, поэтому они смогли получить 25,6% мест в парламенте. Напротив, в 23 странах, где не использовали стратегию квот, среднее присутствие женщин в парламенте составляло 16,1%.

Современные иранские политологи и эксперты до сих пор выражают сомнения по вопросу внедрения системы квот [6. С. 250]. Одни считают, что квоты следует легализовать, другие считают, что квоты должны использоваться в политических партиях добровольно. Третьи утверждают, что систему квот следует использовать временно и отменить, когда количество женщин в парламенте достигнет желаемого уровня.

Также выдвигаются предложения о том, что системы квот для женщин можно использовать в региональных или провинциальных аспектах: где имеется активность женских сообществ и организаций – вводить квоту, где женщины не проявляют активность к политической деятельности – не применять такие меры.

Закключение. В ходе исследования мотивов женщин, которые способствуют ее желанию участвовать в политической жизни страны, названо «служение государству». Исторически в Иране (а также в ряде других государств мира) сложилось так, что женщины в парламенте занимаются такими вопросами, как социальная защита населения, здравоохранение, образование, культура, реже – экономика. Именно в этих сферах проявляют себя активные женщины – политики Ирана. Также стоит отметить, что практически каждая женщина Ирана в отличие от европейских и западных коллег отстаивает права женщин в парламенте, выступая с новыми законопроектами и решениями. Это обусловлено особенностями реализации прав иранских женщин по факту (зачастую права женщин существуют лишь в теории и сильно искажаются под религиозным влиянием).

Изучив статистику присутствия женщин в парламенте Ирана, было определено, что практически ежегодно количество женщин – кандидатов к власти вырастает, но выбранных в состав парламента – минимум. Это связано с рядом препятствий для женщин. Среди основных препятствий названы: отсутствие поддержки партии, отсутствие финансирования, опыта и характерных качеств, присущих политикам.

Было отмечено, что мажоритарная избирательная система является одним из факторов незначительного присутствия женщин в иранском парламенте. Можно сказать, что политические партии, избирательная система и политическая культура объединились, чтобы предотвратить присутствие женщин в парламенте.

Ввиду чего для увеличения числа женщин в иранском парламенте, для повышения их роли в политической жизни страны предлагается ис-

---

пользовать квоты в качестве механизма прохождения в парламент, государственное финансирование предвыборной кампании женщин.

Данные меры должны реализовываться в совокупности с изменением взглядов и привычек иранского общества. Традиционные взгляды и иерархическая патриархальная система, которая управляет обществом и семьей, отрицательно влияют на присутствие женщин в парламенте.

Подводя итог, можно отметить, что эффективный способ увеличения числа женщин в парламенте Ирана – это сочетание следующих действий: смягчение культурных предрассудков, оказание финансовой поддержке женщинам-кандидатам, применение квот, изменение взглядов политических партий и просвещение женщин.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аналитический обзор ВЦИОМ «Политика с женским лицом» // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9902>.

2. *Доулат Абади А.Б., М. Шафихи Сейф Абади.* От Хашеми до Рухани. Исследование внешней политики Ирана. Тегеран, 2016 (на перс.).

3. *Дунаева Е.В.* Доклад к 30-летию исламской революции в Исламской Республике // Иран: Женский вопрос в ИРИ. М., 2009.

4. Равенство в политике: исследование женщин и мужчин в парламентах. Межпарламентский союз, 2008.

5. *Фарахзад П.* Иранские женщины со вчерашнего дня до сегодняшнего дня. Тегеран: изд. Гатре, 2002 (на перс.).

6. *Хаджитур Сарду С.* Женщины и участие в политике – анализ политики присутствия женщин в Исламском консультативном совете. Издательство Зехнавиз. Тегеран, 2018 (на перс.).

7. *Чайлдс С., Ловендуски Дж., Рози Кэмпб.* Женщины на вершине 2005: меняются цифры, меняется политика. Общество Хансарда. 2005 (на англ.).

S. ESMAEILI

*Postgraduate student in the Department of
Comparative Politics, Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia
ORCID ID: 0000-0002-0289-1527*

CONTROL OF INFORMATION EXCHANGE, CONTROL OVER COMMUNICATION AS A MECHANISM OF HYBRID WAR

This article examines the problems of women's political participation in modern Iran: obstacles and ways to overcome them. The traditional cultural and socio-economic conditions of Iranian society have become the main obstacles to

---

the broad participation of Iranian women in the political sphere of the country. This article evaluates the factors that motivate Iranian women and men to participate in the political life of the country, as well as examines the obstacles that Iranian women face on the way to political power. The peculiarities of the activities of political parties and the impact of the financial situation of candidates on the election campaign, distrust of women in Iranian society (in terms of their public role), the lack of electoral quotas for women are the main factors of their non-participation in the elections as important political figures in Iran. At the same time, the motivation of women to participate in elections as an internal factor, as well as the structure of the Iranian political system as an external factor, play a significant role. From 1978-1979. After the victory of the Islamic Revolution in Iran, changes began to take place in terms of women's rights. The Government constitutionally defined the equal right of men and women in political life, but other spheres of life were subject to strong religious influence. It was only in the 1990s that the rights of Iranian women to participate in political life began to be seriously studied (in particular, in 1997, when a woman ran for president).

Key words: *women, Iran, political life, problems, parliament, party.*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

В статье рассматривается процесс модернизации в рамках деятельности избирательных комиссий. Раскрывается концептуальный контекст понятия «модернизация» и сама теория модернизации, в рамках которой существуют положения о критериях, видах, способах модернизации (политическая, социальная, духовная, экономическая и другие виды модернизации). В ядре понятия выделяется смысловая нагрузка, связанная с приведением текущего положения вещей в некоей сфере к современным лучшим образцам. Деятельность избирательных комиссий можно отнести к политической сфере общества и к политической модернизации. Формируется операционное понятие модернизации как процесса улучшения существующих практик, их автоматизации и информатизации в контексте деятельности избирательных комиссий. Автор выделяет несколько типов технологий, применяемых избирательными комиссиями в рамках избирательного процесса в зависимости от функциональных особенностей: технологии информирования участников избирательного процесса, контроля за ходом голосования, подсчета голосов, повышения доступности участия в выборах и безопасности избирателей, а также оптимизации работы избирательных комиссий. Дается краткая характеристика каждому из видов технологий. Так информирование представляет собой однонаправленную коммуникацию как с помощью Интернет-площадок, так и с помощью традиционных каналов: поквартирные обходы, наружная реклама и прочее. Технологии обеспечения безопасности избирателей в условиях глобальной пандемии COVID-19 имеют такую двойственность: использование средств индивидуальной защиты, многодневное голосование, ограничения на посещение избирательных участков с одной стороны; с другой стороны – комплексное решение, направленное на внедрение электронного голосования как модернизационный метод. Проблемы, лежащие в основе функций избирательных комиссий, решаются различными типами технологий, которые сегодня подвергаются модернизации, в том числе в русле глобальных трендов информатизации и цифровизации.

Ключевые слова: избирательный процесс, избирательные комиссии, модернизация, технологии, голосование, подсчет голосов, прозрачность избирательного процесса.

Развитие информационных технологий влияет на все сферы жизни современного общества, и избирательный процесс не является исключением. Человечество значительно изменило способ определения волеизъявления граждан: от измерения силы крика за определенного кандидата до современных практик электронного голосования [11; 12. С. 22]. Использование персонального компьютера становится все более распространенным, поэтому и цифровизация избирательного процесса становится неотъемлемой частью развития современного общества.

Словарь С.И. Ожегова дает такую трактовку понятию «модернизация»: «Вводя усовершенствования, сделать (делать) отвечающим современным требованиям» [10. С. 325]. Кроме того, в научной литературе встречаются различные позиции авторов к толкованию понятия «модернизация». Учеными выделяется процесс перехода от общества традиционного к обществу модерна, а от него к постиндустриальному или информационному обществу, а также теория, согласно которой все общества в своем развитии проходят однотипные этапы и имеют единую конечную цель развития, как контекст понятия «модернизация» [5. С. 147]. Данной проблематике посвящен целый ряд работ политологических и социологических классиков, долгое время данная теория считалась магистральной в рамках политических наук. Значительную роль в разработке концепций политической модернизации имеют ученые Г. Алмонд, Л. Биндер, С. Верба, Р. Даль, Л. Пай, С. Хантингтон, В. Цанф, Д. Коулман, А. Мартинелли, И. Валлестайн, К.С. Гаджиев, В.В. Ильин, А. С. Панарин, И.И. Лукашук, А.И. Соловьев и другие [5. С. 146].

В рамках модернизации выделяются различные аспекты: экономический (построение капиталистического общества, промышленного производства, научно-технических революций), социологический (урбанизация, распространение нуклеарной семьи, социальная мобильность, усложнение социальной стратификации, вестернизация), политический (демократизация, развитие политической коммуникации, рациональная бюрократия, правовое государство), духовный (распространение идей Просвещения и прав человека, развитие науки и техники, секуляризация, снижение роли традиционных ценностей) и другие [8; 21. С. 293]. Отмечается процессуальный характер модернизации, ее динамическая сущность и даже в некоторой степени стадийность [14].

Снижаясь по линии абстрагирования от фундаментальных теорий развития общества, выделим определение А.И. Демидова и соавторов, которые понимают модернизацию как «процесс приближения различных фрагментов и целых политических и социальных систем к уровню их наиболее раз-

витых состояний» [3. С. 334]. Адаптируя данное определение к контексту деятельности избирательных комиссий, можем исходить из описанных ранее функций избирательных комиссий в избирательном процессе – информирование избирателей, рассмотрения жалоб и заявлений избирателей, организация голосования, осуществление подсчета голосов и другим. В связи с важностью реализации принципа прозрачности в контексте избирательного процесса, считаем необходимым определить уровень развития транспарентности избирательного процесса один из критериев его модернизации.

Сегодня, в рамках глобализации, развития Интернет-технологий, развития коммуникации и обмена практик между политическими системами, современность обуславливает внедрение компьютерных технологий в избирательный процесс, увеличение его открытости и прозрачности, ускорения процессов подсчета голосов и обработки результатов, облегчения процедуры осуществления избирательных прав граждан.

Таким образом, рамках данного исследования понятие «модернизация» операционализируется в контексте избирательного процесса как усовершенствование существующих практик, связанное с использованием современных технологий, направленное в сторону автоматизации, снижения временных и материальных затрат на осуществление предусмотренным законодательством процедур, необходимых для подготовки и проведения выборов, а также повышение доступности участия в выборах, их открытости и прозрачности.

Кроме того, следует отметить, что модернизация может проходить по качественному и количественному пути, то есть развиваться интенсивно и экстенсивно.

Следует также подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы в научных журналах, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 4; 7; 9; 13; 15; 16; 17; 18; 20].

Однако, проблему модернизации избирательного процесса нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Рассмотрим классификацию технологий используемых в деятельности избирательных комиссий. И.А. Коновалова выделяет следующие виды технологий, применяемых при организации выборов:

1. Технологии, направленные на информирование избирателей и участников избирательного процесса.
2. Технологии, связанные с подсчетом голосов избирателей.
3. Технологии, предназначенные для организации контроля за ходом избирательного процесса [6. С. 44].

Однако, мы считаем, что необходимо дополнить данную классификацию следующими видами технологий обеспечивающих прозрачность деятельности избирательных комиссий:

4. Технологии повышения доступности участия в выборах и безопасности избирателей.

5. Технологии оптимизации и рационализации работы избирательных комиссий.

Первый вид технологий можно понимать не только как односторонний процесс передачи информации об избирательном процессе, а также как процесс коммуникации, в рамках которого существует обратная связь между избирательными комиссиями и другими акторами избирательного процесса. К данному виду можно отнести Интернет-порталы комиссий, Вестники комиссий, горячие линии и телефоны избирательных комиссий, с помощью которых возможно осуществить поиск документов, результатов голосований, персонального состава комиссий. Также к этому виду можно отнести представительство избирательных комиссий в социальных сетях и распространение информации о предстоящих выборах через ролики на телевидении, баннерную рекламу, информационные печатные материалы, СМС-рассылку, поквартирные обходы. Технологии коммуникации можно условно разделить по критерию канала коммуникации на Интернет-коммуникацию и традиционные способы коммуникации. Принципы прозрачности реализуются через оперативное информирование максимального круга участников избирательного процесса в Интернет-пространстве.

Во второму виду можно отнести электронное устройство для подсчета голосов – комплекс обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) и комплекс электронного голосования (КЭГ), а также приложение для печати протокола об итогах голосования с машиночитаемым кодом [6. С. 46]. неотъемлемой частью работы по подведению итогов голосования является также Государственная автоматизированная система «Выборы», находящаяся в управлении Федерального центра информатизации при ЦИК РФ [19].

Третий вид – видеонаблюдение. Процедура заключается в установке на избирательных участках и помещениях избирательных комиссий средств видеофиксации, например веб-камер, изображение с которых транслируется на специальном Интернет-портале. В рамках данной технологии все желающие могут наблюдать за ходом голосования и осуществлять мониторинг на предмет нарушений избирательного законодательства.

К четвертому виду можно отнести систему открепительных удостоверений и технологию «Мобильный избиратель», возможность удаленной подачи избирательной документацией кандидатами и политическими партиями, а также в связи с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19 – средства защиты как для избирателей, так и для членов избирательных комиссий.

К пятому виду – информационные материалы ЦИК для членов избирательных комиссий всех уровней, рабочие блокноты избирательных комиссий в различных вариациях, другие виды рабочей документации, а также

сеть обмена официальной корреспонденцией, в том числе электронные средства документооборота, электронная почта, официальные порталы избирательных комиссий. Для коммуникации между избирательными комиссиями в рабочем режиме также могут использоваться телефонная связь и мессенджеры.

Таким образом, проанализирован бэкграунд изучения термина «модернизация», дана попытка конструирования его концептуального контекста и сформулировано определение понятия «модернизация» в рамках деятельности избирательных комиссий в избирательном процессе. Выделены пять типов технологий, применяющихся в деятельности избирательных комиссий, обеспечивающих модернизацию избирательного процесса, его автоматизацию и прозрачность. Проблемы, лежащие в основе функций избирательных комиссий, решаются различными типами технологий, которые модернизируются, в том числе в русле глобальных трендов информатизации и цифровизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авзалова Э.И.* Механизм политической мобилизации в сети Интернет // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 12.
2. *Агурова А.А., Тихонова А.В.* Анализ активности политических партий на платформе социальных сетей в контексте предвыборной кампании 2021 года // Вопросы политологии. 2020. № 11.
3. *Демидов А.И., Долгов В.М., Малько А.В.* Политология. М., 2004.
4. *Дурасов А.В.* Цифровизация избирательного процесса // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 4.
5. *Зимин В.А.* Политическая модернизация и ее теории // Вестник КГУ. 2012. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-modernizatsiya-i-ee-teorii>.
6. *Коновалова И.А.* Современные технологии обеспечения открытости и прозрачности избирательного процесса в деятельности избирательной комиссии Московской области // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-obespecheniya-otkrytosti-i-prozrachnosti-izbiratel'nogo-protsesta-v-deyatelnosti-izbiratel'noy-komissii>.
7. *Кулакова Н.Н.* Проблемы и перспективы взаимодействия государства и гражданского общества на современном этапе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 6.
8. *Матвеев Ю.И.* Модернизация: теория и современность // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. № 1-1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-teoriya-i-sovremennost>.
9. *Медведев Н.П.* Выборы Президента Украины: манипулятивные избирательные технологии и трансформация института выборов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. № 1.

10. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.

11. *Палеха Е.В., Черкесова Л.В., Сафарьян О.А.* Проектирование и разработка системы электронного голосования // Молодой исследователь Дона. 2018. № 4 (13) // <https://cyberleninka.ru/article/n/proektirovanie-i-razrabotka-sistemy-elektronnogo-golosovaniya>.

12. *Печатнова Л.Г.* Выборы геронтов в Спарте // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2011. № 2 // <https://cyberleninka.ru/article/n/vybory-gerontov-v-sparte>.

13. *Попов С.И., Еришов Н.А., Омерович А.Р.* Протестный потенциал как инструмент предвыборной кампании (Часть II: Выборы в Государственную Думу 2021 года. Прогнозы) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 3.

14. *Працко Г.С., Шнак В.Ю.* Политическая модернизация // ЮП. 2014. № 6 (67) // <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-modernizatsiya>.

15. *Родионова М.Е.* «Черный PR» в избирательных кампаниях Европы и России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 1.

16. *Родионова М.Е., Гималиев В.Г., Назарова Н.А.* К вопросу о трансформации избирательной системы в Российской Федерации (от 1993 года до наших дней) // Вопросы политологии. 2021. № 6.

17. *Семенова В.И., Артамонова Я.С.* Политическое регулирование информационно-безопасности личности как функция политической власти: проблемы и противоречия // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 7.

18. *Ушаков И.Н.* Политические инновации в деятельности органов государственной власти на основе интернет-коммуникаций // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 4.

19. Федеральный центр информатизации при ЦИК России // <http://www.cikrf.ru/about/organizations/fci.html>.

20. *Червяков Н.В.* Технологии выборов будущего // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 1.

21. *Щербак С.И.* Гипотеза модернизации и неолиберализм // Социологическое обозрение. 2018. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/gipoteza-modernizatsii-i-neoliberalizm>.

Y.S. PATCELIA

*Assistant of the department of Political
Science, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

MODERN TECHNOLOGIES FOR MODERNIZING THE ELECTORAL PROCESS IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES OF ELECTION COMMISSIONS

The article examines the process of modernization within the framework of the activities of election commissions. The conceptual context of the concept of “modernization” and the theory of modernization itself are revealed, within the framework of which there are provisions on the criteria, types, methods of modernization (political, social, moral, economic and other types of modernization) are revealed. In the core of the concept, there is a semantic load associated with bringing the current state of affairs in a certain sphere to modern best models. The activities of election commissions can be attributed to the political sphere of society and to political modernization. An operational concept of modernization is being formed as a process of improving existing practices, their automation and informatization in the context of the activities of election commissions. There are several types of technologies used by election commissions in the framework of the electoral process, depending on the functional features: technologies for informing the participants in the electoral process, monitoring the voting process, counting votes, increasing the availability of participation in elections and the safety of voters, as well as optimizing the work of election commissions. A brief description of each type of technology is given. So informing is a one-way communication both with the help of Internet sites and with the help of traditional channels: door-to-door rounds, outdoor advertising, and so on. Technologies for ensuring the safety of voters in the context of the global COVID-19 pandemic have the following duality: the use of personal protective equipment, multi-day voting, restrictions on visiting polling stations on the one hand; on the other hand, it is a complex solution aimed at introducing electronic voting as a modernization method. The problems underlying the functions of election commissions are being solved by various types of technologies that are undergoing modernization today, including in line with global trends in informatization and digitalization.

Key words: *electoral process, election commissions, modernization, technologies, voting, vote counting, transparency of the electoral process.*

DOI 10.35775/PSI.2021.71.7.006

УДК 32.324

С.Е. ЗАСЛАВСКИЙ

доктор юридических наук,
профессор департамента политологии
Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: ТОЧКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В статье анализируются вопросы места и роли политической конкуренции в партийной системе России, линии партийно-политической конкуренции накануне выборов депутатов Государственной думы 8 созыва, формулируется вывод о многоуровневом характере политической конкуренции.

Ключевые слова: выборы, избирательная система, политическая конкуренция, партийная система, политические партии.

Вопрос о конкурентном характере партийной системы России неизменно поднимается в связи с темой выборов. Однако вопрос о месте и роли политической конкуренции в отношениях между партиями и кандидатами является одним из наиболее дискуссионных.

Традиционная трактовка термина «политическая конкуренция», определяемой как «соперничество в сфере политики за обладание властью, когда результаты соперничества определяет некто третий» [5. С. 19] или «получение большего объема властных полномочий по сравнению с остальными субъектами политической деятельности» [6. С. 19], на наш взгляд, не учитывает, что целью политического соперничества может быть отнюдь не обладание властью: палитра целей и мотивов, обуславливающих проявления состязательной политической активности, значительно более сложна и многообразна.

Так проектируемый политическим актором ожидаемый конечный результат на деле может предусматривать полное политическое доминирование, миноритарное участие в деятельности властных структур, повышение политической узнаваемости и даже всего лишь политическое самовыражение, перфоманс. Поскольку ожидаемые конечные результаты должны быть вписаны в существующие либо создаваемые статусно-ролевые модели, то содержанием соперничества является борьба за лучшее и более эффективное освоение соответствующей модели. И коль скоро представляет

собой соперничество, соревнование по выражению Ю. Нисневича, «в достижении сходных целей и лучших результатов» [3. С. 19], то конкуренция чаще всего разворачивается не за лидерство вообще, а за лидерство в освоении конкретной статусно-ролевой модели. Так в России конкуренция между малыми партиями за достижение трехпроцентного барьера, дающего право на государственное финансирование по своему накалу и драматизму ничуть не меньшей, чем схватка за лидерство между оппозиционными парламентскими партиями.

Необходимо учитывать, что мире публичной политики декларируемые и реально преследуемые мотивы и цели политического участия в целом ряде случаев не совпадают. Потому линии декларируемые и объективно существующие линии межпартийной конкуренции так же не совпадут ни по объекту соперничества, ни по составу конкурентов. Как и в живой природе политической конкуренции не чужды состояния межвидовой и внутривидовой борьбы, причем применительно к электоральной соперничеству между партиями сходной идейно-политической направленности, пытающимися освоить одну и ту же политическую нишу, либо обращаться к поддержке одной и той же электоральной группы, что на практике далеко не одно и то же. В этом плане конкуренция между родственными по заявленным программным ориентирам партиями подчас приобретает более ожесточенные формы, чем конкуренция с идеологическими оппонентами: от выставления в округах кандидатов двойников с теми же или схожими фамилиями и до подачи исков о снятии кандидатов и списков кандидатов по формальным основаниям. Яркий пример тому – ожесточенное соперничество между Коммунистической партией Российской Федерации и партией «Коммунисты России» [4].

Подвижным и изменчивым являются институциональные и ролевые границы определяющего результаты конкуренции арбитража: даже в случае электорального соперничества, когда результат наглядно фиксируем поддержкой избирателей, он отнюдь не исчерпывается здесь и сейчас, иногда политическая активность на конкретных выборах приносит длящийся или отложенный результат в многоходовом действии важнее достигнутого здесь и сейчас. Например, изначально проигрышное в силу мизерных шансов участие представителя оппозиционной партии на выборах главы региона повышает его политический вес и шансы на попадание в федеральный партийный список на предстоящих парламентских выборах. То есть результат соревнования за поддержку избирателей может облегчить его конкуренцию с однопартийцами при составлении очередности мест в партийном списке, после чего решать вопросы о том, какой из списков партий достоин избрания, будут избиратели.

Традиционная погрешность в анализе коренится в отождествлении институциональных основ конкуренции и самой конкуренции как политиче-

ского состояния отношений между политическими акторами. В научной литературе нередко конкуренцию вообще и политическую конкуренцию в частности определяют как «технологический институт, представляющий собой конкретные правила поведения субъектов» [1. С. 16], как некий набор механизмов, обеспечивающий действие основных форм народовластия: непосредственной, представительной и консультативной демократии [2. С. 62].

Действительно, государство может и должно обеспечивать условия для стимулирования и поддержки конкуренции, содействуя созданию новых партий, обеспечивая множественность соревнующихся между собой партийных акторов и качество политической конкуренции, открытость партийной системы для новых партийных проектов. В российском политическом процессе стимулирование и поддержка политической конкуренции на выборах обеспечивается целым комплексом нормативных предписаний, в числе которых можно условно выделить четыре направления:

1. Стимулирование государством политической конкуренции посредством предоставления ресурсов партиям и кандидатам:

– предоставление в равном объеме бесплатного эфирного времени всем участвующим в выборах партиям и кандидатам, мест для размещения агитационных материалов;

– государственное финансирование политических партий, добившихся в предвыборной борьбе определенных успехов.

2. Уравнивание возможностей партий и кандидатов и минимизация ресурсных преимуществ одних партий и кандидатов перед другими (в т.ч. в плане информационного, административного, финансового ресурсов):

– ограничения, связанные с невозможностью использования кандидатами преимуществ должностного и служебного положения при ведении ими предвыборной кампании;

– ограничения на предельные размеры пожертвований и предельные размеры расходов из средств избирательных фондов;

– ограничение предельного объема представления платного эфирного времени, печатной площади кандидатам и партиям.

3. Антимонопольные меры и обеспечение принуждения к конкуренции и политической активности партий на выборах:

– запрет на безальтернативное голосование на выборах за одного кандидата по одномандатному округу или за одну политическую партию с отложением в таких случаях выборов для дополнительного выдвижения кандидатов;

– необходимость регулярного участия партий в выборах и возможность ликвидации в судебном порядке политических партий, на протяжении длительного времени не участвующих в выборах;

– исключение возможности формирования однопартийного парламента и закрепление на пропорциональных выборах планки качества представи-

тельства (за партии, допущенные к распределению мандатов, должно быть подано более 50% голосов избирателей).

4. Обеспечение открытости и прозрачности избирательных процедур, цивилизованного характера партийно-политической конкуренции:

- запрет на применение недобросовестных политических технологий;
- возможность оперативного правового разрешения, возникающих споров;
- наличие механизмов контроля и наблюдения за ходом голосования, подсчетом голосов избирателей и установление результатов выборов.

Вышеназванные нормативные предписания во многом определяют правила и задают параметры партийно-политической конкуренции, ориентируют политические партии на участие в выборах как стржевое направление их деятельности. Между тем, конкуренция, это прежде всего, не институциональная, а поведенческая категория, отражающее соперничество между производителями и потребителями политического продукта, в ходе которого обеспечивается баланс спроса и предложения на политическом рынке. Соответственно, возможности не стоит переоценивать и тем более демонизировать возможности публично-правового регулирования: государство, устанавливая правила поведения и возможности входа на политический рынок, все же не способно само насытить его конкурентными политическими продуктами (за исключением однопартийных систем, где межпартийная конкуренция как поведенческая категория отсутствует).

Баланс спроса и предложения на политическом рынке, в конечном счете, определяется потребностью общества в наличии политических организаций, готовых представлять интересы его различных страт и социальных групп. Государство, формулируя системы правовых норм требования к политическим партиям, определяя правила предвыборной конкуренции, возможности и формы легальной оппозиционной деятельности, в идеале контролирует лишь через точку входа на политический рынок и правила работы на нем. Но даже в тех случаях, когда к этим формам влияния добавляется скрытое или явное выборное администрирование, неписанные законы конкуренции, логика электоральных трендов и реализованный в голосования основной запрос большинства избирателей обычно берут верх над расчетами и усилиями администраторов.

В ходе конкуренции на политическом рынке происходит как естественный отбор политических партий, так и их сегментирование политического поля, рассредоточение по политическим нишам и электоральным группам. Одновременно на политическом рынке формируются и линии конкуренции за востребованные статусно-ролевые модели.

В Российской Федерации особенностью институциональных правил партийно-политической конкуренции является сочетание сравнительно либерального порядка создания политических партий (не менее 500 членов партии, не менее чем в половине субъектов Российской Федерации),

с обязательностью их участия в выборах, что с одной стороны, делает политический рынок открытым для новых проектов, а с другой, объясняет отрицательную динамику формально-списочной численности партий за счет ликвидации партий, не соответствующих установленным критериям политической активности.

В преддверии выборов депутатов Государственной Думы 8-го созыва партийная система России прошла этап обновления и технологической перезагрузки, в ходе которого политические партии, с одной стороны, должны были подтвердить свой статус участников политического процесса, а с другой – обеспечить наращивание ресурсов для облегчения старта предвыборной кампании. Фактически еще до начала парламентских выборов политические партии России начали подготовку к парламентскому центру выборов, за сохранение в рамках партийной системы.

Данный этап был отмечен и определенным сокращением численности политических партий: если в середине 2020 года в выборах имели право участвовать 42-е политические партии, то к июню 2021 года число партий, обладающих таким правом, сократилось до 32-х. И хотя тенденция к сокращению числа политических партий наблюдалась еще с 2015 года, а именно в 2019-2021 годах, сокращение стало особенно заметным.

Таблица

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Общее число партий в партийной системе	28	73	77	75	74	67	63	59	42	32

Объяснение очевидно – основной причиной сокращения численности политических партий стало невыполнение требований об обязательности участия политических партий в выборах. В соответствии со статьей 36 Федерального закона «О политических партиях» партия является единственным видом общественного объединения, которое вправе выдвигать кандидатов в депутаты и на иные выборные должности в органах государственной власти. Статья 37 данного закона определяет, что политическая партия считается участвующей в выборах, если отвечает хотя бы одному из пяти форм участия:

- 1) в президентских выборах;
- 2) в выборах депутатов Госдумы по единому округу/(по партспискам);
- 3) в выборах высших должностных лиц регионов не менее чем в 10 процентах субъектов Федерации;
- 4) в выборах в депутаты (по партспискам и по мажоритарным округам) региональных парламентов не менее чем в 20 процентах субъектов Российской Федерации;
- 5) в выборах в органы местного самоуправления более чем в половине субъектов Федерации.

Критериями такого участия являются, во-первых, выдвижение кандидата или списка кандидатов от партии (участие в выборах члена партии в качестве самовыдвиженца недостаточно), а во-вторых, полноценное участие партии в выборной кампании – от выдвижения кандидатов (списков кандидатов) до голосования за них. Партии, выдвинувшие кандидатов и партсписки, но сошедшие с дистанции до дня голосования по различным причинам (отказ в регистрации, отмена регистрации, отзыв списка, снятие кандидатуры) не расцениваются как участвующие в выборах. Политическая партия, не принимавшая в течение семи лет подряд участия в выборах, подлежит ликвидации.

Важно, что норма об обязательности участия политических партий в выборах содержалась еще в базовой редакции федерального закона «О политических партиях», однако на практике как основание ликвидации политических партий не применялась: отчасти в силу оживленной динамики партийной системы, когда многие партии оказались вовлечены в объединительные проекты, отчасти ввиду пятикратного повышения в 2006 г. требований к численности политических партий (с 10 до 50 тыс. членов), вследствие чего малочисленные политические партии были ликвидированы еще до истечения установленного периода цензового участия. В 2012 году либерализация требований к политическим партиям затронула и норму об обязательности участия в выборах, увеличив срок с 5 до 7 лет. Однако реально норма об обязанности партий участвовать в выборах начала работать лишь в 2019 году в отношении партий, созданных в 2012 году и в 2020 г. – отношении партий, созданных в 2013 году. Соответственно, политические партии, не набравшие необходимую пороговую активность электорального участия, были ликвидированы в судебном порядке и, таким образом, сошли с политической сцены.

Сокращение числа политических партий являлось естественным конкурентным процессом, поскольку созданные в 2012-2020 гг. политическим партиям пришлось, с одной стороны, конкурировать с уже состоявшимися партийными брендами, а с другой – в поисках собственной политической ниши конкурировать друг с другом за поддержку избирателей. В 2012-2019 гг. партии фактически прошли необходимый этап конкуренции за выживание, за сохранение в качестве самостоятельных политических единиц.

В период малопартийной системы (7 партий, из них 4 партии и 3 непарламентские) высокий спрос на выдвижение от политических партий гарантировал практически любой из них нахождение кандидатов, желающих выдвинуться от их политических партий в составе списка кандидатов. Однако радикальная либерализация порядка создания партий и предельное упрощение точки входа новых партийных проектов на политический рынок привело к тому, что предложение новых партийных проектов очевидно превысило спрос на них. Многие широко заявленные партийные проекты не получили развития и фактически были свернуты еще до истечения семилетнего срока (часть из партий, не получивших развития были ликвиди-

рованы еще в 2015-2018 гг.). Другие, пройдя через серию не очень удачных предвыборных стартов и отказов в регистрации, в 2019-2020 г. не смогли набрать критически важный процент участия в предвыборной кампании. Третьи, созданные политтехнологами в расчете на будущую востребованность в качестве инструментов для участия в выборах, так и не дождались своего перспективного инвестора. Поэтому уменьшение числа политических партий, по сути, отражает объективно существующий баланс между спросом и предложением на политическом рынке.

Уместно напомнить, что тренд на снижение общего числа политических партий в партийной системе современной России не является фактором последних двух-трех лет, а наблюдается как устойчивая тенденция начиная с 2014 г., когда в избирательном законодательстве были восстановлены нормы о необходимости сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов и списков кандидатов на выборах. Данное решение очевидно снизило привлекательность партий как инструментов выдвижения кандидатов без сбора подписей по сравнению с самовыдвижением. Именно с этого момента завершается взрывообразный рост политических партий, а часть партий, формально просуществовав до 2019-2020 г., фактически свернули свою выборную активность, перейдя в режим консервации.

Восстановление требования сбора подписей как условия регистрации, однако, сопровождалось освобождением от сбора подписей при достижении определенного результата на выборах различного уровня, причем в зависимости от уровня выборов и количественных показателей, освобождение от сбора подписей могло затронуть как федеральный, региональный и местный уровни выборов.

Таким образом, одновременно с конкуренцией за выживание политически партии включились за конкурентную борьбу по получению преференций. И если для малоресурсных партийных проектов изначально рассчитанных на безбарьерное участие в выборах, сбор подписей стал неразрешимым препятствием, то для других восстановление требования сбора подписей в соединении с возможностью освобождения от них явилось дополнительным стимулом к наращиванию активности на региональных и местных выборах. В итоге, с 2016 года увеличивалось не только количество выдвинутых кандидатов и партий, но и рос КПД конкуренции, постепенно увеличивалось как число политических партий, участвующих в выборах, так и число партий допущенных к распределению депутатских мандатов. Например, если на выборах 2015 года по итогам избирательных кампаний в Единый день голосования заградительный прошли только 4 парламентские партии, то в 2020 году таких партий было уже 11 (с учетом партий, сумевших провести одномандатников), а среднее число прошедших списков партий составило 5,3. В 2020 году был зафиксирован абсолютный рекорд участия партий в региональных выборах: в среднем по единому округу (партспискам) было

зарегистрировано 8,5 партий, также были и регионы, в которых было зарегистрировано 11 списков партий.

Важным показателем конкурентности и открытости партийной системы стало появление новых партий, 3 из которых («Новые люди», «За правду», «Зеленая альтернатива»), дебютировав в ЕДГ-2020, смогли провести партсписки в региональные парламенты. Кроме того, в 2021 году три партии («Справедливая Россия», «Зеленая альтернатива» и «Патриоты России») объединились в одну партию на базе «Справедливой России».

В настоящее время из 34 официально зарегистрированных политических партий, 32 обладают правом участия в выборах. Формально равное право партий на участие в выборах, однако, гарантирует лишь равенство юридических возможностей по освоению допустимых форм участия в выборах и не исключает разных стартовых позиций по вхождению в предвыборную кампанию, т.к. к моменту назначения выборов партии подошли с различным объемом электоральных предпочтений, накопленных по итогам предшествующих кампаний.

Политические партии России условно можно расположить в рейтинговой модели, выстроенной наподобие игровых спортивных лиг. В рамках этой модели равенство прав всех политических партий имеющих право участия в выборах, сочетается с различным объемом льгот и предпочтений, объем которых разнится в зависимости от результатов участия в избирательных кампаниях различного уровня. Это прежде всего освобождение от сбора подписей как условия регистрации кандидатов и списков кандидатов, выдвинутых партией, а применительно к выборам федерального уровня также право на единовременное (на президентских выборах) или ежегодное (на парламентских выборах) государственное финансирование в случае получения федеральным списком партии или кандидатом на президентских выборах 3 и более процентов голосов избирателей.

«Высшую игровую лигу» образуют парламентские партии, федеральные списки кандидатов которых допущены к распределению мандатов по общефедеральному округу. Будучи парламентскими партиями федерального уровня, они имеют возможности непосредственного участия в выработке и реализации общегосударственной стратегии при принятии законодательных и кадровых решений. Регламент Государственной Думы наделяет фракции парламентских партий значительными полномочиями в организации внутренней жизни парламента, по существу, делая их ключевыми акторами в деятельности палаты. Политическая значимость парламентских партий как образующих основу партийной системы находит свое подтверждение в практике регулярных встреч и консультаций главы государства и руководства правительства. Закон гарантирует их право на их право на равенство в освещении деятельности общероссийскими государственными теле и радиоканалами. Партии «высшей лиги» имеют право на государственное

финансирование, что не только снимает значительную часть издержек, связанных с организацией их внутренней деятельности, но и позволяет наращивать и масштабировать свое участие в выборах регионального и местного уровня. Наконец, наличие регулярной финансовой подпитки в виде государственного финансирования позволяет обеспечить базовое наполнение избирательного фонда партии на будущих парламентских выборах, делая финансирование менее зависимым от частных пожертвований юридических и физических лиц.

В отличие от партий «высшей лиги», участие партий «первой лиги» в общественно-политической жизни на общегосударственном уровне не является столь значимым, однако важным условием принадлежности партий к первой лиге является освобождение их наряду с парламентскими партиями от сбора подписей в поддержку кандидатов и списков кандидатов при проведении выборов депутатов Государственной Думы. Именно эта преференция, ставящая партии первой лиги вровень с парламентскими партиями на думских выборах, является едва ли не более значимым результатом участия партии в региональных выборах, чем само прохождение ее представителей в парламент по партспискам.

Таким образом, 14 партий высшей первой и лиги, имеющие возможность участия в выборах депутатов Госдумы без сбора подписей, образуют основное ядро коллективных участников выборов, задающих параметры партийно-политической конфигурации.

Структура партий первой лиги неоднородна: в ней условно можно выделить минимум три «дивизиона» отличные по своим юридически значимым структурно-функциональным характеристикам, имеющим статусное выражение. Первый дивизион образуют партии, набравшие три и более процента голосов и не только право на государственное финансирование, но и повсеместное освобождения от сбора подписей при выдвижении кандидатов на выборах всех уровней. Не имея представительства в парламенте, в избирательном процессе партии пользуются теми же преференциями, что и парламентскими партиями, что делает достижение этой позиции заветной целью многих партий. За две 10 лет такого показателя достигла только Демократическая партия Яблоко на выборах 2011 года и, имевшая в 2011-2016 годах право на повсеместное выдвижение кандидатов без сбора подписей на выборах всех уровней. В настоящее время эта позиция пустует, но очевидно, что на выборах депутатов Государственной Думы 2021 года ее достижение выступает или стратегической целью или программой минимум наиболее подготовленных и развитых в ресурсном отношении политических партий.

Второй дивизион образуют политические партии, имеющие помимо представительства в региональных парламентах по одному депутату одномандатнику Госдумы (партия «Родина» и «Гражданская платформа»). И хотя наличие само по себе наличие представителя в депутатском кор-

пуге нижней палаты парламента формально не приносит партии никаких юридически значимых преференций, сам факт такого представительства значительно повышает ее политическую узнаваемость, партия имеет возможность через своего парламентария более эффективно осуществлять взаимодействие с государственными и общественными структурами, а также регулярно использовать парламентскую трибуну для активного позиционирования по актуальным вопросам общественной повестки. Наконец третий дивизион первой лиги образуют все иные 8 партий (Яблоко, Коммунисты России, Российская экологическая партия «Зеленые», «Российская партия пенсионеров за справедливость», Партия Роста, Российская партия социальной справедливости, «Новые люди», «Зеленая альтернатива») сумевшие провести своих представителей по партийным спискам в региональные парламенты. В отличие от партий первого дивизиона, партии второго и третьего дивизиона освобождаются от сбора подписей не повсеместно. Однако, на уровне тех субъектов Федерации, где им удалось провести списки кандидатов в региональные парламенты, они выступают в роли парламентских партий регионального уровня.

Во второй лиге партии находятся партии, не прошедшие по партспискам ни один в региональный парламент, но получившие благодаря своим электоральным показателям право на участие в выборах без сбора подписей в конкретном регионе. Согласно требованиям законодательства к ним относятся партии, набравшие 3 и более процентов на выборах по партийным списками в региональный парламент либо получившие на выборах 0,5 и более процентов от общего числа избирателей, либо прошедшие в парламент как минимум в одном из муниципальных образований субъектов Российской Федерации. Ко второй партийной лиге можно условно отнести и партии, не прошедшим в парламент по партспискам, но имеющим депутатов региональных парламентов, избранных по мажоритарным округам. Хотя юридически (что на наш взгляд труднообъяснимо) само по себе наличие у партии депутатов одномандатников в региональном парламенте не приносит ей преференций в виде освобождения от сбора подписей, политический вес этой партии существенно возрастает.

Поскольку на выборах депутатов Государственной думы «партии второй лиги», не обладающие льготой в виде освобождения от сбора подписей, должны собрать не менее 200 тыс. подписей избирателей, их участие в парламентских выборах не столь масштабно.

Третью игровую лигу образуют партии, которые не достигли успеха даже на региональном и местном уровне. Тем не менее, формально они выполняют необходимые требования для участия в выборах, подтверждая минимум требований к участию, необходимый для статуса партии.

Старт кампании по выборам депутатов Государственной Думы второго созыва в целом подтвердил предположение, что партии высшей и первой лиги

составят большинство коллективных участников выборов. Из 15 политических партий, проводивших предвыборные съезды и выдвинувших федеральные списки кандидатов, 4 являлись парламентскими партиями, а 10 имели представительство в законодательных собраниях регионов. Партии «второй» и «третьей» лиги, за исключением партии «Российский общенародный союз», даже не предприняли попыток участия в выборах, т.к. необходимость дополнительных отборочных испытаний в виде сбора 200 тыс. подписей избирателей останавливает многих потенциальных участников выборов.

Предвыборный расклад партийно-политических сил на старте предвыборной кампании предопределяет ряд качественных характеристик современной российской партийной системы, наиболее важными из которых является:

- очевидное политическое лидерство одной политической партии, неоднократно подтвержденное по итогам федеральных, региональных и местных политических кампаний;

- сложившаяся многоуровневая структура партийной системы, де-факто выстроенная по системе игровых лиг, неформально объединяющие имеющих разный статус и ресурсную базу;

- сохраняющаяся внутривидовая конкуренция между политическими партиями со схожими партийными брендами, претендующими на одну и ту же нишу и воздействующими на одни электоральные группы;

- участие в предвыборной кампании партий-дебютантов, показавших успешный результат на региональных парламентских выборах в единый день голосования в сентябре 2020 года.

Соответственно, основные линии межпартийной партийной конкуренции на предстоящих парламентских выборах развернутся сразу по нескольким направлениям, из которых наиболее важными являются:

- 1) конкуренция за статус и ресурсы;
- 2) конкуренция за ведущие ролевые позиции по итогам выборов;
- 3) конкуренция за доминирование в своей нише партийно-политического спектра;
- 4) конкуренция за общественно-политическую повестку и нишевые группы избирателей.

Основной линией политической конкуренции является конкуренция за статус и ресурсы, где основную сюжетную интригу задает стремление политических партий занять более выгодные статусные ресурсные позиции, переместившись из одной лиги в другую или на более высокие рейтинговые позиции внутри лиги. Соответственно, все 4 партии высшей лиги стремятся к удержанию своего статуса парламентской позиции и сохранению связанных с этим ресурсных преимуществ. Что же касается партий первой лиги, то программой максимум для каждой из них является преодоление заградительного пятипроцентного барьера, допуск к распределению мандатов по единому пропорциональному округу и получение статуса парламентской

партии, а программой минимум – преодоление трехпроцентного барьера, дающего наряду с парламентскими партиями право на получение государственного финансирования, а также возможность участия на выборах без сбора подписей на выборах всех уровней. Весомым фактором успешности партии является также возможность проведения одного или нескольких кандидатов в Государственную Думу по одномандатным округам, что повышает узнаваемость политических партий.

Конкуренция за ведущие ролевые позиции выражается в борьбе за позицию партии парламентского большинства и позицию ведущей оппозиционной партии, которая займет второе место по итогам избирательной кампании. И если в отношении того, какая из партий займет позицию партии парламентского большинства, можно говорить в высокой степени определенности (основной вопрос заключается в том, будет ли это большинство относительным, простым или квалификационным), то вопрос о том, какая из существующих парламентских партий займет второе место и станет ведущей оппозиционной партией, составляет одну из интриг предвыборной кампании 2021 года.

Важное значение имеет конкуренция между партиями за лидерство в рамках своей ниши. В настоящее время соперничество определяется по пяти нишам: праволиберальной, правоцентристской, левоцентристской, коммунистической, национально-патриотической. Особое место занимают партии экологической направленности и партии, нацеленные на представительство интересов одной социальной группы. И если в отношении левоцентристских, национально-патриотических и коммунистических партий очевидное лидерство на старте кампании по факту имеют парламентские партии, то в отношении либеральных и экологических партий соперничество осуществляется исключительно между непарламентскими партиями. Так 4 из 15 партий («Гражданская платформа», Демократическая партия Яблоко, «Новые люди») активно соперничают за либеральный электорат, две партии (Российская экологическая партия «Зеленые» и «Зеленая альтернатива») осваивают «зеленую» нишу, а Российская партия пенсионеров за социальную справедливость, претендуя на представительство интересов пенсионеров, конкурирует за голоса избирателей-пенсионеров практически со всеми политическими партиями.

Конкуренция за общественно-политическую повестку и нишевые группы избирателей предполагает соперничество между политическими партиями по выявлению и аккумуляции новых запросов, трансформации их в положения предвыборных программ, поиск новых нишевых групп со сформированным интересом. Конкуренция за повестку помогает улавливать и формировать новые электоральные запросы, видоизменять и даже создавать новые статусно-ролевые модели. В отличие от других линий конкуренции эта линия охватывает не только хронологические рамки текущего избирательного цикла, а имеет более отдаленные горизонты реализации.

В целом электоральная конкуренция не самоцель, а механизм, обеспечивающий состязательность в процессе формирования органов власти посредством выборов. В современном обществе существует не запрос на политическую конкуренцию как таковую, а на конкретные политические предложения и свободный выбор между ними. Важно помнить, что избиратель – активный участник процесса, выбирающий не из всех партий, а из тех, которые в наибольшей степени соответствуют его политическим предпочтениям. И эти предпочтения, в конечном итоге, определяют расклад политических сил в партийной системе России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Васильева. С.В.* Политическая конкуренция в теории и действии: к вопросу о сложности ее правовых оценок // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 1.
2. *Лукьянова Е.А.* Конкуренция в политике = конкуренция в бизнесе // Современная конкуренция. 2007. № 3.
3. *Нисневич Ю.А.* Свобода и конкуренция или коррупция? М.: 2009.
4. Раздвоение пройденного: Технология выдвижения на выборы «двойников» снова становится популярной // Коммерсант. 23 июля 2021 г. № 128.
5. *Шилов В.Н.* Демократическая политическая конкуренция и предпосылки ее эффективности // Научный результат. Сер. Социальные и гуманитарные исследования. 2014. Т. 1. № 1 (1).
6. *Шмыгановский А.В.* Конституционно-правовые основы политической конкуренции. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2016.

S.E. ZASLAVSKY

*Doctor of Law, Professor at the Department
of Political Science, Financial University
at the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

PARTY SYSTEM OF RUSSIA: POINTS OF POLITICAL COMPETITION

The article analyzes the issues of the place and the role of political competition in the Russian party system, the lines of inter-party political competition in the run-up to the election of the members of the State Duma of the 8th convocation; the article concludes by stating the multi-level nature of political competition.

Key words: *elections, electoral system, political competition, party system, political parties.*

РУССКАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЭЛЕМЕНТЫ ЯДРА И ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ПРИНЦИПЫ

В данной статье автор делает попытку осмысления основных характеристик русской локальной цивилизации и принципов, определяющих отличия ее от других подобных феноменов. Так как базовые характеристики ядра цивилизации играют наиболее определяющую роль в процессах становления и жизнедеятельности последней, логичнее всего рассматривать именно базовые составляющие цивилизационных отличий России через исследование культурного ядра государственно-цивилизационного образования.

Ключевые слова: *«русская власть», общественно-политическая мысль России, процессуальные свойства политической власти, консервативный лагерь, идея радикализма, идеи либерализма.*

Цивилизационная структура российского общества в части ядра ориентирована на государство, как основополагающий институт, одной из главнейших задач которого, кроме создания смыслов и целеполагания, является еще и создание пространства ценностных ориентаций общества. Патерналистские ориентации советских людей сменились установками, как не парадоксально, авторитарных обществ, где, по мнению Е. Вятра [11], политическая культура имеет такую основную специфическую черту, как аполитичность и пассивность населения относительно политической власти. Такое состояние современной политической культуры в России констатируют и опросы мнений населения.

Массовый политический опыт в России сместился с уровня общегражданского, решения задач развития на политическую интроверсию большей части населения, которая привела к дезорганизации гражданского общества и развитию энтропийных процессов внутри него [5. С. 322; 7]. В этой связи актуальным представляется выявление сущностных характеристик политического менталитета в границах «русской локальной цивилизации», в каче-

стве категорий политической культуры и изучение политического сознания в его взаимосвязи с элементами политической идеологии, транслируемой элитами. При этом в среднем бытовые представления россиян о политике представляют собой сложную структуру бинарных установок, аттитюдов и ценностей, одни из которых стабильны в историческом контексте, другие представляют собой меняющиеся структуры.

Данное положение отражает ситуацию, в которой противоречия между базовыми, заложенными культурно аттитюдами и сознательными установками граждан переводят часть политической культуры в мифологическое, неосознанно воспроизводимое, порождающее бихевиористский цикл поведения. Различие веры, мнения и ориентации зачастую создают неоднозначное отношение населения к системе власти и существующему порядку. Такая ситуация подчеркивает отличность политического менталитета всех находящихся в пространстве «русской локальной цивилизации», устойчивое ядро цивилизации в виде совокупности языка и нарративных ценностей соседствует с изменчивой структурой внешней оболочки, представленной модами и явлениями, привнесенными извне и инкрустированными в политическое и культурное поле при участии элит.

Фрагментарный характер политической культуры и поведения объясняется как исторически сложившейся традицией, так и нестабильностью современного информационного поля относительно политических отношений и отсутствием четких идеологических установок. Перманентное существование в поле политического в определенные моменты исторического развития привели к феномену «человека аполитичного», при этом активность-пассивность населения претерпевает амплитудные колебания, на каждые двадцать лет пассивности приходится следующие двадцать политического активизма низового характера [2. С. 4; 8].

Политические представления, закрепленные в менталитете связаны с образами политических лидеров, а также конкретными представлениями о власти, государстве, политической жизни и сформированный образ родины в целом. Рациональные основания таких представлений со временем смещаются в сторону мифологизации и приобретают свойства политических верований, поэтому ядро цивилизационных шаблонов меняется медленно даже под воздействием внешних влияний [6. С. 59]. Политическая мифология в свою очередь играет роль инструмента легитимации власти, такое взаимопроникновение сакрального и рационального и обеспечивает цикличность цивилизационных процессов и воспроизводству множества прецедентов на институциональном уровне. Обмен между властью и обществом во многом обеспечивается механизмом признания прав и взаимных «договоренностей» на символическом уровне [9. С. 111]. Также в структуре политических феноменов сознания присутствует категория «мнения», неустойчивость которых создает возможность на основе прецедента внедрять

новые элементы в систему ценностей и изменять цивилизационный каркас как таковой. Мифологический элемент и подвижное «мнения», категории, связанные с системой ценностей и их иерархией в политическом пространстве. Такая дихотомичность традиционных, наиболее устойчивых элементов и подвижных мнений, связанных с прецедентами, проявляет перманентный конфликт двух мировоззренческих моделей власти и общества, а также создает почву для конфликта между самими ценностями, которых придерживаются те и другие создавая ситуацию двойного стандарта.

Противоречивость политической культуры в России объясняется социокультурной неоднозначностью условий формирования менталитета, а также является признаком кризиса цивилизационной самоидентификации [13. С. 63]. Мифологические же основания дихотомичности восприятия [12] лежат и в восприятии власти и государственной власти, в частности. Тем не менее, представления меняются в зависимости от того, какой прецедент создает власть и в каком историческом контексте развиваются отношения двух на первый взгляд полярных миров. В большинстве случаев уместно говорить о восприятии государства как интегрирующей силы, предполагая за этим синоним упорядоченности [3. С. 131]. Хотя реальная ситуация в России конечно же отличалась от мифологизированных представлений. Зачастую государство выступало актором дезинтеграции и даже внутренней экспансии. Военный характер мобилизации и жесткий отрыв элитарных кругов от народных, связанный с уничтожением вечевой демократии, а позже и церковным расколом, усиленный необходимостью централизации при угрозе внешней экспансии, породил такой тип властвования, когда государство имеет возможность неограниченного насилия по отношению к обществу, зачастую действуя как колонизатор. Мобилизация же при такой системе основывается на не экономических методах принуждения. Социальное развитие таким образом идет по экстенсивному пути, когда помимо экономических различные формы принуждения возобладают над естественной самоорганизацией общества [4. С. 161].

Легитимность политической власти поддерживалась долгое время также из мифологических ресурсов. Так, например, стремление к гиперконтролю со стороны государственных органов объяснялась «заботой» об общественном благе, а попытки насильно модернизировать отстающие области, которые являются чертой «поглощающей» политики, объявлялись прорывными и полезными. В результате сформировавшаяся квазипатерналистская модель управления привела к подавляющему значению иерархии, жесткой искусственной централизации, а в последствии и к тотальной сакрализации властвующей прослойкой ее в сознании населения [9. С. 48]. Сами по себе политические аттитюды также подвергались изменению со стороны властвующего субъекта, при этом на символическом уровне национальная идея всегда связывалась с ценностью власти и сохранения ее неприкосновенно-

го, сакрального статуса. Закрепленные на стереотипном уровне воспринимаемые некритично конструкции мышления становились элементами того патриотического мифа, который сохраняется с некоторыми изменениями до сих пор.

Иррациональное стремление фетишизировать властные функции постепенно стали проникать во все сферы общественной жизни, классические патриархальные отношения закрепились на уровне бессознательного, но при этом по законам диалектики на этом же бессознательном уровне произошло отторжение этатистского восприятия мира. Все эти факторы привели **к сложному сочетанию анархического и этатистского в пространстве политического сознания «русской локальной цивилизации»**. Синонимичность государства и родины в русской культуре обусловлено также патерналистской ролью власти, при этом понятия власть, родина и носители власти зачастую тождественны. При такой ситуации долгосрочная перспектива развития рассматривается как нечто абстрактное [1. С. 137].

Общество, проявляющее более тридцати лет себя в ключе обскурантизма и абсентеизма в политике, исторически развивающееся под определенным давлением извне, сформировало определенные реакции, в которых симпатии колеблются от превознесения «сильных» правителей, и до ненависти, при этом смена настроений зависит от фазы цикла, в которой находится общество на данный момент. Мифологическая основа же двойственности, раздельности периодов развития России имеет двойное усиление, это реформы западного образца Петра I и революционные, постреволюционные события с 1905-1917 гг. Каждый раз попытка преодоления закостенелости ведет к гражданской войне, в том или ином виде [9. С. 138].

Генезис мифа «сильной власти» выявляет традиционные для «русской локальной цивилизации» факторы корреляции идеалистического мифа и ее реальных проявлений. Изменение исторических условий не затрагивает целостности метафор менталитета таких как «семья», «земля», «судьба». Менее институционализированные отношения власти и населения, а также отсутствие знати в классическом европейском понимании, наделяет власть функцией определения смыслов и делает из властного субъекта еще и того, кто определяет «судьбу», то есть перспективу, управляет «семьей» и распоряжается «землей». Каждая «новая власть» в представлении общества более «правильная» чем предыдущая, то есть явствует дихотомия между нормализованным властным субъектом и демонизированными, чаще предыдущим. Важным является и образ будущего, который выносит на повестку управляющая элита. Его ценностное соответствие идеалам гораздо важнее, чем его возможность реализации как таковой [1. С. 138]. Так было с имперским, коммунистическим и проектом «вхождения в семью европейских народов» в 90-е. Идеалистические представления о справедливости при этом идут в разрез с пониманием права как явления государственного регулирования. Что каса-

ется ассоциативного ряда «страна», «государство», «отечество», основа отождествлений здесь проходит по линии социально-культурной идентичности. При этом на идейном уровне ультралиберальные идеи проигрывают противостояние ультраконсервативным, а государственные институты становятся тождественны личностям управленцев и лидеров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Андреев А.* Образы истории в сознании россиян. Москва, 1996. № 5.
2. *Вахонина О.В.* Мерные характеристики повседневности. Автор, дисс. на соиск. уч. ст. канд. философских наук. Ростов-на-Дону, 1997.
3. *Гаджиев К.С.* Базовые принципы и пути преобразования российской политической культуры // Научный альманах «Цивилизации и культуры». Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М., 1996. Вып. 3.
4. *Древняя Русь и Московское государство. У истоков Российской цивилизации.* Ростов-на-Дону, 1998.
5. *Золотухина-Аболина Е.В.* Философия обыденной жизни. Экзистенциальные проблемы. Ростов-на-Дону, 1994.
6. *Ивахненко Е.* Средневековое двоеверие и русская литературно-философская мысль Нового времени // Рубежи. 1996. № 9.
7. *Ильин В.В., Панарин А.С., Ахиезер А.С.* Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996.
8. *Козлова Н.* Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность. 1992. № 3.
9. *Патнэм Р.* Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. Москва.
10. *Российская историческая политология.* Ростов-на-Дону, 1998.
11. *Словарь академик* // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1458071>.
12. *Хачатурян В.* Революция и русская культура в концепциях евразийства // Европейский альманах. История, Традиции, Культура. М., 1993.
13. *Хлопин А.* Становление гражданского общества в России // Pro et Contra. Т. 2. № 4.

A.A. NIKOLENKO
*Graduate Institute of law and
administration of the Vladivostok State
University of Economics and service
Vladivostok State University of Economics
and service, Vladivostok, Russia*

RUSSIAN LOCAL CIVILIZATION CORE ELEMENTS AND FUNDAMENTAL PRINCIPLES

In this article, the author makes an attempt to understand the main characteristics of the Russian local civilization and the principles that determine its differences from other similar phenomena. Since the basic characteristics of the core of civilization play the most decisive role in the processes of formation and vital activity of the latter, it is most logical to consider the basic components of the civilizational differences of Russia through the study of the cultural core of state-civilizational education.

Key words: *«Russian power», social and political thought of Russia, procedural property political power, the conservative camp, the idea of radicalism, the ideas of liberalism.*

ИЗМЕНЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНУТРЕННИХ НАПРАВЛЕНИЙ В ДВИЖЕНИИ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА¹

В работе исследуется современное состояние русского национал-патриотического движения. Целью статьи является анализ основных течений современного русского национализма – сторонников имперского направления и национал-демократов. К задачам исследования относится рассмотрение особенностей развития данных двух направлений в меняющейся исторической динамике последнего времени. Среди задач особое внимание уделяется разбору причин внешних и внутренних факторов эволюции современного русского национализма и роль в этой репрессивной политики государства за последние двадцать лет. Также исследуются сущностные признаки и политические нюансы идеологии и практики современного русского национализма, а также обстоятельства, которые повлияли на определенный рост веса имперского направления над этнонационалистическим. Несмотря на то, что за последние несколько лет русское имперское направление несколько улучшило свои позиции в российском информационном пространстве, в дальнейшем, это привело лишь к отдельным случаям допуска к участию представителей «имперцев» к официальной российской политике. Представители другого направления – русского этнонационализма, в основном, в силу специфики своей «проукраинской» риторики, не смогли соответствовать динамике общественно-политических изменений и ожиданиям основной массы населения страны, что связано, в первую очередь, с отсутствием актуальных лозунгов, которые бы заинтересовали русское большинство.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-011-00594 «Современный русский национализм и модернизация страны: идеологические аспекты воздействия и перспективы реализации».

Для достижения поставленных в исследовании задач были использованы институциональный, исторический и сравнительный методы.

Результатами проведенного анализа можно считать выводы о том, что современный русский национализм пока не использовал сложившуюся на определенном историческом этапе обстановку, а в самом движении продолжилось внутреннее расслоение и углубление общекризисных процессов. В сложившейся ситуации русский национализм будет продолжать эволюционировать, и его шанс стать одним из игроков на российском официальном политическом поле, пока выглядит не очень убедительно. Однако, можно предположить, что возможные перспективы для отдельных фигур или течений национализма в этом направлении все еще сохраняются, многое будет зависеть от нюансов развития и текущей конъюнктуры российской внутренней и внешней политики.

Ключевые слова: *русский национализм, национал-демократия, имперский национализм, этнонационализм, радикализм, политическая идеология.*

Современное русское национал-патриотическое движение в основных своих чертах, сформировавшееся в начале 1990-х годов, никогда не было гомогенным по своему составу и представляло собой набор различных интерпретаций русского национализма, нередко значительно различающихся между собой по отношению к целям, механизму, средствам и конкретному идеалу будущего устройства страны. Говоря о проблеме классификации течений современного русского национализма, отечественный политолог В. Малахов еще в 2008 году выдвинул вполне резонное, на наш взгляд, положение о том, что «предложить типологизацию современного русского национализма, которая не вызывала бы возражений специалистов, практически невозможно». По его мнению, это связано не с «аморфностью данной идеологии», а с тем, что она «не пережила стадии институционализации», то есть в России отсутствуют «общепризнанные институты (партии, организации, влиятельные think tanks)», выступающие генераторами и распространителями националистических идей» [6. С. 211-212]. Стоит отметить, что споры о типизации русского национализма происходят не только в экспертной среде, но и среди идеологов самого движения. Обзор некоторых наиболее известных типологий русского национализма периодически появляются в научных публикациях [4. С. 50-62].

Говоря об особенностях развития современного русского национал-патриотического движения, мы можем сказать, что при всех имеющихся различиях и условности определении названий различных направлений современного русского национализма, можно обнаружить два основных течения, которые могут, с определенной долей условности, считаться основными – это «имперцы-державники» и «этнонационалисты, русисты или республиканцы».

Россия долгий период своей истории была империей, государством с преобладающей жесткой формой централизации, обладающим большими окраинными территориями (Северный Кавказ, Молдавия, Украина, Прибалтика, Средняя Азия, ряд территорий Сибири и Дальнего Востока), где проживало, по преимуществу нерусское население. Отметим, что ситуация с национальными окраинами в ряде случаев, не особенно изменилась даже в советский период, а после 1991 года объем русского населения заметно уменьшился. Исторически сложилось, что и в империи Романовых, и в Советском Союзе государство использовало русский национализм как инструмент поддержания имперской государственности. Сюда следует добавить также такой важнейший имперский элемент как православная религия, которая является центральным стержнем основных российских имперских исторических идеологем – «Москва – третий Рим» (с XVI в.) и формула официальной народности С. Уварова «православие, самодержавие, народность» (с XIX в.). Оба этих лозунга имеет фактическое отношение к российской имперской традиции и не утратили своей спекулятивной актуальности даже в начале XXI в. Иными словами, русский национализм долгий период не имел иных вариантов, чем существование в качестве определенного элемента одного из типов имперского конструкта. В истории России национализм и империализм как два вида идеологии, по мнению современного российского историка С. Сергеева находятся «друг к другу в сложных, противоречивых отношениях: в чем-то они родственны как близнецы-братья, где-то сталкиваются как смертельные враги» [11]. В то же время российская империя как способ организации социального и территориального пространства в прошлом и сейчас оказывала большое влияние не только на идеологию современного российского государства, но и на все общественные сферы, социальные процессы, общественное настроение, политику и культуру [2. С. 181-261; 8; 12].

Отмечая исторические особенности развития и неоднородность русского национализма, российский исследователь национализма Алексей Миллер, писал, что тот «не был един, и у него были сложные отношения с империей». В то же время, по его мнению, считать, что русский национализм «все время находился в состоянии спора и борьбы с династией», это «не совсем верно». На самом деле динамика русского национализма проявлялась в том, что «Какая-то часть русских националистов стремилась сотрудничать с империей, это была довольно большая часть. Какая-то часть оппозировала в надежде династию переделать, перевоспитать, если угодно, а какая-то часть – в надежде династию уничтожить» [7. С. 29].

Существует и другая точка зрения, в данной трактовке русский национализм имеет в себе достаточно мощный антиимперский потенциал. Как пишет российский историк и политик В. Соловей: «Государство питалось русской силой и беспощадно эксплуатировало ее: русские низы не имели

никаких этнических предпочтений и несли основное государственное тяг-ло». В результате, как отмечает автор: «Сочетание сотрудничества и взаимозависимости русского народа и имперского государства с капитальным конфликтом между ими составили стержень русской истории...». По его мнению, на исходе XX века произошло «драматическое ослабление русской витальной силы». Исследователь делает вывод о том, что «имперская страница нашей истории закрывается». Не помогла даже «коммунистическая стратегия формирования новых идентичностей – политической (советской) и территориальной (союзной). Хотя она была не в пример успешнее аналогичной стратегии имперской России...». Так русский национализм, по его мнению, приобрел «новый смысл» – он стал не идеологией имперской реставрации, а идеологией «модернизированного и демократического государства». Лозунг «Россия для русских!» приобретает следующий актуальный смысл – «Россия может быть только государством русского народа или ее не будет вовсе». Далее следуют заявления в абсолютно примордиалистском духе: «Современная русская ментальность лежит в русле этаизации сознания – интенсивности ощущения и рефлексии собственной русскости, в том числе осознания (впервые в истории!) важности ее биологической стороны» [13. С. 467-469, 472].

В другой своей книге он продолжает развивать свои идеи и утверждает, что, постепенно русский национализм стал играть «подрывную роль» в отношении к «имперским принципам». Так «русская национальная идеология объективно приобретала не консервативный, а радикальный и даже революционный модус». Соловей отмечает, что довольно долго «антиимперский русский национализм» был «маловлияющей и маргинальной тенденцией».

Но в современную эпоху «исторический смысл русского национализма» изменился радикально. Он полагает, что «имперская идентичность разрушилась еще в Советском Союзе», и, по его мнению, «происходит поистине исторический сдвиг: ценность и идея Империи, русский мессианиззм... сданы в архив». Впервые в своей государственной истории «русские перестали быть имперским народом – народом для других...».

В новых, постсоветских условиях «радикальная и глубокая этнизация русского сознания» стала ответом на «системный кризис и слабость русского народа», на «слабость отечественного государства, на демодернизацию, социальную и антропологическую деградацию». Здесь вновь исследователь прибегает к примордиалистским критериям – так, он считает, что в основе современной этнизации русских «лежит импульс биологической природы – инстинкт самосохранения и выживания этнической группы. В этом смысле нарастание русской этнофобии вызвано слабостью, а не силой...».

Этот «вектор перемен» определен автором как «превращение русских из народа для других в народ для себя» [14. С. 421, 425- 426].

Идеи В. Соловья отражают один из вариантов национал-демократического направления в современном русском национализме. Надо сказать, что

его предположения, высказанные более десятилетия назад, не нашли должного подтверждения. На наш взгляд, национал-демократическое направление, о ренессансе которого говорил Соловей, пока не смогло реализовать свой потенциал, так как за прошедший период условия развития сложились в стране таким образом, что имперская идеология оказалась более актуальной и востребованной.

Стоит отметить, что водораздел между условными «имперцами» и «этнонационалистами» в русском национализме имеет сегодня достаточно условный характер, нужно смотреть на конкретные характеристики и реальную ситуацию в каждом случае, когда требуется определить принадлежность какой-то организации или политического деятеля-националиста к тому или иному направлению. Как отметила авторитетная французская исследовательница русского национализма М. Ларюэль, деление русских националистов на «государственников» и «этнонационалистов» служит удобным орудием анализа, так как «четко фиксирует разлом, который находится в самом сердце русского национализма: отношение к государству и к империи» [5. С. 24].

Помимо данного деления на два больших соперничающих друг с другом магистральных направления условных «имперцев» и «республиканцев», можно отметить еще два значительных аспекта, приведших к усугублению раскола внутри русского национал-патриотического движения.

Во-первых, это отношение националистов к официальной власти (условно говоря, периоды руководства страной Б.Н. Ельцина (1991-1999 гг.) и В.В. Путина (1999- 2008 гг., 2012 г. – по настоящее время, включая сюда срок президентства Д.А. Медведева с 2008-2012 гг.) и, во-вторых, – разное понимание значения периода советского социализма (конкретно В.И. Ленина, И.В. Сталина или других знаковых фигур, событий или объектов исторического опыта СССР). Позднее в этот набор были добавлены события, связанные с оценкой ГКЧП в 1991 г. и расстрелом Белого дома в 1993 г. Эта «повестка дня» в критериях расхождения в лагере русских националистов не менялась в течении почти всех 1990-х годов. Периодически возникали отдельные фрагментарные влияния (например, бомбардировки авиацией НАТО Сербии в 1999 г.), которые сказывались на корректировке идеологии и деятельности части русских националистов, но эти изменения носили локальный характер, не внося значительных трансформаций в общее состояние движения русских националистов. Последними по времени значительными событиями, повлиявшими на ход развития русского националистического движения, были протестные выступления 2011-2012 гг., связанные с итогами голосования населения в Государственную Думу РФ, когда часть националистов (преимущественно национал-демократы) поддержала либеральную оппозицию, войдя тогда же в Координационный совет оппозиции – Игорь Артемьев («Русский общенациональный союз»,

«Россия Освободится Нашими Силами» («РОНС»)), Николай Бондарик («Русская партия»), Даниил Константинов («Лига обороны Москвы»), Константин Крылов, Владимир Тор (Кралин) («Национально-демократическая партия»). Не все русские националисты положительно отнеслись к контактам с либералами и левыми со стороны своих соратников по движению. Вторым мощным триггером развития разногласий между русскими националистами явились события на Украине в 2014 году и последовавший за этим раскол в движении на не принявших и поддержавших события «Русской весны».

Надо отметить, что на сегодня существует целая группа причин, которые повлияли на постепенное увеличение влияние в русском национализме имперского направления над этнонационалистическим.

Одним из важнейших факторов, влияющих на развитие русского национал-патриотического движения, является репрессивная политика официальной власти в отношении русских националистических организаций. С момента принятия Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в 2002 г. на лето 2021 г. в списке организаций, чья деятельность признана на территории РФ экстремистской входит 84 пункта. Так, в период с 2002 по 2008 гг. в стране было запрещено всего 10 организаций, из них наиболее значительной была только «Национал-большевистская партия» Э. Лимонова (запрещена в 2007 г.), остальные 9 являлись региональными отделениями различных националистических объединений религиозного спектра.

В период с 2010 по 2015 гг. было запрещено 27 организаций, из них 10 крупнейших русских националистических организации, большинство из которых составляла радикальная правая молодежь: 2010 г.: «Национал-Социалистическое Общество» (НСО), «Славянский Союз» (СС), «Формат-18»; 2011 г.: «Движение Против Нелегальной Иммиграции» (ДПНИ), «Русский Общенациональный Союз» (РОНС); 2012 г.: «Северное Братство» (СБ), «Кровь и Честь» («Blood & Honour»); 2015 г.: этнополитическое объединение «Русские», «Народная Социальная Инициатива» (НСИ), «Misanthropic Division» (MD).

С 2016 по 2020 гг. в списке появилось еще 15 запрещенных объединений. Из них в 2016 г. стоит отметить запрет 2-х региональных, но достаточно активных молодежных структур – «Атака» (бывшие участники «Реструкта» М. Марцинкевича «Тесака») и «Рубеж Севера» (Сыктывкар, Республика Коми), а также регионального отделения «Русской Республики Русь», одного из клонов «Русской Республики» В. Попова. В 2017 г. суд запретил деятельность «Артподготовки» (В. Мальцев), пропагандировавшей смесь идей национал-демократии, либерализма и антисемитизма. В 2018 и 2019 гг. ситуации с запретами примерно совпадали – поочередно были запрещены 2 неязыческие националистические конспирологические сектантские «партии» –

в 2018 – «Курс Правды и Единения» (КПЕ), в 2019 – «Союз Славянских Сил Руси». Соответственно, в 2018 г. российские власти запретили 2 региональных правых скин-объединения и одно в 2019 г. В 2020 г. были запрещены две крупные национал-демократические партии – «Русская Республика Русь» и Комитет «Нация и Свобода» и региональная ультраправая группа «White Hooligans Capital» (WHC, «Белые Хулиганы Столицы» и т.д.) [3; 8].

Как можно заметить, основной пик запретов пришелся на 2010–2015 гг., в этот период были запрещены практически все основные организации ультраправой молодежи (всего десять), до и после этого периода в совокупности были закрыты всего три более-менее значительных организации подобного рода. Обращает на себя внимание тот факт, что в итоге, из всех запрещенных националистических организаций (без религиозно-сектантских и левых ориентаций) к имперскому направлению относятся только две (НБП и РОНС), а остальные тринадцать – это национал-республиканские образования различной направленности. Такие действия властей, безусловно, значительно ослабили национал-республиканское направление в русском национал-патриотическом движении как минимум за последние 10–15 лет. Как отмечают современные отечественные исследователи: «... нынешнее обострение отношений с западными странами в связи с украинским кризисом можно интерпретировать как выбор в пользу национализма «имперского» типа...». Авторы справедливо полагают, что: «Маргинализация и криминализация движений, стоящих на позициях этнического русского национализма (дело БОРН, преследование лидеров движения «Русские»), – прямое следствие такого поворота» [10. С. 89].

Кроме того, в связи с событиями на Украине и очевидными политическими успехами украинских радикалов, начиная с 2014 г. государство вынуждено учитывать именно русский националистический фактор, вероятно, понимая определенные коннотации и их негативные последствия. Вследствие этого, имперский вариант русского национализма как политическая сила, практически целиком поддерживавшая присоединение Крыма и «Русскую весну» в республиках Донецка и Луганска, в том числе и участием в вооруженном противостоянии с киевской властью на стороне ополченцев, получил некоторые преференции, в основном медийного характера, когда некоторые представители движения (А. Проханов, З. Прилепин, Е. Холмогоров, А. Дугин, В. Коровин, К. Душенев и другие «русские имперцы»). Перечисленные люди и некоторые их коллеги по имперскому движению имеют возможности вести телевизионные передачи на российских телеканалах или регулярно выступать в различных передачах в качестве экспертов. Есть и некоторые исключения, например, М. Ремизов (немного реже – О. Неменский) сегодня представляет на центральном телевидении страны «респектабельную» часть течения национал-демократов.

Еще один фактор, заметно влияющий на движение русских националистов также связан с репрессивной политикой властей. Довольно большое количество русских националистов в стране находится в местах заключения (например, на конец 2018 г., по словам Матвея Цзена, «Русское общественное движение», позднее правозащитный центр «РОД», НДП), осужденных русских националистов, было около 5 тысяч человек, причем эта цифра имела четкую тенденцию роста [15]. Для сравнения, закрытый сейчас ультраправый сайт «Герои воли», писал в 2013 г. о числе «более одной тысячи» своих соратников в «казематах системы» [1], то есть увеличение отбывающих срок заключения русских националистов за 5 лет примерно пятикратное). Отметим, что представители имперского направления здесь в явном меньшинстве, в отличие от сторонников этнонационализма, которых пребывает в местах лишения свободы подавляющее большинство. Среди последних преобладают представители многочисленных молодежных ультраправых группировок. В свою очередь, среди них довольно много людей, получивших судебные приговоры вплоть до пожизненного. Некоторые, преимущественно представители национал-демократического направления, эмигрировали из страны (Владимир Басманов, Иван Белецкий, Даниил Константинов, Игорь Артемов и др.).

Немаловажной причиной, на наш взгляд, повлиявшей на изменение идеологии русского национализма является смена поколений. За неполных последние 12 лет лидерская когорта русского национал-патриотического движения по разным причинам понесло очень чувствительные потери. Среди умерших – Константин Петров (волхв Мерагор) (Концептуальная партия «Единение») (2009), Алексей Добровольский («Доброслав») (2013), Петр Хомяков (НОРНА, «Северное Братство») (2014), Станислав Терехов («Союз офицеров») 2017. В 2020 г. умерли Юрий Беляев («Партия Свободы»), Константин Крылов («Национал-демократическая партия (НДП) России», журнал «Вопросы национализма»), Лев Прозоров (Озар Ворон), Эдуард Лимонов (НБП, Другая Россия), Владимир Осипов (Союз Христианского Возрождения), Максим Марцинкевич («Тесак») (Формат-14, Реструкт), Владимир Авдеев (известный в русском националистическом движении публицист и создатель учения о «расологии»), в июне 2021 г. умер Александр Самоваров (автор книги «Перспективы русского национализма» (2008) и других произведений).

Современный русский национализм динамично реагирует на изменения в российском обществе, пытаясь найти свои ответы на актуальные вопросы развития, стоящие перед российским государством и социумом. Впервые за всю постсоветскую историю некоторые лозунги националистов имперского направления частично совпали с деятельностью официальной российской власти. Но вместо оживления и консолидации русский национализм подвергся еще большему воздействию центробежных сил. Таким образом,

имперское и республиканское направления, наличие которых всегда призывались в экспертном сообществе, сегодня получили дальнейшее разделение, а также появились новые направления. Изменениям внутри русско-го национал-патриотического движения во многом способствовал сам ход развития внутренней и внешней политики государства. Представители этнонационализма, в основном выступившие на стороне Киева в конфликте на Украине, испытывают большой прессинг со стороны властей, по сравнению с имперским направлением, но это совсем не означает, что «имперцев» прекращены все репрессивные действия. Если националисты-«имперцы», в основном, ожидают от официальной власти новых решений и действий в духе продолжения «Русской весны», поэтому, в основном, следуют в ее политическом фарватере, то русские «республиканцы» не могут пока предложить ничего, кроме популистской критики реальности. За периметром их ультраоппозиционной повестки остается масса тем, волнующих население страны. Отсутствие понятного большинству образа будущего российского государства и проукраинская позиция сильно снижают шансы русских национал-демократов на изменение своего маргинального состояния в ближайшей исторической перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. «Герои воли». О сайте // <http://geroivoli.info/o-saite>.
2. *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М., 2008.
3. Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>.
4. *Кузьмин А.Г.* Русский радикальный национализм в современной России: традиции и эволюция. Сыктывкар, 2011.
5. *Ларюэль М.* Еще раз к вопросу о классификации идеологических течений русского национализма // Русский национализм: Социальный и культурный контекст / Сост. М. Ларюэль. М., 2008.
6. *Малахов В.* Национализм в современной России: идеология, протагонисты, отношения с властью // Гендерные исследования. 2008. № 18.
7. *Миллер А.* Национализм и империя. М.: ОГИ, 2005.
8. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII – 1991 г.). Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
9. Перечень НКО, ликвидированных в соответствии с ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/>.
10. *Понарин Э.Д., Комин М.О.* Дилемма русского национализма «имперский» и этнический национализм в постсоветской России // Политика: анализ,

---

хроника, прогноз (журнал политической философии и социологии политики). 2016. № 4 (83).

11. *Сергеев С.* Русский национализм и империализм начала XX века // <https://rusk.ru/st.php?idar=27058>.

12. *Сергеев С.М.* Русская нация или Рассказ об истории ее отсутствия. М., 2017.

13. *Соловей В.Д.* Кровь и почва русской истории. М., 2008.

14. *Соловей Т.Д., Соловей В.Д.* Несостоявшаяся революция: Исторические смыслы русского национализма. М., 2009.

15. *Сулим С.* Пошел в школу, вступил в расовую войну, сел // <https://meduza.io/feature/2018/12/10/poshel-v-shkolu-vstupil-v-rasovuyu-voynu-sel>.

A.G. KUZMIN

*Candidate of Sciences (political sciences),
Associate Professor at the Chair of social work
and psychology of Syktyvkar State University
named after Pitirim Sorokin,
Syktyvkar, Russia*

CHANGES AND FEATURES OF THE FORMATION OF INTERNAL DIRECTIONS IN THE MOVEMENT OF RUSSIAN NATIONALISTS IN THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

The paper examines the current state of the Russian national patriotic movement. The purpose of the article is to analyze the main trends of modern Russian nationalism – supporters of the imperial trend and National Democrats. The objectives of the study include the consideration of the features of the development of these two directions in the changing historical dynamics of recent times. Among the tasks, special attention is paid to the analysis of the causes of external and internal factors of the evolution of modern Russian nationalism and the role of the state's repressive policy in this over the past twenty years. Russian nationalism also explores the essential features and political nuances of the ideology and practice of modern Russian nationalism, as well as the circumstances that influenced a certain increase in the weight of the imperial trend over the ethno-nationalist. Although over the past few years, the Russian imperial direction has somewhat improved its position in the Russian information sphere, but, in the future, this led only to individual cases of allowing representatives of the «imperialists» to participate in official Russian politics. Russian ethno – nationalism, mainly due to the specifics of their «pro-Ukrainian» rhetoric, could not meet the dynamics of socio-political changes and the expectations of the

---

majority of the country's population, which is primarily due to the lack of relevant slogans that would interest the Russian majority.

To achieve the objectives set in the study, institutional, historical and comparative methods were used.

The results of the analysis can be considered as conclusions that modern Russian nationalism has not yet used the situation that has developed at a certain historical stage, and the internal stratification and deepening of general crisis processes have continued in the movement itself. In the current situation, Russian nationalism will continue to evolve, and its chance to become one of the players in the Russian official political field does not look very convincing yet. However, it can be assumed that the possible prospects for individual figures or currents of nationalism in this direction still remain, much will depend on the nuances of development and the current conjuncture of Russian domestic and foreign policy.

Key words: Russian nationalism, national democracy, imperial nationalism, ethno-nationalism, radicalism, political ideology.

DOI 10.35775/PSI.2021.71.7.009

УДК 32.323

Э.Н. ПРИМОВА

*кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник*

*Научно-исследовательского института
Академии Генеральной прокуратуры РФ,
Россия, г. Москва*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФЕДЕРАТИВНОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ

В статье предпринята попытка поиска возможных путей преодоления асимметричности и совершенствования государственно-административного устройства Российской Федерации. Главное внимание концентрируется на обосновании тезиса о том, что одним из факторов, препятствующих движению России к полноценному и реальному федерализму, является смешанный принцип ее устройства, включающему в себя административно-территориальный и национально-территориальный принципы.

Ключевые слова: *Российская Федерация, асимметричная федерация, смешанный принцип, национально-территориальный принцип, административно-территориальный принцип.*

Разработка и тем более реализация оптимальных форм, путей и механизмов взаимоотношений федерального центра и субъектов федерации, тем более в такой многогранной и стране как Россия представляют собой весьма сложную проблему, которая решается в процессе совершенствования и достижения зрелости самой Федерации. В этом вопросе особую значимость и актуальность приобретают выявление и анализ комплекса социально-экономических, финансовых, торговых, инвестиционных связей как между Федерацией и субъектами Федерации по вертикали, так и между самими субъектами Федерации по горизонтали. Естественно, не менее важное значение имеют поиски форм, путей, направлений, средств возможной перестройки этих отношений с учетом широкомасштабных изменений, которые имеют место в условиях информационной революции и глобализации как в мире в целом, так и в стране в особенности.

В этом контексте особую актуальность приобретает чрезмерная, по сравнению почти со всеми другими федерациями современного мира, асимметричность Российской Федерации. Эта особенность проявляется уже в самих

названиях ее субъектов. Например, в США, Бразилии, Мексике почти все они называются штатами, в Германии – землями, в Канаде – провинциями (правда, по ряду показателей эта страна также является асимметричной федерацией. В частности, здесь провинция Квебек пользуется особым статусом). Немаловажное значение в этом плане имеют многонациональный состав Российской Федерации, природно-географическое разнообразие регионов, неравномерность социально-экономического развития разных регионов, дальние расстояния, несовершенство и дороговизна коммуникаций и т.д.

Российская Федерация – это сложносоставное государство, имеющее в своем составе, согласно ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 65 Конституции РФ, шесть разновидностей субъектов Федерации: края, области, города федерального значения, национальные республики, автономные округа и автономная область. Такое положение Российская Федерация унаследовала от бывшего СССР, который с точки зрения формы государственно-административного устройства также характеризовался асимметричностью. Как известно, СССР включал 15 союзных и 20 автономных республик, 6 краев, 114 областей, 8 автономных областей и 6 автономных округов. Национально-территориальные образования подразделялись на три уровня: советские социалистические республики, национальные автономии, края и области. Главное здесь состоит в том, что руководство советского государства при организации государственно-административной системы страны узаконила выделение национальных республик как особых государственных образований. В результате получился некий симбиоз элементов квази-федерализма и жесткого унитаризма. Это положение с некоторыми еще более серьезными поправками в сторону усиления асимметричности было унаследовано Российской Федерацией. В частности, в процессе и после распада СССР целый ряд автономных округов и автономных областей, являвшихся административными образованиями в составе краев или республик, в конечном счете трансформировались в полноправные субъекты Российской Федерации. Статус республик, кроме 16 бывших автономных республик, приобрели также 4 автономные области – Адыгейская, Карачаево-Черкесская, Горно-Алтайская и Хакасская, а из автономных областей осталась только одна – Еврейская. В 1992 г. Чечено-Ингушская Республика была разделена на Чеченскую Республику и Ингушскую Республику. Непосредственно в состав Российской Федерации сейчас вошел Чукотский автономный округ, который вышел из состава Магаданской области.

Российская Федерация в вопросе о количестве входящих в нее субъектов опередила все существующие в мире федерации. Если учесть зарубежный опыт, то обращает на себя внимание тот факт, что в США с населением около 320 млн. человек всего 50 штатов, в Индии при численности населения более млрд. человек – 25 штатов. Правда в маленькой Швейцарии – 26.

Важным признаком асимметричности Российской Федерации является то, что республики наделены большим объемом властных полномочий по сравнению с другими субъектами, например, с областями и краями. Субъекты Российской Федерации различаются между собой по размерам территории, численности и плотности населения, национальному составу, уровню социального, экономического, культурного развития и т.д.

Несомненно, такая асимметричность наряду с другими факторами негативно отражается на характере, темпах, направлениях реализации экономических, социальных и политических реформ, что создает дополнительные трудности на пути разработки и реализации единой общегосударственной стратегии экономических и политических преобразований. Учитывая это, некоторые политики, публицисты и аналитики усматривают один из возможных путей преодоления асимметрии и создания «полноценной» федерации в уравнивании прав и статуса всех субъектов Федерации. Однако реальность состоит в том, что на данном конкретном этапе на этом пути Россия сталкивается со множеством трудностей, связанных с различиями в традициях, укладах жизни, культурах, природных условиях, исторической разностью скоростей развития отдельных регионов, субъектов, республик, народов Российской Федерации. В этой связи нельзя не учитывать тот факт, что в России ни одно сколько-нибудь серьезное преобразование не может осуществляться во всех регионах и субъектах одновременно и единообразно. Поэтому реального позитивного результата и эффективности реформы в России могут быть достигнуты лишь в том случае, если будут осуществляться на региональной основе с учетом специфических особенностей каждого конкретного региона.

Коль скоро мы признаем Россию великим содружеством народов, многосоставным, мультикультурным обществом, то до поры до времени мы должны признать существование многих не всегда совпадающих у всех народов ценностей, обеспечить условия для равенства стартовых возможностей для всех народов и культур, равенство форм самоорганизации и образов жизни. С этой точки зрения важно учесть, что одна из важнейших сущностных характеристик демократии состоит в том, что она признает не только равенство стартовых возможностей, но и равенство способов жизнедеятельности. Здесь можно согласиться с Г.П. Федотовым, который, назвав все попытки «построения России как законченной и симметричной федерации доктринерскими, писал: «В державе российской мыслимы все оттенки взаимоотношений, начиная от областного самоуправления, национальной автономии, кончая чисто федеративной связью. Не в конституциях Европы – скорее в системе Римской Империи, в эпоху ее многовекового создания может найти свои аналогии современная Россия. Одно, несомненно, двух или трехвековая эра бюрократического централизма миновала. Если мы хотим сохранить Империю, то должны перестать смотреть на нее как

на Русь. Россия, Русь, Великороссия – несовпадающие, а концентрические величины, каждая из которых должна получить свои идейные (и территориальные) границы» [3. С. 248-249].

Поэтому необходимо признать за территориями, регионами, областями, республиками, народами право представительства разных не просто способов производства, а самих способов человеческой жизнедеятельности. В противном случае борьба с политико-административной асимметрией в России может стать контрпродуктивной.

В этом плане представляется естественным, что перед российским государством всегда стояла весьма сложная задача обеспечения единства и целостности громадных пространств и множества народов. Многонациональный и многоконфессиональный характер России, которая на протяжении многих веков сталкивается с угрозой территориальной целостности государства и сепаратизма отдельных народов и регионов, диктует необходимость пристального внимания к определению формы государственного устройства, прежде всего, с точки зрения допустимых и оптимальных масштабов централизации и децентрализации государственной власти. О реальности и значимости вопроса о характере и перспективах существующей в настоящее время структуры и субъектного состава Российской Федерации свидетельствуют тот факт, что на протяжении всего постсоветского периода не прекращаются споры и дискуссии по вопросу о конституционных основах и принципах, состоянии и перспективах государственного устройства страны, соответствующих современным социально-экономическим, политико-культурным, политическим, этнонациональным, демографическим и иным условиям.

Федерация в ее нынешнем виде представляет собой конгломерат весьма разнородных, созданных в разное время и по совершенно разным причинам административных единиц. При этом, как отмечал В.В. Путин в своем выступлении на расширенном заседании Государственного Совета в феврале 2008 года, «для сегодняшнего дня характерна большая и все усиливающаяся дифференциация между социально-экономическим развитием регионов с преобладанием количества субъектов Федерации, имеющих низкие показатели. Разница между субъектами Федерации практически по большинству основных параметров – феноменальна и достигает десятки раз» [2].

Как отмечала спикер Совета Федерации Федерального Собрания В Матвиенко в 2013 году на встрече с депутатами Госсовета Татарстана, 83 субъекта Российской Федерации «очень неравновесны по своему экономическому, социальному развитию и потенциалу». Поэтому, утверждала она, рано или поздно «жизнь заставит» вернуться к теме сокращения их количества. Более конкретно свою позицию по данному вопросу она озвучила в апреле 2016 года, заявив о необходимости слияния ряда субъектов Федерации в некие суперсубъекты. По мнению Матвиенко, «есть субъекты Федерации,

которые точно нежизнеспособны в силу объективных причин, а не потому, что там плохие губернаторы. Надо укрупнять регионы, и не просто по чьей-то воле, а имея под этим экономические, инвестиционные и иные обоснования». Поэтому, утверждала она, есть резон создать два «суперсубъекта» на территории Центрального Федерального округа, объединив Смоленскую, Брянскую, Калужскую и Орловскую области в одну и Липецкую, Воронежскую и Рязанскую области в другую [1].

В апреле нынешнего года вице-премьер Российской Федерации Марат Хуснуллин, заявив, что России не нужно такое количество субъектов, вице-премьер пытался обосновать необходимость объединения некоторых регионов «для более эффективного управления и их развития», при этом подчеркнув, что это его личное мнение» [4].

Возможно, укрупнение субъектов Российской Федерации действительно является одним из возможных направлений решения проблемы ее асимметричности и дальнейшего пути совершенствованию и рационализации системы государственного управления. При этом необходимо признать, что укрупнение само по себе автоматически не обязательно обеспечит условия для устойчивого и стабильного развития федерации. Противники объединения или укрупнения свою позицию обосновывают аргументами о том, что оно несет в себе угрозу распада России, поскольку моль в случае создания, скажем, 20-30 крупных регионов на территории страны может возникнуть несколько тяготеющих к самостоятельности «государств в государстве». Некоторые авторы высказывают опасение насчет того, что перестройка федерации в этом направлении при определенных условиях может стать шагом в сторону реализации сценариев З. Бжезинского, предсказывавшего распад России на три части: Европейскую, Сибирскую и Дальневосточную и освобождение таким образом «творческого потенциала народа России» из-под «тяжелой руки московской бюрократии»?

При всем том, необходимо учесть, что регионализация в России является объективным и неизбежным результатом ее природно-климатического, социально-экономического этнокультурного и политико-административного многообразия, политических амбиций элиты и анклавной ментальности тех или иных социальных слоев и групп. Каждый из регионов России располагают соответствующими природными ресурсам, особенностями их размещения, имеют свою структуру хозяйства и специализацию.

Как представляется, Российская Федерация еще долгое время останется асимметричным федеративным государством, но не на уровне важнейших конституционных полномочий, прав и обязанностей, а, прежде всего, в плане специфических особенностей, связанных с экономическими, культурными, национальными и географическими особенностями того или иного субъекта Российской Федерации. Укрупнение регионов, преодоление или уменьшение асимметричности и другие начинания не должны быть само-

целью, а должны быть ориентированы на совершенствование и рационализацию государственно-административного устройства, государственного управления важнейшими сферами общественной жизни. Применительно к России симметричность можно рассматривать как идеал, достижение которого может быть результатом постепенного движения к конечной цели, а не единовременным актом, вводимым неким обязательным правительственным постановлением или думским законом.

Тем не менее, административное устройство государства должно отвечать, прежде всего, требованиям эффективного функционирования всей системы государственной власти, управляемости важнейших сфер общественной жизни. В этом контексте, как бы абстрагируясь от предложений и проектов укрупнения субъектов Федерации, представляется необходимым концентрировать внимание на один из ключевых вопросов, без решения которого весьма трудно справиться с рассмотренными выше проблемами. Речь идет о том, что Российской Федерации построена на смешанных административно-территориальном и национально-территориальном принципах. Если в первом случае имеются в виду края, области и города федерального значения, то во втором случае – национальные республики, автономные области, автономные округа.

В этом смысле можно согласиться с теми исследователями, по мнению которых этно-территориальный принцип государственно-административного устройства уже в советский период фактически изжил себя, и в Российской Федерации действует в силу исторической инерции. В современных условиях этот принцип стал одним из существенных факторов, препятствующих поступательному развитию российской государственности и самой государственно-политической системы, а в некоторых регионах, прежде всего, на Северном Кавказе окончательному преодолению конфликтогенности, обеспечению единства, устойчивости и национальной безопасности государства. Поэтому необходимы поиски новых форм и путей перехода от смешанного к исключительно территориально-административному типу федеративного устройства. Решение данной архисложной проблемы нужно искать на путях поиска компромиссных моделей отношений между центром и национально-территориальными образованиями.

Подавляющее большинство этно-национальных субъектов Российской Федерации уже в советский период являлись многонациональными, а во многих из них так называемые титульные этносы составляли меньшинство населения. Национальные образования составляют треть субъектов Российской Федерации. По имеющимся данным русские составляют абсолютное большинство в северных и сибирских республиках – Карелии, Республике Коми, Мордовии, Удмуртии, Республике Алтай, Хакасии, Бурятии, Якутии. В Адыгее русские имеют подавляющее численное превосходство над адыгейцами. Национальных автономий, кото-

рые отличаются реальной этничностью, на самом деле очень немного. С оговорками к их числу можно отнести Туву и Чувашию, на Кавказе – Чечню, Ингушетию и Северную Осетию, в которых титульные этносы составляют большинство населения. Все прочие национальные образования отличаются многонациональным составом или долей русских, сопоставимой с титульным этносом. Кроме того, многие народы национальных республик в том числе Северного Кавказа разбросаны по всей территории Российской Федерации.

В результате тех процессов и тенденций, которые произошли в СССР, и после его распада в пределах России, административные границы уже в советский период перестали соответствовать границам ареалов проживания тех или иных народов, которые особенно в городах перемещались друг с другом, а границы ареалов их проживания оказались изломанными и изрезанными, а то и вовсе исчезли. Моноэтничность (причем об этом можно говорить лишь условно) сохраняется лишь в сельских районах, из которых значительная часть более или менее дееспособной молодежи постепенно переселяются в полиэтнические города.

Необходимость реформирования федеративного устройства определяется тем фактом, что унаследованное от советских времен административно-территориальное деление не соответствует требованиям нового экономического и политического строя России. Еще в советский период становились очевидными те изъяны системы управления социально-экономическими и политическими процессами, которые становились одним из главных препятствий на пути социально-экономического, технологического и политического развития страны. Федеральная система, созданная в других социально-экономических и политических условиях, соответственно, для достижения других целей, по определению не способна эффективно функционировать в радикально отличных от них условиях. Это создает серьезные затруднения при проведении курса региональной политики по выравниванию уровней социально-экономического развития территорий, комплексному и взаимоувязанному использованию их ресурсов, обеспечению финансовой самодостаточности.

Разумеется, федерализм является инструментом обеспечения политического равноправия народов, но это обстоятельство вовсе не делает обязательным этно-территориальный принцип построения федерации. К тому же, как показывает мировой опыт, такой принцип не решает, а лишь временно заглушает национальный вопрос, а во многих случаях существенно осложняет проблему обеспечения единства и территориальной целостности федеративного государства. Об обоснованности данного тезиса наглядное представление дают примеры распада СССР, Чехословакии, Югославии, а также множество сепаратистских движений во всем мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В России могут появиться суперсубъекты Федерации // <https://realty.vz.ru/politics/2016/4/27/807577.html>.
2. Выступление Владимира Путина на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» // Российская газета. Федеральный выпуск №4585.
3. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. М., 1992.
4. Хуснуллин выступил за сокращение числа регионов России, 27.04.2021 // <https://www.kommersant.ru/doc/4792977>.

E.N. PRIMOVA

*Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher, Research Institute
Academy of the Prosecutor General's
Office of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

ON SOME ISSUES OF IMPROVING THE FEDERAL STRUCTURE OF RUSSIA

The article attempts to explore possible ways to overcome the asymmetries and improving state- administration structure of the Russian Federation. The main attention is concentrated on the proposition that one of the main factors impeding the movement of Russia to a full and real federalism is a mixed principle of its construction, which includes the administrative-territorial and national-territorial principles. The author believes that the solution of a number of problems faced by Russia, can be resolved gradually transforming into administrative-territorial federation

Key words: *Russian Federation, an asymmetric federation, mixed principle, national-territorial principle.*

DOI 10.35775/PSI.2021.71.7.010

УДК 32.323.213

В.Г. ЕРМАКОВ

*аспирант кафедры политологии и
государственной политики
Среднерусского института управления –
филиал Российской Академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Орёл*

ПОЛИТИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ КАК ФАКТОР ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИЙ «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящей статье рассматриваются влияние государственной политики цифровизации на развитие «третьего сектора» и институционализацию его субъектов в современной России. Выявляется общественно-политическое содержание цифровизации, констатируется утилитарный и прагматичный характер использования ее достижений в практике взаимодействия государства и гражданского общества в Российской Федерации. Обосновывается вероятность возникновения деструктивных последствий информатизации и развития цифровых коммуникаций для утверждения отечественной модели государственно-гражданского диалога в политическом процессе постсоветского периода.

Автор провел аналитическую обработку развития институтов «третьего сектора» через призму информатизации и цифровизации российской политики. Обобщены приоритеты внедрения цифровых технологий в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций и их ассоциаций столичного региона. Сформулированы выводы, позволяющие определить приоритеты государственной политики по поддержке «третьего сектора» в Российской Федерации в условиях совершенствования цифровых технологий в системе государственного управления. Обобщается, что цифровая модернизация создает новые возможности для установления обратной связи государственной власти и социально-ориентированных некоммерческих организаций.

Ключевые слова: *гражданское общество, «третий сектор», информатизация, цифровизация, социально-ориентированные некоммерческие организации.*

В современной России, как и во всем мировом сообществе ведущим фактором политического процесса становится принципиальное повышение значения информационных технологий и цифровой трансформации социальной реальности. Передовые достижения IT-индустрии в XXI столетии определяют не только обыденную реальность, но и специфику формирования неправительственных организаций и гражданских институций. В фокусе интенсивной научной полемики предпринимаются попытки представить обоснованную трактовку влияния цифровизации на институциональные и функциональные параметры институтов и объединений «третьего сектора» в Российской Федерации, а также на специфику их политической субъектности. Информатизация российской политики рассматривается многими учеными через призму развития такого феномена как «глобальное гражданское общество». Именно с информационно-технологическим компонентом политической системы и его постоянной модернизацией связывают структурные трансформации социальной активности и политического участия в современной России.

Осознание значения факторов цифровизации и информатизации со стороны «политического класса» Российской Федерации отмечается в доктринальных установках и концептуальных документов, которые были приняты и опубликованы в последние год. Например, в выступлениях главы российского государства декларировалось, что ускорение технологического развития прямо определяет место страны в современном мире [6]. Приобщение к сетевому обществу глобального масштаба, ставшее возможным с появлением Интернета, открывает возможность как продуктивного использования информационных технологий и платформ, так и их применения в целях политической дестабилизации и идеологической обработки индивидов и социальных сообществ. Российский исследователь Д.Л. Цыбаков аргументирует, что в рамках внешнего информационно-психологического воздействия борьба за обладание политической властью стремительно модифицируется при помощи внедрения действенных технологий и приемов давления на общественные группы и акторов политики [9. С. 130.].

Представляется закономерной взаимосвязь между обвальным распространением «цифровых технологий» и трансформацией властных институтов и субъектов гражданской самоорганизации. Потенциал цифровизации давно перестал быть достоянием только сферы государственного управления и административно-бюрократического аппарата. Стержневым элементом постиндустриального социума становятся «облачные технологии» и цифровые платформы. В результате достигается оригинальная вариация социально-политической интеграции субъектного состава национальной и международной политики.

В России на государственном уровне до настоящего времени значение цифровых технологий рассматривалось прежде всего с точки зрения их эко-

номической эффективности. Так, в 2017 году была принята правительственная программа развития цифровой экономики, действие которой охватывает период до 2024 года.

Согласно ее замыслу, планируется всесторонняя модернизация всех областей российской реальности и государственного управления. Одновременно в экспертной среде отмечается риск негативных проявлений и итогов цифровизации: опасность управленческо-технологических дисфункций, невозможность регулярного и действенного контроля за каналами цифровой связи и коммуникации. Такие качества, как транснациональный масштаб и глобальный охват цифровизации объективно подрывают государственный суверенитет и интенсивно переформируют границы и структуры политической системы страны и ее «третьего сектора». Чему способствует и «цифровое неравенство», то есть неравномерность доступа государств и народов мира к достижениям информационной революции [3. С. 94.].

Обоснуем, что неразвитость информационных цифровых технологий влияет не только на экономическую сферу, выражается не только в стагнации и кризисе народного хозяйства той или иной страны. В XXI столетии игнорирование возможностей цифровизации очевидно деформирует состояние гражданского общества, снижает общественно-политический потенциал и уровень политической субъектности его объединений и институтов. Одновременно с этим сетевые цифровые сегменты служат каналом для использования неконвенциональных форм политического участия [8. С. 69.]. Признаем аргументацию, согласно которой новые возможности информационного пространства, распространение цифровых средств коммуникации без наличия определенного идейно-политического фундамента не способны выступить в качестве катализатора демократического транзита [5. С. 32.].

Реальным участником, которого по-прежнему могут являться только устойчивые и самостоятельные гражданские институты. Поэтому постсоветскому российскому социуму еще предстоит завершить процесс институционализации своей политической субъектности. В процессе чего во взаимодействии с государственной властью, необходимо адекватно реагировать на вызовы и угрозы, формируемые полномасштабной информатизацией мировой политики. Укажем, что устойчивость по отношению к последним определяет и перспективы достижения гражданским обществом постсоветской России своей политической субъектности.

Так, именно «третий сектор», согласно научным оценкам, естественным образом может взять на себя оценку возможностей информационного и нормативно-правового противодействия внешнему вторжению в частную жизнь граждан и социальных сообществ, реализуемому через использование цифровых технологий [1. С. 28.]. Задача общественных организаций в современных условиях заключается, помимо прочего, и в содействии в гармонизации ограничительных мер государства и автономией, и само-

бытностью граждан и социальных групп. Первое необходимо для защиты национальной безопасности, второе требуется для продвижения идей гражданского мира и социальной солидарности, взаимной ответственности государства и политической нации. Ввиду изложенного актуализируется задача создания и продвижения сетевых общественно-политических проектов, поиска современных форматов и каналов обратной связи организаций «третьего сектора» и влиятельных политических элит. Через развертывание диалога между социально активными гражданами и властью возможно восстановление политического доверия в обществе, серьезно подорванного в последние годы непопулярными действиями властей, среди которых – повышение пенсионного возраста и ограничительные меры в период мировой пандемии.

В решении данной задачи приоритетом выступает коррекция нормативного обеспечения информатизации. Например, в последние годы актуализируется социальный запрос на повышение эффективности общественного контроля за работой властных институтов, разработкой политико-управленческих решений. Для чего требуются эффективные каналы государственно-гражданского диалога на общенациональном и субнациональном уровнях.

Такие ресурсы сегодня уже возникают благодаря интенсивной цифровизации России. Социальные сообщества, корпоративные группы и отдельные индивиды все чаще используют цифровой контент и ресурсные базы данных, переходят на каналы электронной коммуникации. Однако до настоящего времени возможности цифровизации во многом используются главным образом в утилитарных целях, вне прямой зависимости с идеологическим и политическим целеполаганием.

Характерным примером государственной политики по взаимодействию с обществом назовем создание российской системы электронной идентификации и аутентификации. Получение услуг в дистанционном формате и до введения ограничений в связи с пандемией составляло порядка 120-150 миллионов заявлений в месяц, подаваемых через возможности МФЦ.

Наиболее масштабно развитие информационных технологий в «третьем секторе» российского социума охватило сегмент некоммерческих организаций, занятых в области волонтерства и благотворительности. В стране на 1 января 2019 года официально насчитывалось 90835 общественных объединений, обладающих государственной регистрацией. Причем подавляющее число постоянно действующих организаций создавали свои информационные сайты и проявляли активность в сети Интернет. Ввиду чего обоснован вывод о том, что спектр негосударственных субъектов цифровой коммуникации в России постоянно расширяется. Укажем, что определенная роль в обеспечении доступа гражданских сообществ к возможностям цифровизации принадлежит Координационному совету по социальным коммуникациям и социальной рекламе при федеральной Общественной палате.

На него возложены задачи по содействию расширению сетевых структур гражданского общества в Российской Федерации.

Усилия государства по интенсификации гражданских инициатив получили новое содержание после проведения «Года добровольца (волонтера)» в 2018 году.

На пороге второго десятилетия XXI века была разработана и внедрена нормативно-правовая база добровольческого движения, созданы механизмы всесторонней поддержки добровольчества, реализованы государственные и неправительственные программы подготовки и переподготовки кадров для добровольческих формирований. При этом пропаганда теории и практики гражданского добровольчества и волонтерства все чаще проводилась на основе электронных IT-технологий.

Одним из наиболее успешных объединений подобного рода в последние годы выступает сообщество «Мосволонтер». Его признают в качестве наиболее влиятельного неправительственного ресурсного центра Российской Федерации. Будучи стержневым элементом инфраструктуры поддержки общественного добровольчества в столичном регионе, он оказывает содействие свыше чем четырем сотням некоммерческих объединений, в которых состояло более 60 тысяч граждан [7]. Причем одним из приоритетов своей деятельности организация объявила повышение информированности соотечественников о роли волонтерства в современной России.

Таким образом, отмечается востребованность ресурсов цифровизации для развития гражданских инициатив в российских социально-политических реалиях. Благодаря им принципиально повышается уровень социальной активности как на индивидуальном, так и на корпоративном уровнях. В условиях пандемии и связанных с ней ограничений на проведение массовых общественных мероприятий именно электронные и цифровые ресурсы предоставляют определенные компенсаторские возможности для выражения самостоятельных инициатив граждан и поддержания коммуникационного обмена между ними. Сюда отнесем онлайн-обмена социально значимой информацией, интерактивные методики проведения совместной работы над реализуемыми проектами, обеспечение прямого и систематического доступа к электронным базам данных.

Отсюда следует, что процесс цифровизации создает новые возможности для развития государственно-гражданской коммуникации. Не вызывает сомнений, что отставание в деле освоения IT-технологий существенно снижает потенциал общественно-политической институционализации для субъектов гражданского общества. И наоборот – для тех объединений, что последовательно осваивают цифровые платформы, на порядок увеличиваются ресурсное обеспечение и организационное единство. Что позволяет осуществлять структурирование в социальные сети и гражданские ассоциации, применять цифровые технологии для претворения на практике управленческих решений, упрочения социальных связей с обществом.

В качестве примера назовем проведение ежегодного «Форума Доноров», который был частью всероссийского Конкурса проектных идей по внедрению цифровых технологий в деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО). Только за 2019 год по его итогам было предложено 9 проектов для социально ориентированных организаций, предназначенных для освоения цифровых технологий в деятельности «третьего сектора» современной России. Наибольшую известность из них получили проект «Нужна помощь», а также проект «Дорога к дому».

Ими предусматривалось расширение целевой аудитории через анализ активности граждан на сайте «Веб-трекинг». Тем самым увеличивается перспектива систематизации информации об уровне поддержки деятельности фонда в общественном мнении, выражаемом через сетевые сообщества.

В свою очередь предназначенный для обеспечения работы некоммерческих организаций – Фонд «Дорога к дому» в течение ряда лет занят популяризацией механизма «Family_ledger – децентрализованная система хранения информации на основе блокчейна». Благодаря ему предоставляется регулярный доступ социально ориентированных НКО к информации об объектах оказываемой поддержки. После чего становится возможен анализ об эффективности сделанных вложений и дальнейшем накоплении предоставляемого социального капитала [4].

По нашему мнению, в ближайшее время цифровая модернизация обретет статус решающего фактора обретения общественно-политической субъектности организаций гражданского общества. Глобальное информационное пространство проявляет тенденцию к расширению своих возможностей по коммуникации и разработке и популяризации организационных и управленческих решений. Ускорение темпов приобщения к современным цифровым технологиям со стороны некоммерческих социально ориентированных организаций повысит их роль в государственно-гражданском диалоге в Российской Федерации.

Однако следует иметь в виду, что благодаря нарастанию цифровизации возникают антагонистические по своему содержанию факторы политической реальности. С одной стороны, в практике гражданского общества повысились возможности граждан для самоорганизации в различных сферах. В гуманитарной и благотворительной областях распространяются более совершенные модели коммуникации между социальными сообществами и по линии партнерства между государством и гражданами.

Стратегия цифровизации, предлагаемая со стороны властных институтов, прямо или косвенно влияет на возможности каждого элемента информационно-коммуникационной подсистемы российского политикума. Так, представляется очевидным, что благодаря выражению политической воли государства, произойдет ускоренный рост облачных технологий, компьютерных и телекоммуникационных отраслей, принципиально расширятся

инвестиции для информационного обеспечения потребностей социально ориентированных общественных объединений.

С другой стороны, государственная политика цифровизации отличается несомненной избирательностью в выборе предмета приложения реализуемых стратегий. Имеются основания полагать, что достижения «цифрового общества» сегодня востребованы прежде всего в технологическом плане и имеет под собой сугубо утилитарный интерес. Идеино-политическое выражение процессов информатизации и цифровизации к настоящему времени не отмечено в официальных декларациях исполнительной и законодательной властей Российской Федерации. Например, среди приоритетов упоминаемой Программы «Цифровая экономика» основное внимание отводится проблематике цифрового государственного управления. При этом за рамками концептуальной разработки осталось освещение государственно-гражданского диалога в современной России на основе информационно-цифровых технологий. Не следует забывать, что социальные сетевые сообщества и группы имеют нацеленность на активную роль в общественно-политическом дискурсе. Благодаря им возникают новые механизмы и инструменты горизонтального идеологического и идейно-политического смыслового обмена. В «третьем секторе» на основе цифровых средств коммуникации в потенциале могут быть сформулированы альтернативные решения ключевых проблем российского общества, предложены методы аналитической обработки информационных эмпирических сведений, ретранслируемых через Интернет-пространство [2. С. 364.].

Подводя итог, отметим, что в современной России актуализируется потребность в обновлении нормативно-правовой базы цифровизации, которая имеет статус одного из направлений государственной политики. Таковая должна выступать в качестве инструмента обеспечения гласности и ориентации на партнерство с гражданскими институтами – как традиционными, выстроенными по классической иерархической схеме, так и с теми, что возникли и действуют в первую очередь в рамках сетевого пространства. Пилотным сектором цифрового сегмента государственно-общественной коммуникации может стать канал обратной связи с социально ориентированными некоммерческими организациями. Новые возможности информационной коммуникации государственной власти и организаций «третьего сектора» должны привести к упрочению статуса гражданского общества в политическом процессе Российской Федерации в XXI столетии.

Несмотря на имеющиеся издержки, «цифровая революция» обладает шансами стать основой для современной политико-управленческой модели в современной России. Ее целью должно выступать привлечение самостоятельных инициатив граждан для обсуждения стратегических приоритетов и их реализации на всех уровнях политической организации российского общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Баранов Н.А. Открытость vs безопасность: приоритеты для государства и гражданского общества в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. 2019. № 10.
2. Володенков С.В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены. 2019. № 5.
3. Кантерев А.И. Информатизация социокультурного пространства. М.: Фаир-пресс, 2004.
4. Материалы Центральной Ежегодной конференции Форума Доноров. «Технополис «Москва» // <http://www.dfcoference.ru>.
5. Махаматов Т.М. Перспективы демократии и роль гражданского общества в цифровом пространстве // Философское образование. 2018. № 1 (37).
6. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // <http://www.kremlin.ru>.
7. Ресурсный центр по развитию и поддержке волонтерского движения «Мосволонтер» // <http://www.mosvolonter.ru>.
8. Цыбаков Д.Л., Кафтанчиков Д.П. Как противостоять формационной агрессии // Государственная служба. 2008. № 5.
9. Цыбаков Д.Л. Борьба идеологий в современном политическом процессе: информационно-психологический аспект // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 2 (11).

V.G. ERMAKOV

*Postgraduate student of the
Department of Political Science and
Public Policy, With the Central Russian
Institute of Management-a branch of the
Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the
President of the Russian Federation,
Oryl, Russia*

DIGITALIZATION POLICY AS A FACTOR OF INSTITUTIONALIZATION OF “THIRD SECTOR” ORGANIZATIONS IN MODERN RUSSIA

This article examines the impact of the state policy of digitalization on the development of the “third sector” and the institutionalization of its subjects in modern Russia. The socio-political content of digitalization is revealed, the util-

---

itarian and pragmatic nature of the use of its achievements in the practice of interaction between the state and civil society in the Russian Federation is stated. The author substantiates the probability of the occurrence of destructive consequences of informatization and the development of digital communications for the approval of the domestic model of state-civil dialogue in the political process of the post-Soviet period.

The author conducted an analytical analysis of the development of the institutions of the “third sector” through the prism of informatization and digitalization of Russian politics. The priorities of the introduction of digital technologies in the activities of socially oriented non-profit organizations and their associations of the capital region are summarized. Conclusions are formulated that allow determining the priorities of state policy to support the “third sector” in the Russian Federation in the context of improving digital technologies in the public administration system. It is summarized that digital modernization creates new opportunities for establishing feedback between the state authorities and socially oriented non-profit organizations.

Key words: *civil society, “third sector”, informatization, digitalization, digital technologies, socially oriented non-profit organizations.*

НООКРАТИЯ В XXI ВЕКЕ – УТОПИЯ ИЛИ ОТВЕТ НА КРИЗИС ДЕМОКРАТИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

В статье автор рассматривает ноократию как возможную альтернативную модель демократической форме правления. Анализируется авторитетная взаимная критика сторонников демократии и ноократии. Приводится аргументированное обоснование преимуществ ноократии.

Результаты исследования дополняют существующие подходы к определению ноократии как потенциальной эффективной модели реализации политической власти в XXI веке.

Ключевые слова: ноократия, эпистократия, кризис демократии, мировая политика.

Избрание Дональда Трампа президентом США в 2016 году, голосование за Брексит в Великобритании, рост популярности ультраправых партий в Европе – все эти события запустили целый ряд обсуждений и споров в экспертном сообществе касательно эффективности и объективности демократии в современном мире. То, что западные демократии не воюют между собой, а их население имеет более высокий уровень жизни является непреложным фактом. Тем не менее, сегодня, можно констатировать, что демократия начинает стремительными темпами разрушать свои собственные достижения – об этом свидетельствует появление множества новых внутренних и внешних проблем в странах западной демократии. Это ставит перед нами главный вопрос – может ли быть у демократии качественная альтернатива в XXI веке? Дискуссия о наилучших и наихудших формах правления стара как мир. Ее истоки уходят в глубину веков наравне с появлением первых государств и зарождением философии. Первая критика демократии появилась на ее родине – в древней Греции. Мысли Пифагора о построении «города

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90096.

мудрых» или софократия «аристократия мудрых» Платона яркие тому свидетельства. Идеи о власти достойных можно встретить в трудах итальянского философа Никколо Макиавелли, китайского мыслителя Конфуция, русского ученого и академика Владимира Вернадского и многих других представителей интеллектуальной элиты из разных народов и временных эпох. С развитием политологического дискурса такое явление как «власть достойных» или «носителей знания» получила множество названий: меритократия, ноократия, эпистократия и т.п. Многие даже проводят параллели с таким понятием как «технократия», которое этимологически имеет идентичный смысл, однако, применительно к современным реалиям, оно скорее отражает принцип устройства исполнительной власти, когда руководящие должности занимают профессионалы соответствующего профиля. В актуальном контексте реализация на практике концепции «технократии» применима при любых формах правления – технократические чиновники могут осуществлять свои функции как при демократии, так и при диктатуре или монархии, следовательно, чтобы избежать смысловой путаницы не следует отождествлять понятие «технократия» и «ноократия» («эпистократия»). Исходя из обозначенной нами проблемы мы рассмотрим понятие «ноократия» как альтернативную демократии форму правления в современном мире или, более точно, как вариант эволюционного улучшения демократии (при сохранении отдельных элементов последней).

Одним из ярких сторонников ноократии является современный американский философ, профессор Школы бизнеса Макдоно при Джорджтаунском университете Джейсон Бреннан. Бреннан в своих книгах «Этика голосования» [9] и «Против демократии» [8] выстраивает достаточно последовательную и аргументированную критику демократии на фоне преимуществ эпистократии (власть знающих). Он подразделяет людей, обладающих избирательным правом, на три типа: «хоббиты» (в малой степени или вообще не интересуются политикой и обладают крайне узкими знаниями в данной области), «хулиганы» (обладают чуть большим уровнем тематических знаний чем «хоббиты», являются яркими сторонниками одной единственной партии или системы политических взглядов, не обладают развитым критическим мышлением, не способны к анализу и трансформации собственных политических взглядов, часто не умеют вести аргументированную полемику) и «вулканцы», названные по аналогии с одноименной вымышленной инопланетной расой из сериала «Звездный путь» (имеют обширные тематические знания и способность к анализу, обладают непредубежденностью, не позволяют эмоциям руководить своими суждениями) [12]. По мнению Бреннана, большинство современных избирателей относятся к первым двум типам, что негативным образом отражается на качестве результатов электоральных процессов, следовательно, необходимо ограничить потенциальный ущерб от невежества избирателей, и создать

систему, при которой правом избирать обладали бы только «вулканцы». Одним из возможных шагов на пути решения данной проблемы американский философ видит обязательное прохождение гражданами специального экзамена общественно-политической направленности, после успешной сдачи которого они получают избирательные права. Кроме того, Бреннан предлагает наделять избирателей разным количеством голосов в зависимости от уровня ступени образования (пример: бакалавр – 5 голосов; магистр – 10 голосов; обладатель научной степени – 15 голосов).

Схожие мысли о необходимости образовательного ценза в избирательном праве можно встретить в трудах британского философа, социолога и политического деятеля XIX века Джона Стюарта Милля, внесшего существенный вклад в становление и развитие философии либерализма. Будучи сторонником индивидуальной свободы, Милль в своей книге «Размышления о представительном правлении» [2; 7] выделяет представительную демократию как наилучшую форму правления. Однако он отмечает, что ее успех кроется в строгом соблюдении баланса и возможен при обязательном обеспечении представительства меньшинства и необходимости ограничения права голоса избирателей с низким уровнем «информированности», чтобы избежать тирании невежественного большинства, которая является одной из главных угроз индивидуальной свободе. Перспективу установления баланса Джон Милль также видит в системе двухпалатного парламента, нижняя палата которого является выборной, а верхняя формируется из наиболее способных и достойных представителей народа [3]. Цель верхней палаты - уравновешивать нижнюю, апеллируя к знаниям и компетенциям в противовес неизбежным непрофессиональным и эмоциональным порывам народных избранников.

Подходы Бреннана, и особенно Милля, который был одним из первых в британском парламенте, кто предложил дать женщинам избирательные права в XIX веке, нельзя назвать в полной мере антидемократическими, более точно их можно трактовать как варианты осознанного опционального ограничения демократии.

Тем не менее, данная позиция, как и вся концепция эпистократии находит своих критиков. В 2018 году на страницах электронной газеты Стэнфордского университета «The Stanford Sphere», имеющую левую политическую ориентацию, вышла статья под заголовком «Против эпистократии: почему «власть информированных» не исправит демократию» [10]. Автор статьи с позиции либеральной демократии, признавая ее отдельные недостатки, выдвигает целый ряд аргументов против эпистократии: во-первых, ставится под сомнение возможность точного определения, что считать информированностью, а что – невежеством, и как точно определить уровень информированности того или иного избирателя; во-вторых, даже успешное прохождение теста или экзамена не гарантирует, что избиратель действи-

тельно является информированным; в-третьих, в образовательном цензе автор видит еще большие риски социально-экономического расслоения т.к. высшее образование на Западе является преимущественно платным, и представители бедных слоев населения изначально лишаются шансов на получение избирательных прав даже если они обладают интеллектуальным потенциалом, что создаст в системе, где обладание финансовым благополучием приравнивается к возможности получения образования, еще больший прецедент для укрепления власти именно финансового капитала, а не талантливых людей.

С похожими критическими тезисами в отношении эпистократии на страницах известной леволиберальной британской газеты *The Guardian* выступил профессор Кембриджского университета Дэвид Рансимен [11]. Среди прочего Рансимен отмечает, что академическая квалификация не делает решения человека более моральными, что крайне важно в политике. По мнению профессора, преимущество демократии в том, что она обладает инструментами для исправления своих ошибок через механизм всеобщих равных выборов, в то время как модель эпистократии, предложенная Бреннаном, предлагает отдать власть в руки интеллектуальной элиты при ограничении избирательного права большинства граждан. В своей статье Рансимен виртуозно парирует Бреннану, утверждая, что невежество демоса (народа) является меньшей угрозой и злом по причине его некомпетентности, чем потенциальное угнетение народа элитой, обладающей знанием. По его мнению, народ чаще склонен менять свое мнение, что позволит корректировать ситуацию в следующем избирательном цикле – это не позволит избежать ошибок, но даст возможность их исправить. Эпистократия же может привести к авторитаризму интеллектуалов, которые, в силу своего высокомерия, будут не способны признать свои ошибки перед лицом народных масс, следовательно, речь будет идти уже не об исправлении ошибок, а о потенциальной катастрофе. Наконец, Рансимен отмечает, что худшим из того, что могли предложить сторонники эпистократии является ограничение в избирательных правах людей, которые уже ими обладают. Профессор рассматривает эпистократию как предшествующую демократии стадию политической эволюции, соответственно, переход от демократии к эпистократии – это откат назад, а не движение вперед, а ранее данным людям избирательные права нельзя забрать обратно, что будет означать моральный и правовой регресс.

Анализируя большинство критических замечаний в адрес эпистократии, можно заметить, что основной удар по позициям ноократических концепций идет с леволиберального фланга. В качестве главной претензии можно выделить потенциальное ущемление людей в их избирательных правах, которые возводятся в ранг абсолютной ценности, и возможное установление авторитаризма интеллектуалов. С первым тезисом лучше всего может поспорить статистика: явка на выборах президента США в 2020 году состави-

ла около 66,9%, это самый высокий показатель за последние 120 лет [5]; явка на выборах президента России в 2018 году составила около 67% [6]; явка на выборы различных уровней в странах Евросоюза за последние 30 лет колеблется в районе 45-65% [4]. Данные показатели могут свидетельствовать о том, что как минимум для 30-40% людей, которые не голосуют, избирательные права не имеют абсолютной ценности, и можно предположить, что они даже не заметят их отсутствия. Сложно спорить с тем, что большинство из нас согласилось бы добровольно отказаться от базовых прав человека, в современном мире для человечества это стало бы катастрофой. Но если перевести вопрос в иную плоскость и посмотреть на него с другого ракурса – считать ли право принимать участие в управлении своей страной базовой составляющей прав человека, то можно заметить, что на фоне всех прочих прав оно значительно будет уступать по своему практическому значению для жизни простого человека. Если рассматривать политику как профессиональную сферу, черты которой она все больше приобретает в условиях динамично меняющегося мира, состоящего из сложных систем, то вопрос о всеобщих выборах политиков можно будет снять с повестки дня. Если бы пассажиры самолета сами выбирали пилота, то сколько таких самолетов долетели бы до конечного пункта назначения? А если кандидат в пилоты окажется популистом и пообещает пассажирам преодолеть маршрут в два раза быстрее, с какой вероятностью выберут именно его? В какое количество жизней обойдется эмоциональный непрофессиональный выбор? Критики ноократии апеллируют к страху перед авторитаризмом интеллектуалов, которые будут руководствоваться принципами «бездушной» рациональной науки, не задумываясь о том, что различные формы демократии лишь прикрывают другой вид авторитаризма – олигархию, власть финансового капитала. Возможность участия в демократических выборах в качестве кандидата в современном мире напрямую связана с наличием финансового капитала. Так, например, президентская гонка в США 2020 г. обошлась Дональду Трампу и Джозефу Байдену в 3.7 миллиарда долларов на двоих [1]. Какие обязательства могли взять на себя кандидаты перед крупными финансовыми донорами, чтобы собрать необходимые суммы для проведения своих предвыборных кампаний? Стали бы акулы капитализма и крупного бизнеса жертвовать свои деньги, не имея потенциального коммерческого интереса? Что, если интересы крупных финансовых доноров войдут в конфликт с интересами избирателей – чью сторону займет избранный президент? Если подойти к ответам на эти вопросы с большой долей искренности и смелости, то можно разочароваться в представительной демократии.

Абстрактная модель некой идеальной демократии могла бы быть применима в малых сообществах, но как только встает вопрос о необходимости работы с умами десятков миллионов избирателей, появляется проблема проведения масштабной предвыборной кампании, которая имеет свою цену

в денежном эквиваленте. Кроме того, сама модель всеобщих выборов буквально вынуждает кандидатов проводить дорогостоящую рекламную кампанию, ставя их в зависимость от своих финансовых доноров. Всеобщие выборы превращаются в борьбу политических технологий, различных методик манипуляции, ведь это становится единственным способом привлечь к голосованию массового неискушенного знанием избирателя. Данная модель является крайне выгодной и удобной для представителей финансовой элиты т.к. делает их ключевыми и подлинными акторами процессов.

Эти факторы открывают безграничные возможности для расширения влияния крупного финансового капитала, без поддержки которого в современных условиях ни один кандидат ни в одной стране никогда не выиграет выборы. Данный тезис возвращает нас к вопросу морали, в отсутствие которой упрекают ноократию. Есть ли мораль у представителей крупного финансового капитала, от которых зависят не только кандидаты в президенты различных стран, но и депутаты парламентов этих государств, предвыборные кампании которых также финансировали крупные доноры? Можно предположить, что наличие высокой морали не позволило бы им накопить свои состояния, т.к. законы капитализма не менее суровы чем законы джунглей. Если мы обратимся к истории человечества, то какое количество войн было начато по научным причинам? Вероятно – ноль. Вместе с тем, большинство военных конфликтов имели под собой сугубо экономические или идеологические, религиозные причины. В данном контексте вопрос о выборе наименьшего зла из возможных может приобретать совсем иной ответ, отличный от того, который предлагают леволиберальные защитники демократии. Если рассматривать демократию как власть финансового капитала, то, что является наименьшим злом: власть финансового капитала, который руководствуется увеличением собственной прибыли; власть приверженцев одной идеологии или религии, которые фанатично следуют своим догматам; или власть носителей знания, стремящихся к познанию и руководствующихся научным рационализмом? Ответ для сторонников ноократии очевиден.

Метаморфозы современного мира и глобальные вызовы, такие как изменение климата, роботизация рынка труда, развитие искусственного интеллекта, пандемия коронавируса и многие другие требуют компетентных и профессиональных ответов. Никогда в своей истории человечество так близко не подходило к горизонту нового мира, принципиально отличного от старого. Научный рациональный подход к национальному, государственному и глобальному, международному управлению может дать возможность снять противоречия между пресловутыми национальными интересами, разрешить многие религиозные и культурные разногласия, устранить фантомы и призраки устаревшей геополитической конкуренции, и устремиться к формированию устойчивого и гармоничного глобального мира. Ни одно государство планеты или даже блок из нескольких стран не смогут

в одиночку выбраться из непредсказуемого водоворота будущих изменений, ответ на мировые вызовы должен быть глобальным, посредством кооперации всех акторов. Актуальный вопрос – сможет ли модель демократической глобализации, ориентированная на доминирование транснациональных корпораций и крупного финансового капитала под вывеской всеобщих, равных и честных выборов, привести человечество в эпоху гармонии и устойчивого развития. В данном ключе ноократию можно рассматривать не как противника демократии и гражданских свобод, а как ограничитель власти финансового капитала. Разделяя политическое управление на глобальное, стратегическое и локальное, тактическое можно предложить два принципа: глобальным, стратегическим управлением должны заниматься ноократы, носители научного знания, обладающие подтвержденным и признанным набором заслуг и достижений, отбираемые искусственным интеллектом или избираемые ограниченным кругом лиц из числа интеллектуальной и научной элиты, а локальное, тактическое управление, в свою очередь, может осуществляться народом посредством инструментов делиберативной и прямой демократии. Первый принцип позволит обеспечить развитие всей человеческой цивилизации в строгом соответствии с рациональным научным подходом, ограничив влияние финансового капитала и демагогово-популистов. Второй принцип через сервисы прямого цифрового голосования позволит народу оперативно участвовать в принятии решений, которые самым непосредственным образом влияют на их повседневную жизнь: инфраструктура, социальная сфера и т.п. Данный подход может позволить избежать издержек представительной демократии, когда народные избранники попадают в зависимость от своих финансовых доноров и вынуждены заниматься лоббированием их коммерческих интересов. Более того, применение практики прямой демократии на локальном уровне может стать своего рода компенсацией избирателям за сознательное признание глобальных полномочий ноократической элиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Выборы в США: сколько стоят избирательные кампании Трампа и Байдена / Made for minds. Новости и аналитика о Германии, России, Европе, мире. 2020. Ноябрь // <https://www.dw.com/ru/istoricheskij-rekord-skolkostojat-izbiratelnye-kampanii-trampa-i-bajdena/a-55473136>.

2. Милль Д.С. Размышления о представительном правлении. Перепечатка с издания Яковлева. СПб., 1863.

3. Тычинская Т.А. Либеральная концепция демократического государства Дж. Ст. Милля (по книге «Размышления о представительном правлении»). СПб., 1863 г.) // Вестник БГУ. 2012. № 2. (1) // <https://cyberleninka.ru/article/n/liberalnaya-kontseptsiya-demokraticheskogo-gosudarstva-dzh-st-millya-po-knige-razmyshleniya-o-predstavitelnom-pravlenii-spb-1863-g>.

---

4. Явка избирателей в странах ЕС: региональные особенности // Made for minds. Новости и аналитика о Германии, России, Европе, мире. 2017. Сентябрь // <https://www.dw.com/ru/явка-избирателей-в-странах-ес-региональные-особенности/g-40467250>.

5. Явка на выборах в США оказалась самой высокой за 120 лет / Lenta.ru. 2020. Ноябрь // <https://lenta.ru/news/2020/11/04/yavilis/>.

6. Явка превысила показатели прошлых президентских выборов / Rbk.ru. 2018. Март // <https://www.rbk.ru/politics/19/03/2018/5aab85d9a79477e419929be/>.

7. Benson: Chalidze Publ., 1988.

8. Brennan J. Against democracy. Princeton University Press, 2016.

9. Brennan J. The Ethics of Voting. Princeton University Press, 2011.

10. Nierenberg J. Against Epistocracy: Why “Rule of the Informed” will not fix Democracy // The Stanford Sphere. 2018. October // <https://stanfordsphere.com/2018/10/23/against-epistocracy-why-rule-of-the-informed-will-not-fix-democracy-pt-i/>.

11. Runciman D. Why replacing politicians with experts is a reckless idea // The Guardian. 2018. May // <https://www.theguardian.com/news/2018/may/01/why-replacing-politicians-with-experts-is-a-reckless-idea>.

12. Somin I. Opinion: Democracy vs. Epistocracy // The Washington Post. 2016. September // <https://www.washingtonpost.com/news/volokh-conspiracy/wp/2016/09/03/democracy-vs-epistocracy/>.

R.A. EVSTIGNEEV

*Post-Graduate at School of International
Relations, Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia*

NOOCRACY IN THE XXI CENTURY – UTOPIA OR A RESPONSE TO THE CRISIS OF DEMOCRACY: PREREQUISITES AND PROSPECTS¹

In the article, the author considers noocracy as a possible alternative model for a democratic form of government. The author analyzes the authoritative mutual criticism of the supporters of democracy and noocracy. A well-reasoned substantiation of the advantages of noocracy is presented.

The research results complement the existing approaches to the definition of noocracy as a potential effective model for the implementation of political power in the 21st century.

Key words: *noocracy, epistocracy, crisis of democracy, world politics.*

---

¹ Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90096.

DOI 10.35775/PSI.2021.71.7.012

УДК 32.327

В.Ф. ПРЯХИН

доктор политических наук,
профессор кафедры зарубежного
регионоведения и внешней политики РГГУ,
профессор кафедры дипломатии МГИМО,
Россия, г. Москва

АФГАНИСТАН. УРОКИ ПРОШЛОГО И ПЕРСПЕКТИВЫ БУДУЩЕГО

Вывод военных контингентов США и НАТО из Афганистан и перспектива создания в этой стране нового теократического государства вызвали обеспокоенность стран региона.

Каковы уроки из провала двадцатилетнего присутствия американцев? Что следует предпринять для укрепления стабильности в постсоветской Средней Азии?

Свое мнение по этим вопросам автор предлагает в настоящей статье.

Ключевые слова: Афганистан, Средняя Азия, США, Россия, Китай, религия, экстремизм, идеология, региональное сотрудничество.

С выводом военных контингентов США и НАТО из Афганистана завершается важная глава в истории американской политики в регионе. Становится очевидным, что борьба с терроризмом была лишь предлогом для начала того грандиозного проекта, посредством реализации которого предполагалось обеспечить американское доминирование на пространстве «Большой Центральной Азии» (БЦА).

Специфика региона заключается в пересечении на его пространстве целого ряда противоречивых физико-географических, этноконфессиональных и геополитических факторов. Прежде всего регион объединяют общие водные ресурсы. Две страны региона – Киргизия и Таджикистан – владеют истоками двух крупнейших рек Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и 90 процентами воды, питающей сельское хозяйство среднеазиатских республик и Казахстана. Во времена СССР общность водных ресурсов обеспечила создание единого народнохозяйственного комплекса стран региона, в котором республики дополняли дефициты своих экономик взаимовыгодным продуктообменом. Вода Таджикистана шла в Узбекистан, узбекский газ – в Киргизию, казахские зерновые – в Туркмению и т.д. О стоимостных характеристиках

этого продуктообмена мало кто задумывался, а диспетчером его выступал всесильный общесоюзный Госплан.

После развала СССР хозяйствование некоторое время продолжалось по старой госплановской схеме. Но уже очень скоро стали возникать проблемы, связанные с национальными интересами отдельных независимых государств. Попытки Таджикистана, например, завершить начатый еще в советские времена проект строительства Рогунской ГЭС встретил сначала резкое неприятие в соседнем Узбекистане. По вполне понятным причинам: задержка подачи воды из Пянджа на две недели в июле-августе означает гибель всего узбекского урожая хлопка и зерновых.

В то же время имеются и центробежные региональные факторы. В этническом отношении регион в основном тюркский. Но есть и персоязычные таджики, составляющие значительную долю населения других республик. На этой почве также периодически возникают проблемы, коренящиеся еще в так называемом «топорном» административно-территориальном размежевании 20-х гг. прошлого века.

Через регион пролегла и линия т.н. «цивилизационного раскола» современного мира. Эта линия разделила население региона на сторонников светского государства и адептов теократического шариатского режимов. В киргизском аспекте этот фактор породил даже синдром «Север-Юг», разделив страну по западным отрогам Тяньшаня.

В своей совокупности эти факторы обуславливают возможность и необходимость самого тесного регионального сотрудничества и даже формирования некоторых наднациональных органов координации деятельности суверенных государств. Оценив эти факторы, руководитель Института Центральной Азии и Кавказа при Высшей школе международных исследований им. Пола Нитце в Университете Джонса Хопкинса Фредерик Старр пришел после начала операции «Несокрушимая свобода» к следующему выводу: «Мало кто из американских политиков отдает себе отчет в том, что недавние успехи в Афганистане открывают огромные возможности – не только для самого Афганистана, но и для всей Центральной Азии. Соединенные Штаты имеют ныне шанс способствовать тому, чтобы Афганистан и регион в целом превратились в безопасную зону суверенных государств, сделавших выбор в пользу эффективной рыночной экономики, отличающихся светскими и открытыми системами государственного управления и поддерживающих позитивные отношения с Вашингтоном. Средством для достижения этой цели послужит создание регионального форума Партнерство по сотрудничеству и развитию Большой Центральной Азии (ПБЦА), в задачу которого войдут планирование, координация и осуществление целого ряда программ, разработанных в США» [5].

Иными словами, Ф. Старр предлагал Соединенным Штатам взять на себя функции советского Госплана по координации народнохозяйственной дея-

тельности стран региона, в который он включил, естественно, и Афганистан, так как центром спроектированной БЦА должен был стать Кабул. С вторжением в Афганистан началась и экономическая реализация этого проекта. Правда, ограничилась она тем, что американские военные строители воздвигли через Пяндж современный мост, обеспечивший кратчайшее сообщение между странами Средней Азии и пакистанскими портами.

И вот теперь этот грандиозный проект окончательно и бесповоротно рухнул. Операция «Несокрушимая свобода» провалилась. Многострадальный Афганистан переживает новую трагедию. Американские благодетели, обещавшие демократизировать страну, сделать Кабул столицей БЦА, уходят. Талибы уже контролируют большую часть территории страны и крупнейшие города. Мало кто сомневается в том, что в весьма близкой перспективе они полностью овладеют ситуацией и сформируют еще одно теократическое государство.

Соответственно, тем, кто активно поддерживал американские силы в течение истекших двадцати лет, придется, видимо, несладко. Мы, к сожалению, можем судить об этом по собственному опыту, достаточно вспомнить трагическую судьбу Наджибуллы, растерзанного исламистами. После вывода советских войск из Афганистана, кстати говоря, просоветский афганский режим держался еще два года и не исключено, что он мог бы выжить если бы не позорная сдача позиций тогдашним руководством СССР, помогавшим американцам душить режиму Наджиба.

Военные и политические успехи талибов обеспокоили весь регион, все без исключения соседние государства, а также Казахстан и Киргизию. Всем памятны вторжения религиозных, а точнее псевдорелигиозных, экстремистов в пределы постсоветской Средней Азии, рейды вооруженных отрядов Джумы Намангони через памирские перевалы в Баткенский район Киргизии, взрывы бомб в Ташкенте в феврале 1999 г. с целью убийства президента республики. Да и трагическим опытом гражданской войны в Таджикистане в 1992-1997 гг. тоже не следует пренебрегать. Поэтому и активизировались сразу контакты среднеазиатских столиц с Москвой, залязгали гусеницы танков на многотысячекилометровой афганской границе, начались развертывания боевых частей, мобилизации резервистов и военные учения [1].

Вот только может ли это стабилизировать обстановку в регионе? Лично у меня это вызывает сомнения. Помню свою беседу в бытность главой миссии ОБСЕ в Таджикистане с лидерами северной афганской провинции Бадахшан. Седобородые аксакалы высказали тогда одну простую истину, достоверность которой трудно опровергнуть и сейчас: война никогда не исходила из Афганистана, она всегда приходила в Афганистан извне. То же самое заявил и глава делегации талибов шейх Шахабуддин Делавар на июльской встрече 2021 г. с российскими дипломатами [2]. И это соответствует афганскому национальному менталитету, ориентированному на защиту своей семьи, своего кишлака, своей страны. Знают это и наши среднеазиатские коллеги.

В чем же тогда причина столь высокой обеспокоенности союзников Москвы в регионе? Неужели они думают, что не сегодня завтра талибы въедут на своих гантраках в Душанбе, Ташкент или Ош? Нет, конечно. Вооруженных сил среднеазиатских государств и Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ вполне достаточно чтобы отразить любое вторжение в регион. Дело не в этом. Опасность дестабилизации исходит не от гантраков талибов, а от их псевдорелигиозной идеологии. И идеология эта оказалась весьма востребованной в регионе в условиях идеологического вакуума, образовавшегося после развала СССР и КПСС.

Подобно энергии идеология не исчезает и не возникает вновь; видоизменяясь она присутствует в обществе всегда. Поэтому так называемая деидеологизация, вмещающаяся в обязанность органам нашей внешней политики в начале 90-х годов прошлого века, была не чем иным, как идеологическим разоружением нашей страны перед лицом опытного и товарного противника. Последствия этого идеологического разоружения не замедлили сказаться. В образовавшийся вакуум устремились всякого рода экстремисты и авантюристы. В Средней Азии это привели к гражданской войне в Таджикистане.

В тех условия наиболее мудро поступили те лидеры бывших среднеазиатских союзных республик и Казахстана, которые просто-напросто преобразовали прежние партийные и советские структуры в новые светские гражданские политические организации при соблюдении строгой дисциплины и верности новой государственной идеологии, основанной на фетише национальной независимости. Спустя тридцать лет этот фетиш потускнел и уже не очень работает, так как жизненный уровень и качество жизни населения среднеазиатских государств невысоки. По совокупному показателю качества жизни, индексу человеческого развития (ИЧР) они, кроме Казахстана, опустились на уровень Габона и Кабо-Верде [4. Р. 348 – 349]. Поэтому талибские лозунги демократического ислама могут быть весьма и весьма притягательны для населения, в частности Ферганской долины, которую уже сейчас называют этнополитической атомной бомбой региона. Локальные по масштабам Андижанские беспорядки в мае 2005 года можно было легко подавить пулеметными очередями. Но если под талибскими лозунгами поднимутся десятки тысяч человек, то предотвратить геополитические катаклизмы будет весьма и весьма непросто.

Поэтому важный урок, который необходимо извлечь из происходящего в Афганистане заключается в том, что странам региона нужна конструктивная светская идеология, которая могла бы противостоять псевдорелигиозному экстремизму. Это относится не только к Центральной Азии, но и к России. Насаждаемая агентами «цветных» революций идеология потребительства/консюмеризма отнюдь не заполнит тот идеологический вакуум, который образовался на постсоветском пространстве после развала СССР. Духов-

ность остается самым большим дефицитом для нашей молодежи, и этот дефицит не восполнят модные джинсы и поп-музыка. Разумеется, огромное значение имеет патриотическое воспитание, пропаганда нашей героической истории, воспитание уважение к памяти героев Великой Отечественной войны. Но этого еще недостаточно.

Сила исламистов, в особенности среди дехкан Средней Азии, в том, что их пропаганда спекулирует на классических религиозных канонах и сакральных идеалах – бессмертия и воскрешения. Коммунистическая идеология в свое время успешно противостояла псевдорелигиозному мракобесию. Большое значение имели лозунги социальной справедливости, международного равенства, равноправия женщин. Но по мере перерождения сути социалистического строя в СССР эти лозунги поблекли и уступили место шариатским ценностям.

В поисках идеологического противовеса талибам гражданские активисты вновь обращаются к коммунизму. Тем более, что к региону непосредственно примыкает социалистическое государство – Китайская Народная Республика. Но социализм с китайской спецификой может быть хорош для китайцев, но мало применим в Средней Азии. Опять же в силу того, что эта идеология лишена духовности – веры в бессмертие и воскрешение. На наш взгляд, настоящим противовесом демисламу и теократизму талибов мог бы быть обновленный коммунизм.

Для такого обновления вполне подходит умонастроение русского космизма К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, Н.Ф. Федорова. Эти выдающиеся мыслители толковали религию как эмоциональную концепцию научно-технического прогресса, а сакральные понятия бессмертия и воскрешения как задачи прикладной науки [3. С. 424]. Провозглашенная ими идея «внехрамовой литургии» это не иное что, как материальная одухотворенность движения «Бессмертный полк», объединяющего людей всех конфессий и национальностей.

Еще одним, возможно самым главным, уроком, который следует извлечь из афганской трагедии является возрождение понятия исторической общности народов постсоветского пространства. За годы совместной истории мы стали ближе друг к другу, чем даже единокровные братья за пределами этого пространства. Тюрки и мусульмане киргизы ближе, например, нам, чем некоторые единокровные братья-славяне, соревнующиеся в шельмовании всего русского; а арийцам-таджикам белорусы роднее, чем одноязычные с ними псевдорелигиозные мракобесы.

Когда летишь на вертолете вдоль Пянджа на рубеже постсоветского пространства по таджикско-афганской границе, общность наших народов воспринимаешь особенно остро. Потому что видишь с одной стороны каменное средневековье, а с другой вполне комфортный для светской жизни Хорог с университетом и мирового значения ботаническим садом (в про-

---

центном отношении здесь было больше кандидатов наук, чем в любом другом советском городе).

Это не значит, что нам следует стремиться к восстановлению СССР. Такая задача была бы и антиисторична, контрпродуктивна и нереалистична. Но тесное сотрудничество, взаимопонимание и взаимопомощь должны быть тем стержнем новых отношений, которые предстоит формировать между всеми без исключения независимыми суверенными постсоветскими государствами, ибо старая дружба, лучше новой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В Таджикистане мобилизовали 20 тысяч резервистов на фоне эскалации у границы с Афганистаном // Новая газета, 05.07.2021 // <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/05/v-tadzhikistane-mobilizovali-20-tysyach-rezervistov-na-fone-eskalatsii-u-granitsy-s-afganistanom>.

2. Талибы заявили, что контролируют 174 уезда Афганистана // Информационный портал ТАСС, 09.07.2021 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11865215>.

3. *Циолковский К.Э.* Грезы о Земле и небе: науч.-фантаст. произв. Тула: Приокское книжное изд-во, 1986.

4. Human Development Report 2020. The next frontier Human development and the Anthropocene. United Nations Development Programme edition, NY, 2021.

5. *Starr Frederick S.* A Partnership for Central Asia // Foreign Affairs, July/August 2005 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2005-07-01/partnership-central-asia>.

V.F. PRYAKHIN

D.Sc. (political science),

Professor (International Relations Dept., RSHU),

Professor (Diplomacy Dept., MGIMO-University),

Moscow, Russia

AFGHANISTAN. LESSONS OF THE PAST AND PROSPECTS FOR THE FUTURE

The withdrawal of the US and NATO military contingents from Afghanistan and the prospect of a new theocratic state establishment in the region aroused concerns and alert in the area and around. What are the lessons from the failure of the 20-year American presence? What is to be done to strengthen stability in post-Soviet Central Asia? The article present offers author's view on these urgent issues of regional and global politics.

Key words: *Afghanistan, Central Asia, USA, Russia, China, religion, extremism, ideology, regional cooperation.*

DOI 10.35775/PSI.2021.71.7.013

УДК 32.327

О.А. АЛЕХИНА

*старший преподаватель
кафедры рекламы и связей с
общественностью в высокотехнологичных
отраслях Института иностранных
языков Московского авиационного института
(национальный исследовательский
университет), Россия, г. Москва*

Л.Е. УКОЛОВА

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой рекламы и связей
с общественностью в высокотехнологичных
отраслях Института иностранных языков
Московского авиационного института
(национальный исследовательский
университет), Россия, г. Москва*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АВИАЦИОННОЙ КОМПАНИИ «АЭРОФЛОТ – РОССИЙСКИЕ АВИАЛИНИИ»)

Исследование посвящено анализу воздействия международных специальных событий, организатором или участником которых выступает авиакомпания «Аэрофлот – российские авиалинии» (далее – авиакомпания «Аэрофлот»), на позитивный образ отечественной гражданской авиации.

Организации авиационной отрасли оказывают заметное влияние на имидж и бренд страны в глобальном пространстве, любые их действия на рынке привлекают внимание СМИ и широкой общественности. Авторами был проведен анализ мероприятий для международной аудитории, в которых участвовала авиакомпания.

Международные специальные события выполняют ряд важнейших функций, к которым принято относить экономическую, социальную, маркетинговую, образовательную и воспитательную, унифицирующую, коммуникативную и информационную. Авиакомпания «Аэрофлот» организует и проводит большое количество мероприятий, что способствует реализации всех указанных функций.

К основным событиям, организатором которых выступает авиакомпания «Аэрофлот», можно отнести политические, культурные и спортивные мероприятия, события, связанные с деловой активностью. По масштабу проведения мероприятия являются отраслевыми и глобальными. То есть они нацелены как на развитие профессиональных коммуникаций, так и на объединение международной общественности, создание общего информационного пространства, формирование репутации авиакомпании.

Перечень информационных поводов постоянно увеличивается. Компания использует формат комбинированных событий, в том числе онлайн. То есть, она стремится расширить круг аудиторий, задействованных в мероприятиях, повысить новостной потенциал событий, решить комплексные задачи интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Таким образом, растет известность компании, моделируется ее позитивный имидж в международном информационном пространстве. В результате авиакомпания привлекает новых пассажиров, охватывает все больший сегмент рынка.

За счет глобального присутствия компании на международном рынке, формируется образ инновационного, устойчивого государства, что находит отражение в рейтингах и оценках экономики страны ведущими мировыми агентствами.

Ключевые слова: *аэрокосмическая отрасль, авиакомпания, имидж авиакомпании, имидж государства, глобальное информационное пространство, международные специальные события, международные коммуникации.*

Отечественная аэрокосмическая отрасль, которая относится к высокотехнологичным и наукоемким сферам, имеет высокую стратегическую и геополитическую значимость для государства, влияет на повышение оперативности получения информации, ускорение транспортных операций, глобализацию торговли, достижения в этой сфере способствуют развитию других отраслей экономики. Важно отметить, что эта деятельность влияет на имидж страны в целом. Как отмечает в своих научных трудах С.Г. Бакланов, «если государство в состоянии расположить на своей территории такой комплекс, это означает его финансовую состоятельность, возможность показать себя надежным деловым партнером» [14. С. 6].

Безусловно, создание таких предприятий, особенно в сфере гражданской авиации, требует от государства значительных инвестиций в авиационную отрасль. Развитая система авиационных перевозок, включая пассажирские, способствует удовлетворению базовой потребности в перемещении как первичной для реализации других потребностей. При этом ее конкурентные преимущества весьма высоки по сравнению с другими видами транспорта. Эксперты относят к ним экономию времени, отсутствие потребностей в ма-

гистральных, возможность добраться в самые труднодоступные места. Кроме того, если государство располагает такой системой, это находит позитивное отражение в рейтингах и оценках экономики страны международными организациями.

Несомненно, что авиакомпании и аэропорты по праву являются активными участниками международных отношений. Не случайно крупнейшую компанию «Аэрофлот – российские авиалинии» называют национальным перевозчиком [22], ее базовый аэропорт – «Международный аэропорт Шереметьево» – главными воздушными воротами России [28]. Именно авиакомпания и аэропорт первыми встречают иностранных пассажиров, по ним во многом судят о стране и ее культуре.

Заинтересованность в развитии и продвижении авиационной отрасли Россия начала проявлять еще в начале XX в. Как отмечает известный PR-специалист Айви Ли, «разрыв дипломатических отношений Британии с Россией в конце мая 1927 года стимулировал российский интерес к авиации» [1. С. 63]. Во время своей поездки в СССР он отметил, что в Москве множество самолетов, есть хороший аэропорт, а также идет повышение авиационной грамотности населения. Например, на всех спичечных коробках размещены изображения самолетов, были созданы различные фонды, которые собирали средства для развития авиации в масштабах государства.

Основанная в 1923 году, авиакомпания «Аэрофлот» осуществляет большое количество рейсов как по внутренним, так и по международным воздушным линиям. В 2020 году, не смотря на практически полное прекращение авиасообщения из-за пандемии COVID-19, пассажиропоток компании составил 14,6 млн человек [17], что на 60% меньше, чем в 2019 году.

Аэрофлот является членом международного альянса SkyTeam, который в настоящее время объединяет 19 участников, что способствует развитию международного сотрудничества, укреплению позиций на мировом рынке, обеспечению присутствия на выбранных направлениях перевозок, повышению эффективности коммерческой и производственной деятельности.

Наличие большого количества групп целевой общественности находит отражение в формировании коммуникативной политики организации. С помощью спланированного, сформированного положительного имиджа, компания доносит до целевой аудитории идею, что главной ее целью является удовлетворение потребностей общества [20. С. 225]. Для того, чтобы охватить всех участников информационного пространства, авиакомпании приходится использовать довольно широкий спектр современных PR-технологий.

Как показало изучение, к основным направлениям коммуникативной деятельности следует отнести, во-первых, *mediarelations*. При этом важно обратить внимание, что в пул СМИ включены федеральные, отраслевые, зарубежные издания и новостные агрегаторы, а также медиа нового формата – блоги и социальные сети. Во-вторых, важную роль играют *Government*

relations (в собственности Российской Федерации находится 57,3% обыкновенных акций компании [24]). В-третьих, активно развиваются Consumer relations – взаимодействие с клиентами компании, выстраивание обратной связи. В-четвертых, организуется помощь в решении социальных проблем общества в формате Community relations. И наконец, в-пятых, особое внимание уделяется Employee relations – отношениям с персоналом предприятия. Компания является крупнейшим работодателем, численность ее персонала составляет 36,6 тыс. человек. При этом компания активно привлекает граждан других стран, у нее есть представительства и офисы за рубежом. Например, в 2020 году в «Аэрофлоте» работали 49 иностранных пилотов.

Поскольку каждая из перечисленных категорий предполагает взаимодействие с иностранными гражданами, одним из эффективных PR-инструментов, который можно использовать для налаживания коммуникаций являются международные специальные события.

Согласно определению, которое приводит в своих научных трудах С.В. Герасимов, специальные события выделяются из множества простых событий и являются спланированными заранее и ограниченными по времени коммуникациями двух и более субкультурных групп [16. С. 13]. Современные специалисты к сфере специальных мероприятий относят ставшие традиционными инструментами PR и маркетинга пресс-конференции, выставки, фестивали, массовые праздники, но также и такие события как саммиты, приемы, переговоры, встречи и т.д. То есть подразумевается, что любое подобное взаимодействие всегда имеет в своей основе коммуникативную составляющую.

Если же рассматривать проведение указанных мероприятий в международном формате, следует обратить внимание на то, что они будут представлять собой важный саморегулирующийся процесс, который определяет условия стабильного развития мирового общества, его прогресс, социокультурную, научную, деловую и политическую интеграцию и коммуникацию, транслировать мировой опыт.

Проведение международных мероприятий имеет глубокие исторические корни. Тем не менее этот инструмент остается высокоэффективным, так как он оказывает влияние на формирование мировоззрения, инкультурацию, воспитание и образование, унификацию аксиологии в мировом масштабе. Он влияет на выстраивание баланса интересов между властью, обществом и бизнесом, на развитие отраслевых связей, туризма, трудовой миграции, осуществление формальных и неформальных коммуникаций.

Рассмотрим подробнее функции, которые выполняют международные события, в организации и проведении которых принимает участие авиакомпания «Аэрофлот – российские авиалинии».

В первую очередь выделим *экономическую функцию*. В этом случае возможно несколько вариантов реализации.

Во-первых, использование мероприятий как важного инструмента маркетинга, стимулирования сбыта, наращивания прибыли от сбыта продукции

или оказания услуг [16. С. 24]. К таким событиям можно отнести взаимодействие с авиастроительными организациями по вопросам приобретения новых воздушных судов. Один из примеров такого взаимодействия – покупка и присвоение имени новым лайнерам. В мае 2021 года компания Boeing поставила новый широкофюзеляжный дальнемагистральный лайнер 777-300ER, который получил имя академика Сергея Павловича Королева [26].

Во-вторых, вывод интернационального бренда на конкретную территорию. В авиационной сфере это может быть связано с открытием новых направлений. Так, в 2021 году «Аэрофлот – российские авиалинии» начал выполнять регулярные перевозки на Сейшельские острова [3].

Социальная функция помогает организаторам событий транслировать общую систему ценностей индивидам. Важной ценностью современного общества является здоровый образ жизни, спортивные мероприятия как неотъемлемая часть культуры. Авиакомпания «Аэрофлот» поддерживает эту ценностную ориентацию.

Ярким примером организации и проведения международных спортивных событий стало партнерство авиакомпании «Аэрофлот» и Международной федерации баскетбола (ФИБА). Национальный перевозчик стал также глобальным партнером и официальной авиакомпанией Чемпионата мира по баскетболу в 2019 году. Глобальное турне Кубка началось в Пекине в мае, Россия стала 24 страной-участницей турне, а Москва – финальной остановкой перед отправкой Кубка в Китай, где в сентябре проходили матчи Чемпионата мира по баскетболу [4]. Благодаря партнерству авиакомпании и Федерации, фанаты баскетбола из разных стран смогли увидеть главный приз чемпионата.

Кроме того, социальная функция реализуется в побуждении людей к росту благосостояния, повышению культуры потребления. Аэрофлот, одна из 20 крупнейших авиакомпаний мира, отметила 60-летний юбилей совместной работы с компанией SITA. SITA – международный поставщик IT-решений для авиационной отрасли, таким образом, сотрудничество двух лидеров способствует повышению комфорта пассажиров на борту, а, следовательно, росту объемов перевозок.

Также в рамках этой функции происходит развитие международных отношений. В 2021 году авиакомпания стала официальным авиаперевозчиком Петербургского международного экономического форума. Перевозка участников и гостей форума осуществлялась на современном комфортабельном лайнере A350 [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что социальная функция ведет к пониманию иного образа жизни, поступков, ценностей, способствует развитию обратной связи, которая укрепляет международное сотрудничество, деловые и политические связи между странами.

Маркетинговая функция связана с ростом дохода и ускорением оборота капитала. Реализация этой функции осуществляется за счет проведения

совместных специальных мероприятий с зарубежными авиаперевозчиками. Например, авиакомпании «Аэрофлот» и «Brussels Airlines» подписали код-шеринговое соглашение. Совместная эксплуатация рейсов повышает качество услуг для пассажиров, что в итоге ведет к росту пассажиропотока авиакомпаний [6].

Образовательная и воспитательная функции специальных мероприятий являются очень важными, но еще не до конца оцененными. В результате их осуществления международной общественности транслируется опыт, разъясняются системы принятия решения, происходит взаимный обмен, что обогащает культуру участников подобных событий.

Авиакомпании стараются деятельно участвовать в культурной жизни общества. Так, например, «Аэрофлот» совместно с «Международным аэропортом Шереметьево» участвовали во всероссийской акции «Ночь музеев». Музеи аэропорта и авиакомпании подготовили мероприятия для любителей авиации [7].

Унифицирующая функция выполняет задачу мультикультурализма, поскольку она отменяет этнические и национальные особенности по отношению к культуре общего пространства. Она бывает актуальна для сообществ с единым законодательством, едиными условиями или ценностями.

Очень важно отметить, что в рамках реализации этой функции «Аэрофлот» постоянно расширяет свое присутствие в международных организациях.

Отмечая 30-летие вступления авиакомпании «Аэрофлот» в Международную ассоциацию воздушного транспорта [8], Александр де Жюньяк, генеральный директор IATA, лично поздравил авиакомпанию в Москве. IATA развивает гражданскую авиацию, внедряет инновационные решения в отрасль во всем мире, и «Аэрофлот» способствует развитию авиационной отрасли и внедрению инновационных технологий в России.

Кроме вышеперечисленных, все организуемые авиаперевозчиком международные специальные события выполняют также *коммуникативную и информационную функции*. Это позволяет формировать общие свойства у разных субкультурных групп, формировать информационные потоки разного типа и направленности, обеспечивать взаимодействие со средствами массовой коммуникации.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными источниками событий, которые организует авиакомпания «Аэрофлот», являются политические, культурные и спортивные мероприятия, события, связанные с деловой активностью, а также условиями природного происхождения [15. С. 52].

Кроме того, важно обратить внимание на то, что компания, которая является лидером по инновациям и современным технологиям, использует современный тренд – комбинированные события. То есть, она совмещает различные виды событий с целью повышения их новостных потенциалов, привлечения различных целевых аудиторий, комплексных задач интегриро-

вания маркетинговых коммуникаций. К таким мероприятиям можно отнести международный фестиваль «Круг света», в котором «Аэрофлот» выступил официальным партнером. Авиакомпания показывала светомузыкальное представление в виде красочных сюжетов об основных направлениях своей маршрутной сети, организовала прямую трансляцию мероприятия в формате «360 градусов» [9].

По масштабу перечисленные мероприятия можно отнести к двум типам:

– отраслевые, которые нацелены на развитие профессиональных коммуникаций, а их целевые аудитории объединяются по отраслевому признаку – это взаимодействие с зарубежными авиакомпаниями, аэропортами, агрегаторами билетов и отраслевыми организациями, такими как Международная организация гражданской авиации (ИКАО), IATA, Межгосударственный авиационный комитет (МАК) и др.;

– глобальные, которые предназначены для объединения международной общественности, создания единого информационного пространства, формирования нужного компании мнения у целевых аудиторий.

Таким образом, специальные события, организуемые авиакомпанией, оказывают воздействие на социум, которое в большинстве случаев является эффективным не только для авиакомпании «Аэрофлот», но и для продвижения ее международного имиджа.

Рассмотренный в качестве примеров перечень мероприятий не является универсальным и исчерпывающим. Он развивается и расширяется в процессе развития коммуникативных практик как самого авиаперевозчика, так и тенденций, существующих в обществе. Начиная с 2007 года «Аэрофлот» выступает организатором онлайн-мероприятий, совмещая их с проведением интернет-конференций на тему «Совершенствование системы Интернет-продаж ОАО «Аэрофлот» [27].

В проведении подобных международных событий заинтересованы не только коммерческие компании, но и государство. Создание позитивного имиджа и бренда Российской Федерации является важной политической задачей, что подтверждает проведение таких глобальных мероприятий как «Евровидение-2009» в Москве, «Олимпиада-2014» в Сочи, Чемпионат мира по футболу 2018 года и Чемпионат Европы по футболу 2021 года в Санкт-Петербурге. Использование подобных технологий позволяет донести до международной общественности необходимые сообщения, передать эмоциональную составляющую. В сочетании с продуманным сценарием и креативной идеей они способствуют формированию положительного мнения о стране-организаторе события, способствуют поддержанию и дальнейшему развитию коммуникаций на национальном уровне [18. С. 48-55].

Следует отметить, что в организации специальных событий сегодня начинают преобладать следующие тенденции:

– инициирование знаковых мероприятий как со стороны организаций или администраций, так и партнерств;

- «привязка» событий к важным информационным поводам;
- интеграция событий во временные и тематические блоки, что позволяет максимально эффективно и оперативно охватить требуемые целевые группы [25. С. 14-24].

Часто для распространения информации и выстраивания двусторонней коммуникации используются социальные сети, которые интегрируются с другими каналами коммуникаций. Более того, в условиях ограничений, связанных с пандемией, многие события проводятся в цифровом формате и транслируются для зрителей с помощью социальных сетей.

Обращает на себя внимание вклад, который вносит авиакомпания «Аэрофлот» в продвижение российской авиационной отрасли на мировом рынке. В 2019 году, в канун пандемии COVID-19, отрицательно сказавшейся на авиаперевозках, российские авиакомпании перевезли 128,1 млн пассажиров, а всего в мире было перевезено 4,5 млрд. человек [19]. Пассажиропоток авиакомпании «Аэрофлот – российские авиалинии» составил 37,2 млн человек [23], таким образом, доля авиакомпании составила 29% российского рынка и 0,8% мирового рынка.

По прогнозам Международной ассоциации воздушного транспорта, к 2037 году объем рынка авиаперевозок российских компаний вырастет до 159 млн человек (увеличится в 1,7 раза). Такого же мнения придерживается и один из крупнейших производителей мира – Airbus. Как отмечает глава представительства компании в России Жюльен Франьятт, в ближайшие 20 лет число пассажиров в России вырастет как минимум в два раза [2].

Важно отметить, что эффективность деятельности авиакомпании в сфере международных коммуникаций подтверждается многочисленными мировыми рейтингами и престижными наградами. Группа компаний «Аэрофлот» входит в число глобальных лидеров по целому ряду критериев. В частности, в декабре 2020 года «Аэрофлот» был признан лучшей авиакомпанией Восточной Европы по версии американского издания *Global Traveler* [10]. Авторитетный американский ресурс *Air Transport World* в своем рейтинге несколько лет подряд присуждает компании 5-е место по пассажиропотоку среди традиционных перевозчиков [11]. Кроме того, «Аэрофлот» входит в рейтинг 100 лучших в мире компаний по версии британской консалтинговой компании *Skytrax* [12]. По мнению ведущего независимого консультанта по оценке брендов компании *Brand Finance*, Аэрофлот имеет статус самого сильного авиационного бренда в мире, а также сильнейшего бренда России [13]. Создатели рейтинга обратили внимание на то, что российской авиакомпании одной из немногих участников глобального рынка удалось укрепить свои позиции в период кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Это подтверждает высокую репутацию бренда и означает его высокую популярность у клиентов.

По мнению специалистов, «для всего мира «Аэрофлот» – лицо России и символ страны. Мировые эксперты и пассажиры знают авиакомпанию и ве-

рят в нее, ее способность преодолевать трудности, восстанавливаться после кризисов и идти к новым стратегическим целям» [13].

Как следует из проведенного анализа, организация и проведение международных специальных событий требует тщательного планирования, инвестиций, наличия хорошо выстроенной системы коммуникаций. В деятельности авиакомпании «Аэрофлот» самыми популярными являются такие глобальные мероприятия как участие в организации международных спортивных соревнований и открытие новых рейсов за рубежом.

Наиболее распространенные отраслевые события – мероприятия различных форматов, проводимые с аэропортами, авиакомпаниями-партнерами и профессиональными организациями. Для информационного сопровождения этих событий авиакомпания традиционно задействует широкий пул традиционных и новых средств массовой коммуникации, блогеров и инфлюэнсеров. Таким образом, позитивно окрашенные сообщения, связанные и с авиакомпанией, и с Российской Федерацией в целом попадают в глобальное информационное пространство. Соответственно, все информационные поводы тщательно сконструированы и связаны с основными интересами и ценностями целевой общественности [21. С. 144-149].

Следовательно, деятельность «Аэрофлота» в плане создания международных специальных событий находит отражение в информационном пространстве и оказывает сильное влияние на формирование международного имиджа самой компании, а также создает позитивный имидж Российской Федерации в глазах международной общественности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Айви Лу*. Россия сегодня. СПб.: ООО «Диалектика», 2018.
2. *Аксенов П.* Россия уступит Турции место регионального лидера по авиаперевозкам. Би-би-си. 14.11.2018 // <https://www.bbc.com/russian/features-46209294>.
3. Аэрофлот открыл регулярные полеты на Сейшелы. 02.04.2021 // <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/61969>.
4. Аэрофлот доставил в Москву Кубок Чемпионата мира по баскетболу-2019 // <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/61454>.
5. Аэрофлот выступит официальным авиаперевозчиком ПМЭФ-2021 FORBES AGENDA. 14.05.2021 // <https://www.forbes.ru/forbes-agenda/forbes-agenda/429371-aeroflot-vystupit-oficialnym-aviaperevozchikom-pmef-2021>.
6. Аэрофлот и Brussels Airlines подписали соглашение о совместной эксплуатации рейсов. 25.12.2019 // <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/61621>.
7. Аэрофлот совместно с Шереметьево примут участие в акции «Ночь музеев» 19 мая. 16.05.2018 // <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/60860>.
8. Аэрофлот отмечает 30-летие вступления в IATA 23.10.2019 // <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/61544>.
9. Аэрофлот стал партнером фестиваля «Круг света». lenta.ru. 19.09.2019 // <https://lenta.ru/news/2019/09/19/aeroflot/>.

10. Аэрофлот признан лучшей авиакомпанией Восточной Европы по версии американского издания Global Traveler. 15.12.2020 // <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/61896>.

11. Аэрофлот улучшил позиции в топ-25 крупнейших авиакомпаний мира по версии американского Air Transport World. 08.08.2019 // <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/61464>.

12. Аэрофлот и S7 вошли в рейтинг лучших авиакомпаний мира по версии Skytrax. Ведомости. 18.06.2019 // <https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/06/18/804453-aeroflot-s7>.

13. Аэрофлот стал сильнейшим авиационным брендом мира по версии Brand Finance. ТАСС. 20.08.2020 // <https://tass.ru/ekonomika/9248515>.

14. *Бакланов А.Г.* Рынок и маркетинг авиакосмической продукции в условиях нестабильности. М.: Ун-т Кн. Дом (КДУ), 2007.

15. *Векслер А.* Специальные события (special events) как инструмент связей с общественностью // hr-portal. 2005 // <https://hr-portal.ru/article/specialnye-sobytiya-special-events-kak-instrument-svyazey-s-obshchestvennostyu>.

16. *Герасимов С.В.* Теория и практика международных специальных событий. СПб.: Лань, 2019.

17. Группа «Аэрофлот» объявляет операционные результаты за декабрь и 12 месяцев 2020 года // <https://ir.aeroflot.ru/ru/novosti/article/57749/>.

18. *Добосова Л.Г.* Олимпийские игры – 1980: создаем бренд государства // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2013. № 1 (10) // https://elibrary.ru/download/elibrary_21648403_33840005.pdf.

19. Доля России на мировом рынке пассажирских авиаперевозок составила 2,6%. ato.ru. 02.08.2019 // <http://www.ato.ru/content/dolya-rossii-na-mirovom-rynke-passazhirskih-aviaperevozok-sostavila-26>.

20. *Костромина Е.В.* Авиатранспортный маркетинг. М.: Инфра-М, 2015.

21. *Никулина А.И., Голомидова М.В.* Управление PR-коммуникациями международного спортивного события с точки зрения территориального брендинга (на примере XXVII всемирной летней универсиады в Казани) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. Т. 10. № 3 // https://elibrary.ru/download/elibrary_26739726_33528268.pdf.

22. Профиль компании. Факты // https://www.aeroflot.ru/ru-ru/about/aeroflot_today/company_profile.

23. Ситкина М. Группа «Аэрофлот» по итогам 2018 года увеличила пассажиропоток на 11%. АвиаПорт.Ru. 28.01.2019 // <https://www.aviaport.ru/news/2019/01/28/573487.html>.

24. Структура акционерного капитала // <https://ir.aeroflot.ru/ru/securities/shareholder-capital/>.

25. *Цанук Д.А.* Маркетинговые программы и продвижение глобальных городов на международном туристском рынке // Современные про-

---

блемы сервиса и туризма. 2015. № 2. Том 9 // https://elibrary.ru/download/elibrary_23600323_36651132.pdf.

26. Boeing поставит Аэрофлоту самолет 777-300ER, названный в честь Сергея Павловича Королева. 12.04.2021 // <https://www.aeroflot.ru/ru-ru/news/61973>.

27. 3-я Интернет-конференция Аэрофлота. 26.11.2008 // <https://www.aeroflot.com/us-ru/news/1517>.

28. 60 лет главным воздушным воротам страны. Бизнес России. 20.08.2019 // <https://glavportal.com/materials/60-let-glavnym-vozdushnym-vorotam-strany>.

O.A. ALEKHINA

Senior lecturer, Department of Advertising and Communication with Public in High-Tech Branches of the Institute of Foreign Languages, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

L.E. UKOLOVA

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department Advertising and Public Relations in High-Tech Industries of the Institute Foreign Languages Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

SPECIAL INTERNATIONAL EVENTS AS A TOOL FOR CREATING A POSITIVE IMAGE OF DOMESTIC CIVIL AVIATION (CASE STUDY OF “AEROFLOT – RUSSIAN AIRLINES” AVIATION COMPANY)

The study is dedicated to the analysis of the impact of special international events organized or participated by the airline company “Aeroflot – Russian Airlines” (hereinafter – Aeroflot Airlines) on the positive image of the domestic civil aviation.

Aviation industry organizations have a noticeable impact on the image and brand of a country in the global space, any of their actions in the market attract attention of the media and that of the general public. The authors analyze the activities conducted by the airline company in question within the framework of international events in which it participated.

Special international events perform a number of essential functions which are customarily related to economic, social, marketing, educational, didactic, unifying, communicative and informational ones. Aeroflot Airlines organizes and conducts a large number of events, which facilitate the performance of all these functions.

The main events launched by Aeroflot Airlines include political, cultural and sports activities, and other events related to the company’s business activity.

The scale of events ranges from sectoral to global. In fact, they are aimed at the development of professional communications and at uniting international community, creating a common information space and building up the company's reputation.

The number of news opportunities is constantly growing. The company uses the format of combined events, including online ones. That is, it seeks to expand the range of audiences involved in the events, increase the news potential of the events and solve the multi-faceted tasks of integrated marketing communications.

Thus, the company's popularity is growing; its positive image is being modelled in international information space. As a result, the airline company attracts new passengers and covers an ever increasing market segment.

Due to the global presence of the company in the international market, an image of an innovative, sustainable state is being formed, which is reflected in the ratings and assessments of the country's economy by the leading world agencies.

Key words: *aerospace industry, airline company, airline company image, the country's image, global information space, special international events, international communications.*

DOI 10.35775/PSI.2021.71.7.014

УДК 32.327

Е.Д. ШАМИШЕВ

*аспирант Дипломатической академии МИД РФ,
директор департамента внешнеполитического
анализа и прогнозирования МИД Республики Казахстан,
Республика Казахстан, г. Нур-Султан*

С.Ж. ТОКТАМЫСОВ

*кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории России Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва
ORCID: 0000-0003-4284-9638*

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ВОЗМОЖНОСТИ ЕАЭС¹

В статье рассматриваются теоретико-методические подходы к изучению интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Авторы анализируют интеграционную динамику, исследуют основные вызовы и угрозы в контексте функционирования Евразийского экономического союза. В исследовании отмечается, что интеграционная политика переходит в разряд стратегических задач национального развития и выступает как показатель роста национальных экономик стран-участниц ЕАЭС.

Ключевые слова: *СНГ, постсоветское пространство, ЕАЭС, Центральная Азия, Россия, Казахстан, Белоруссия, модель интеграции, пандемический кризис, общий рынок, евразийское пространство.*

На современном этапе глобализации и усиления взаимозависимости различных государств возрастает роль интеграционных структур в контексте выработки перспективных направлений многостороннего сотрудничества, повышении эффективности существующих механизмов реализации принятых решений [4. С. 3-27]. Разнообразие моделей интеграционного взаимодействия, различие целей и задач участников интеграционного процесса затрудняют выработку единой концептуальной модели, разделяемой большей частью научного сообщества. Вместе с тем, несмотря на специфические особенности, любые интеграционные сообщества интернациональ-

---

¹ Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН.

ны по своей природе и имеют целый ряд общих черт. В эпоху глобализации интеграционное взаимодействие усложняется, охватывая разные сферы сотрудничества. В современном мире выделяются множество акторов интеграционного процесса: национальные государства, финансовые институты, компании, неправительственные организации [4. С. 3-27]. В ходе интеграции используются преимущества «экономики большего масштаба», сокращаются издержки, создается благоприятная внешнеэкономическая среда, что содействует структурной перестройке национальных экономик и способствует ускорению темпов роста [20. С. 53-58].

В научной литературе существуют различные направления и подходы к пониманию природы и роли интеграционных процессов. Терминологически понятие интеграции, интеграционного процесса входят в научный оборот в 1950-е гг. В качестве образцовой модели исследования обычно выступает европейский интеграционный процесс. При этом опыт строительства Европейского Союза проецируется на другие интеграционные объединения. Происходит выделение определенных закономерностей, исторических особенностей создания и развития различных интеграционных проектов [20. С. 53-58].

Одним из исследовательских направлений выступает институциональный тип интеграции, при котором интеграционные процессы возникают в результате принятия политических решений и договоренностей [24]. Другим, выступает школа функционализма, основоположником которой выступил американский исследователь Д. Митрани (D. Mitrany). В исследовании Д. Митрани проводится мысль о разноразмерной интеграции в современном мировом политическом процессе [30]. По мнению российского исследователя П. Цыганкова, для Д. Митрани, «предпосылкой международного сотрудничества является расширение неполитических задач, с которыми во все больших объемах сталкиваются национальные правительства» [18]. «Решение этих задач требует действий не столько политических элит, сколько совместной, функциональной работы экспертов в конкретных сферах деятельности» [18]. При этом согласно выдвинутой Д. Митрани концепции «раификации», «функциональное сотрудничество в одной сфере, в одной технической области, порождает потребность в таком же сотрудничестве в другой сфере, в другой технической области» [18].

Модификацией функционального подхода выступает неофункционализм [26. Р. 87-98; 24]. Неофункционализм придает большее значение, чем функционализм характеру и структурным элементам отдельных государств, роли национальной политической власти в интеграционных процессах. В результате неофункционалистами был отвергнут тезис о деполитизации интеграционного процесса, четком разделении политических и экономических аспектов жизни общества. Сам интеграционный процесс представляет не механистичный и последовательный процесс, а носит вероятностный и противоречивый характер [20. С. 53-58].

В рамках коммуникационного подхода, основоположником которого выступил К. Дойч (К. Deutsch), разрабатывается концепция «сообществ безопасности». Межгосударственная интеграция, по мнению представителей данного направления, – это «многовекторный, многоаспектный процесс, и для того, чтобы всесторонне изучить его, следует применить достаточно большой комплекс методов и средств познания» [9]. Теорию многоуровневого управления на основе межправительственного подхода развивают В. Уоллес и Э. Моравчик [31. Р. 30; 32].

Интеграция постсоветского пространства может быть отнесена к процессам комплексной трансформации национальных экономик и систем управления, прежде всего, стран-участниц Содружества Независимых Государств (СНГ), и в идеале нацеливается на интенсификацию межгосударственных отношений [5]. К настоящему моменту накоплен заметный пласт исследований по евразийской интеграционной проблематике. Среди них можно выделить общие работы, представляющие исследование теоретико-методологических и прикладных аспектов [2; 3; 10; 15. С. 186-205; 21], которые внесли заметный вклад в теорию интеграции на основе изучения зарубежного опыта, показали объективный характер интеграционных процессов, значительную роль государства в становлении и регулировании интеграционных процессов в современных условиях. Зарубежные исследования представлены в работах Ф. Старра [33], М.Б. Олкотт [17; 34], Чжао Хуашэна [22], А. Козна [12. С. 29-45], Дж. Манкоффа [29], К. Хайнца [28], других авторов, исследовавших развитие геополитических процессов в Евразии, выдвинувших идеи негативной и позитивной интеграции, классификацию и обоснование форм международной интеграции. Отдельная группа российских исследователей концентрируется на концептуальных подходах к изучению двухсторонних и многосторонних отношений на постсоветском пространстве [1; 5. С. 52-63; 6; 7; 8; 11. С. 102-109; 13; 14].

Распад СССР, наряду с наделением бывших его республик государственным суверенитетом и независимостью, привел к разрыву комплексных производственных цепочек, разобщению устоявшихся хозяйственных связей. Вследствие этого усилились процессы фрагментации постсоветского пространства, некоторые независимые государства взяли курс на региональный изоляционизм. Государства с большим производственным, аграрным, ресурсным и трудовым и потенциалом стремились самостоятельно выстраивать свою экономическую политику, игнорируя кооперационные связи на постсоветском пространстве. Как показало время и опыт, такая политика не оказалась эффективной и, в результате, ряд стран переосмыслили свои стратегии в пользу развития региональной кооперации.

На постсоветском пространстве происходит своеобразная «сортировка» различных интеграционных проектов по зонам компетенций: СНГ как базовая универсальная Организация, ОДКБ как военно-технический, а ЕАЭС

как экономический проекты. Союзное Государство выступает как много-аспектная Организация, но в отличие от СНГ, является интеграционной структурой высокого уровня [4. С. 3-27].

В настоящее время на пространстве СНГ происходят важные процессы, связанные с углублением геополитической турбулентности, спадом экономической активности из-за коронавирусной пандемии. Дуга нестабильности охватила страны-партнеры от Беларуси, Молдовы, Южного Кавказа до Кыргызстана. Отношения «Большой тройки» – России, США и Китая фактически вернулись в состояние «холодной войны». Противоборство между ними в Центральной Евразии формирует серьезные вызовы и риски региональной безопасности. В результате нарушен сложившийся баланс сил в регионе, что существенно влияет на национальные интересы государств-членов СНГ.

В 2021 году **Содружество Независимых Государств** отмечает тридцатилетний юбилей. Процесс становления и развития Содружества проходил в сложнейших условиях. За весь период своего существования СНГ не стала «центром притяжения». Тем не менее организация доказала свою жизнеспособность и востребованность.

По оценкам экспертов, особый характер межгосударственных отношений в рамках Содружества определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, несмотря на произошедшие перемены, СНГ продолжает рассматриваться как единое геополитическое пространство, где сохраняется влияние общих исторических, экономических, политических, культурных, технологических факторов. Многие элементы системы взаимоотношений между республиками, сложившиеся в рамках единого государства, продолжают действовать на постсоветском пространстве. Вследствие этого взаимодействие внутри СНГ носит более «близкий» характер по сравнению с классическими межгосударственными отношениями.

Во-вторых, институты СНГ имеют определенную гибкость, что позволяет поддерживать на высоком уровне формат межгосударственного общения в различных сферах. Организация продолжает играть важную роль в обеспечении безопасности, стабильности и экономическом взаимодействии стран-участниц. Несмотря на различный экономический потенциал страны СНГ находятся приблизительно на одном уровне технологического развития и заинтересованы в сохранении хозяйственно-экономических связей и общего рынка.

В-третьих, «разноуровневая» интеграция на пространстве СНГ позволяет ряду государств участвовать в более продвинутых по уровню взаимодействия объединениях (*Союзное государство России и Беларуси, ЕАЭС, ОДКБ и др.*). При этом центральная роль в «интеграции» постсоветского пространства принадлежит России, которая оказывает прямое воздействие на соседние страны, используя политико-дипломатические и экономиче-

ские механизмы. По статистическим данным на РФ приходится более 70% совокупного регионального валового внутреннего продукта.

По оценкам экономистов, страны СНГ обладают значительным потенциалом. Площадь стран СНГ составляет свыше 16% мировой территории, на ней проживает более 4% населения мира. Запасы природных ресурсов оцениваются в 25% мировых (нефть – 20% мировых, газ – 40%, уголь – 25%, природный лес – 25%). Промышленный потенциал стран СНГ оценивается в 10% мирового, в то же время доля стран СНГ в мировом ВВП в 2019 году составила лишь 4,38%.

Вместе с тем, общий уровень экономического развития, высокая степень «непрозрачности» экономики, отсутствие четких правил и норм защиты собственности и ряд других негативных факторов не позволяет странам СНГ трансформироваться в реальную силу, активно влияющую на мировое развитие.

Центральноазиатские страны СНГ относятся к категории «запертых» стран (landlocked country), они изолированы от доступа к океану, располагаются вдали от магистральных торговых маршрутов. Страны обладают большими запасами различных минеральных ресурсов (металлургические, горно-химические, углеводородные – Казахстан, Узбекистан, Туркменистан; гидроресурсы – Таджикистан, Кыргызстан). Энергетический фактор оказывает большое влияние на интересы и политику различных региональных и внерегиональных сил: Россия, Китай, Турция, Индия, США, Иран, ЕС, Япония [19. С. 17-21]. Экономические расчеты показывают чрезвычайно высокую значимость развития транспортных коридоров, особенно в сердце евразийского континента – огромного земного массива, удаленного на тысячи километров от морского побережья. Страны Евразии обладают особой географией, которая отличается от других регионов мирового хозяйства и определяет специфику экономического развития и интеграции на евразийском пространстве [23. С. 74-82].

Различные страны пытаются по-разному выстроить отношения с различными внешними игроками, проводя при этом различный тип политики (от «открытой» – Казахстан, до «изоляционистской» – Туркменистан). Странам ЦА на нынешнем этапе выгодна конкуренция между внешними игроками, так как появляется возможность маневрирования между ними. При этом все страны ЦА имеют стремление к проведению многовекторной политики: у кого-то для этого больше экономических и политических возможностей, у кого-то меньше, но общее стремление одинаковое. Это означает, что странам ЦА невыгодна консолидированная позиция внерегиональных «игроков», но невыгодна и излишняя конкуренция между ними. В конечном счете ориентация на конкуренцию формирует запрос на эксклюзивность отношений, то есть конкурирующие «игроки» стараются ограничить контакты стран ЦА со своими конкурентами и максимально продвинуть свои интересы [20. С. 53-58].

Комплексную проблему развития страны региона не могут решить только своими силами. Им требуются инвестиции и программы помощи. Причем существенная часть вкладываемых ресурсов должна пойти на неэкономические и соответственно не дающие никакой денежной отдачи военно-политические, социальные и гуманитарные проекты. Без них невозможно формирование благоприятной среды с приемлемым уровнем политических и социальных рисков для долгосрочных инвестиций в энергетику. Тот внешний «игрок», который хочет получить контроль над энергетическими ресурсами ЦА, должен инвестировать существенные средства в комплексное развитие стран региона [19. С. 17-27].

Серьезными ограничителями интеграционных усилий Москвы на пространстве СНГ оказались высокая региональная непредсказуемость и нестабильность. Одной из важных проблем российской внешней политики в ЦА становится развитие взаимодействия с другими внешними акторами и создаваемыми ими институциональными структурами. Это требует увеличение инвестиций в интеграционные проекты с целью сохранения и развития ключевых элементов влияния в Центральной Азии. При этом меняется сама природа эффективности международной инвестиционно-финансовой деятельности. В перспективе будут выигрывать те глобальные и региональные инвесторы, которые уделяют первостепенное внимание не спекулятивно-финансовой деятельности на интегрируемых рынках, а вопросам повышения реальной эффективности международно-кооперируемого производства и уровня межгосударственного и корпоративного управления [20. С. 53-58].

С начала 2000-х гг. политика России на постсоветском пространстве значительно активизировалась, приобрела большой динамизм и гибкость. Происходило доктринальное оформление внешнеполитического курса страны, формализующее российскую политику в СНГ. На постсоветском пространстве, объединяющем преимущественно государства ЦА, создавались про-российские интеграционные объединения в сфере безопасности (ОДКБ), в торгово-экономической области (ЕврАзЭС, Таможенный союз, ЕАЭС). Другим объединением в ЦА с участием России и Китая стало ШОС, охватывающее сферу безопасности, торгово-экономическое, энергетическое взаимодействие [4. С. 3-21].

По различным экспертным оценкам, в 2010-е гг. начался последовательный процесс реформирования пространства СНГ. Новые подходы Москвы в отношении стран СНГ связаны с усилением политического и экономического присутствия на постсоветском пространстве. В рамках данной стратегии ускоряется процесс евразийской интеграции, укрепляется взаимодействие и координация государств-участников ОДКБ в контексте внешних вызовов и угроз, реализуются «Дорожные карты» по углубленной интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства.

«Украинский кризис» привел к резкому обострению отношений России и Запада, введению взаимных экономических санкций, которые оказывают

негативное влияние на страны СНГ. По оценкам международных наблюдателей, противостояние РФ и США по ряду параметров приобретает черты новой «холодной войны». В российском экспертном сообществе доминирует точка зрения, что причиной этого являются односторонние действия США, нарушение негласных договоренностей после распада биполярной системы, расширение НАТО на восток, вмешательство Запада во внутренние дела независимых государств под предлогом защиты прав человека, «демократизация» Ближнего Востока, игнорирование российских интересов на постсоветском пространстве. Эти факторы обусловили «ответные» действия России.

В настоящее время Москва демонстрирует своим партнерам и оппонентам, что готова жестко отстаивать свои интересы, вплоть до использования военно-силовых методов. В совокупности с действиями США это разрушает существующие договоры в сфере стратегической стабильности и действующий международный порядок. Более того, новая «холодная война» России и Запада повышают риски превращения постсоветского пространства в очередную зону геополитического противостояния великих держав со всеми негативными последствиями.

По прогнозам экспертов, в случае попыток РФ взять «геополитический реванш» страны Запада, с высокой долей вероятности, создадут новые точки напряженности на внешних границах России и СНГ. В данном контексте наиболее уязвимыми являются т.н. районы «замороженных» конфликтов (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия), а также юго-восток Украины и латентные конфликты в Центральной Азии, на Южном и Северном Кавказе, Дальнем Востоке. В случае выхода ситуации из-под контроля череда локальных межэтнических столкновений или антиправительственных выступлений на пространстве СНГ может перерасти в серию масштабных межгосударственных конфликтов. Это может привести к очередному витку нестабильности, пересмотру межгосударственных границ и появлению на политической карте новых непризнанных территориальных образований.

По оценкам экспертов, Россия объективно останется ведущим игроком на пространстве СНГ, даже с учетом открытости постсоветского пространства для внешних игроков с конкурирующими идеями международного взаимодействия.

Вместе с тем, сдерживать процессы «дефрагментации» постсоветского пространства становится все труднее. Эти процессы объективно связаны как с несовпадением региональных интересов государств СНГ, так и наличием недоверия политических элит ряда стран Содружества к созданию наднациональных органов и делегированию им части национального суверенитета.

Даже в условиях резкого ухудшения отношений между отдельными государствами («замороженные» и новые конфликты) они не отказываются от членства в СНГ (за исключением Грузии), поскольку участие в организа-

ции позволяет элитам постсоветских стран поддерживать прямые контакты и иметь каналы для доведения конфиденциальной информации.

Существует целый ряд факторов, ведущих к усилению геополитической неопределенности и в перспективе – к обострению конфликтов внешних сил за переформатирование постсоветского пространства в своих интересах. Среди них можно выделить геополитическую пестроту региона, фактор разнополюсной интеграции, противоречия между различными внешними силами, отсутствие цивилизационного выбора значительного количества стран ЦА в пользу определенной идеологической ориентации. Постсоветские государства в целом придерживаются многовекторной политики и пытаются участвовать в различных интеграционных объединениях [4. С. 3-27].

Сейчас перед широким научным сообществом возникает вопрос о будущей конструкции интеграционных отношений на пространстве СНГ. Представляет большой интерес деятельность Евразийского экономического союза, особенно в контексте идей о формировании Центральной Евразии и Большого Евразийского партнерства (инициатива Президента РФ В. Путина, озвученная на Петербургском экономическом форуме в 2016 г.).

ЕАЭС выступает эффективным и значимым интеграционным проектом на постсоветском пространстве. Указанная интеграционная структура превратилась в масштабный единый рынок, обеспечивающий стабильное развитие национальных экономик.

ЕАЭС – важный элемент в архитектуре интеграционного взаимодействия на постсоветском пространстве, что отмечается в рамках инициативы Первого Президента Казахстана Н. Назарбаева – «Трех диалогов». Один из уровней данной концепции предполагает системный экономический диалог между ЕАЭС, Европейским Союзом, ШОС и АСЕАН. Это позволит, в том числе, создать новые источники диверсификации, укрепления конкурентоспособности, улучшения бизнес-климата и повышения инвестиционной привлекательности государств и в целом, повысить глобальную роль Большой Евразии [16]. Поддержка членов Высшего Евразийского экономического совета по продвижению взаимодействия в рамках «Трех диалогов» может стать весомым вкладом в формирования фундамента для устойчивого будущего Центральной Евразии. При этом интеграционное взаимодействие поэтапно развивается.

Первый этап интеграции включал в себя секторы и отрасли экономики, где существовало наименьшее количество проблемных и спорных вопросов. Далее запланированы вопросы создания единого финансового рынка, единого рынка нефти и газа. Учитывая полный охват экономических сфер, партнерами по интеграции предпринимаются попытки по расширению сфер взаимодействия, которые не учтены в Договоре о ЕАЭС от 29 мая 2014 года.

Особое внимание уделяется включению в орбиту евразийской интеграции новых направлений, в том числе в гуманитарной и социальной пло-

скости; образование, медицина, зеленая и ядерная энергетика, развитие согласованной политики ЕАЭС в ключевых секторах экономики (транспорт, промышленность и сельское хозяйство), поэтапная гармонизация сферы финансовых рынков с выходом на создание единого финансового рынка и наднационального финансового регулятора; введение единой валюты и согласованной кредитно-денежной политики.

В целом, формат евразийской интеграции создает потенциальные возможности для укрепления позиций ЕАЭС в качестве крупного и влиятельного полюса в современной системе международных отношений.

Во-первых, поскольку международная система раскалывается на «геополитические зоны», характеризуется дальнейшей фрагментацией и формированием различных коалиций и торговых блоков, ЕАЭС должен стать самостоятельным центром глобального притяжения и развития.

Во-вторых, ЕАЭС позиционируется как механизм, конкурирующий с другими региональными блоками/инициативами, в том числе со стороны Евросоюза (Восточное партнерство и новая Стратегия ЕС в Центральной Азии) и Китая («Один пояс и один путь») и идеями США о Большой Центральной Азии (страны ЦА+Афганистан).

В-третьих, ЕАЭС представляется как ядро для более широкого регионального объединения (инициатива Президента РФ о Большом Евразийском партнерстве).

Однако, наряду с определенными достижениями, которых добился ЕАЭС за небольшой период своего существования, все острее стали проявляться серьезные вызовы для его развития. Пандемия COVID-19, спровоцировавшая глобальный экономический спад и оказавшая сильное влияние на глобальные и региональные интеграционные процессы, также замедлила процессы развития ЕАЭС, поставив вопрос о его диверсификации. Некоторые эксперты отмечают, что «модель мировой экономики, построенная на использовании развитыми странами развивающихся государств и поддержании на высоком уровне экономического роста, себя исчерпала» [7].

Дискуссия о перспективах ЕАЭС заметно обострилась в последнее время, причем в нее включились и официальные лица. Критические соображения высказывал Президент Беларуси А. Лукашенко, заявивший в марте 2019 года, что «процесс евразийской интеграции поворачивается вспять». Президент Казахстана К. Токаев в ходе майского заседания Высшего Евразийского Экономического Совета 2020 года, выразил неудовлетворенность предлагаемой стратегией развития союза, отметив тенденции к ограничению суверенитета правительств и парламентов, а также призвав аккуратнее подходить к вопросам расширения полномочий ЕЭК. Подобный подход отражает концептуальную позицию Республики Казахстан, выступающей за развитие процесса экономической интеграции при сохранении на национальном уровне всех полномочий, выходящих за пределы экономической

интеграции, за необходимость расширения ЕАЭС, его выход за пределы постсоветского пространства с целью открытия новых рынков сбыта, увеличения ресурсного и людского потенциала, успешной конкуренции данного интеграционного объединения на мировом рынке [5. С. 52-63].

Аналитики указывают как на внутренние, так и внешние вызовы развития ЕАЭС. Одним из них является невысокий уровень внутренней интегрированности. Удельный вес взаимной торговли товарами в общем объеме внешней торговли стран ЕАЭС в 2015-2019 гг. колебался в диапазоне 13-17%, что заметно уступает минимальному порогу интеграционной устойчивости в 25%. Перспективы преодоления этого рубежа пока остаются неопределенными. Это во-многом объясняется объективной причиной: ЕАЭС – асимметричный союз, где доминирующее экономическое положение занимает Россия. На нее приходится 80% населения, 86% ВВП, 88% промышленного производства и 65% взаимной торговли указанного интеграционного объединения. При преобладании во взаимных связях межотраслевого обмена (*в основном, топлива и сырья на готовые изделия*) и слабom развитии внутриотраслевой кооперации производства сложно ожидать существенного увеличения доли взаимного товарооборота.

Одной из важнейших задач евразийской интеграции является формирование секторальных общих рынков ЕАЭС в структуроопределяющих областях экономики, которые в перспективе должны стать основой для образования общего рынка союза. Однако этот процесс идет медленно, сложно преодолеваются разногласия сторон по отдельным принципиальным вопросам. Это ставит под угрозу соблюдение поставленных в Договоре о ЕАЭС сроков создания общих рынков – например, общего рынка газа, общего рынка нефти и нефтепродуктов и общего финансового рынка к 2025 году. Наблюдается задержка с созданием общего электроэнергетического рынка ЕАЭС.

Ужесточение западных санкций в отношении России, существенно затрагивающих финансовую сферу, ведет к снижению заинтересованности в создании общего финансового рынка. Но главные сомнения здесь возникают относительно возможности достижения к 2025 году достаточной степени гармонизации и сближения национальных сфер законодательства, необходимых для эффективной деятельности нового наднационального финансового органа ЕАЭС. К тому же, создание валютного союза и соответствующего наднационального регулятора пугает страны ЕАЭС необходимостью отказа от самостоятельной денежно-кредитной политики. В данной связи закономерно возникает вопрос, насколько необходимо для ЕАЭС следовать по пути Европейского Союза, включая постановку таких задач как создание валютного союза и передачи на наднациональный уровень новых компетенций.

В условиях санкционных войн, а также рецессии и последующего медленного восстановления экономического роста участились торговые

и валютные конфликты между странами ЕАЭС. На внутренних товарных рынках государства ЕАЭС продолжают применять друг против друга нетарифные ограничения, замаскированные под санитарные, ветеринарные и фитосанитарные меры. Поставки из ЕАЭС часто рассматриваются в России как конкурентные по сравнению с развитием собственного производства. Сохраняется острота проблем в области таможенных пошлин и налоговых тарифов, зачастую противоречащих другим международным обязательствам, в частности в рамках ВТО, что вызывает обоснованное недовольство вводимыми, прежде всего, Россией, некоторыми односторонними конкурентными преимуществами и ограничениями.

Сложность положения ЕАЭС состоит в том, что его развитие в большей мере, чем многих других интеграционных союзов, зависит от тесного взаимовлияния политических и экономических факторов. Конечно, для сохранения и дальнейшего прогресса ЕАЭС имеются фундаментальные предпосылки. ЕАЭС вносит важный вклад в укрепление суверенитета его членов, усиливает их переговорную силу в международных отношениях.

Что касается компонентов экономического развития ЕАЭС, то негативные тенденции в национальных экономиках (низкая товарная конкурентоспособность и производительность труда, неэффективность госуправления, сырьевая зависимость и т.д.) ставят страны Союза перед необходимостью корректировки стратегии сотрудничества, чтобы избежать дезинтеграционные тенденции. Речь не идет об изменении основополагающего Договора об ЕАЭС, хотя современные условия развития заставляют по-новому взглянуть на некоторые ключевые задачи этого документа, особенно в части определения конкретных сроков достижения отдельных целей.

В таких условиях необходимы новые инициативы и активные действия, которые должны дать ощутимый эффект от существования ЕАЭС для населения и бизнеса. Важнейшими направлениями модернизации сотрудничества в ЕАЭС могут стать:

- предотвращение дальнейшей бюрократизации экономического союза, отказ от создания новых неэффективных наднациональных органов и сужение сферы ответственности уже имеющихся наднациональных органов;
- переориентация экономической интеграции на потребителя, что соответствует переходу к этапу потребительской глобализации и призвана усилить поддержку ЕАЭС у населения стран-участниц союза;
- стимулирование человеческих и бизнес-контактов, то есть неформальная интеграция «снизу», которая должна стать надежной опорой для укрепления формальной интеграции на макроуровне;
- разработка совместной программы структурно-технологической модернизации экономик стран ЕАЭС, развития наукоемких производств, в чем заинтересованы все государства союза.

Важной тенденцией стало превращение постсоветского пространства в объект секьюритизации для ключевых мировых сил [5. С. 52-63]. В обе-

спечение безопасности в ЦА вовлечены ведущие мировые акторы (Россия, ЕС, Китай, США, Индия, Иран), международные организации (ШОС, ЕС, ОДКБ, НАТО), международные финансовые институты. Некоторые из ключевых трансграничных вызовов и угроз, активно привлекающих в регион внешние силы, тесно связаны между собой. Можно констатировать, что важнейшим элементом в противодействии подобным вызовам и угрозам является развитие всестороннего стратегического российско-китайского партнерства, укрепление полицентричной системы международных отношений, формирование новой, внеблоковой архитектуры мировой безопасности, основанной на равенстве и суверенитете всех ее участников [4. С. 3-27]. Российской Федерации требуется более четкое определение перспективных областей многостороннего сотрудничества, проведение аудита эффективности существующих механизмов реализации принятых решений [4. С. 3-27]. Одним из ближайших союзников РФ выступает Республика Беларусь. В рамках военного и военно-технического взаимодействия указанных государств сложились схожие подходы к процессу формирования военной отрасли, наблюдается значительная близость в национальных системах вооружений и военной техники [27. Р. 195-222].

В настоящее время СНГ рассматривается его участниками как устойчивое межгосударственное объединение и универсальная площадка для поддержания многопланового сотрудничества и политического диалога. Российско-казахстанские отношения занимают особое место в системе интеграционного сотрудничества на постсоветском пространстве. Россия и Казахстан являются основными «локомотивами», иницирующие важные интеграционные проекты на пространстве СНГ [20. С. 53-58]. Различные научные исследования показывают, что развитие экономической интеграции стран-участниц ЕАЭС является важным дополнительным фактором экономического роста и создают значительные дополнительные возможности для преодоления сложившейся топливно-сырьевой направленности экономики. Очевидно, что в условиях затяжного структурного кризиса экономик стран ЕАЭС именно инвестиционно-инфраструктурная перезагрузка способна стать новым драйвером экономического роста [23. С. 74-82].

Актуальные вызовы требуют выработки комплексного, совместного решения государств постсоветского пространства, активизации процесса регионального интеграционного строительства, усиления кооперации в различных сферах с целью превращения Евразийского экономического союза в значимого актора мировой политики, обеспечивающего защиту интересов государств-участников, усиливающего их конкурентоспособность на мировых рынках.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Акбергенов И.А., Васильев М.В., Гребениченко С.Ф. Глобализация и новые задачи внешней политики // Международные отношения на рубе-

же XX-XXI веков. Материалы Первой межвузовской научно-практической конференции. М.: РУДН, 2005.

2. *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002.

3. *Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троцкий Е.Ф.* Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах // Очерки текущей политики. М.: НОФМО, 2010. Выпуск 4.

4. *Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж.* Центральная Азия и геостратегия России // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 1.

5. *Гребениченко С.Ф., Токтамысов С.Ж.* Интеграционный потенциал постсоветского пространства за четверть века: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 2 // <http://journals.rudn.ru/russian-history/article/view/4270>.

6. *Дадабаева З.А.* Россия – Центральная Азия: Динамика межгосударственного сотрудничества (приоритеты, потенциал, перспективы) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2011.

7. *Жильцов С.С.* Постсоветское пространство: итоги развития и интересы России // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и Мир. 2021. № 1.

8. *Звягельская И.Д.* Становление государств Центральной Азии: Политические процессы. М.: Аспект Пресс, 2009.

9. *Искандаров А.* Классические теории европейской политической интеграции и возможность их использования в интеграционных процессах в регионе Центральной Азии // Казахстан-Спектр. 2006. № 4.

10. *Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия: монография. М.: МГИМО Университет, 2008.

11. *Козьменко В.М.* Приоритетные рубежи интеграции России и Казахстана в 1991-2010 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 1.

12. *Козн А.* США, страны Центральной Азии и Кавказа: проблемы и перспективы взаимоотношений // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 8.

13. *Лебедева М.М.* и др. Центральная Азия. Социально-гуманитарное измерение. М.: Аспект-Пресс, 2016.

14. *Лузянин С.Г.* Восточная политика Владимира Путин: возвращение России на «Большой Восток» (2004-2008 гг.). М.: Восток-Запад. АСТ, 2007.

15. *Мальшев Д.В.* Радикализация ислама в Центральной Азии и Запад // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 3.

16. Нурсултан Назарбаев предложил новую геополитическую реальность «Три Д». 27 апреля 2019 года. Сайт: Нурсултан Назарбаев предложил новую геополитическую реальность «Три Д» – Официальный сайт Президента Республики Казахстан (akorda.kz).

17. *Олкотт М.Б.* Второй шанс Центральной Азии. М.: Московский центр Карнеги, 2005.

18. Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики, 2002.
19. Токтамысов С.Ж. Американские взгляды на вопросы энергетики в России и Евразии. 2009. № 1.
20. Токтамысов С.Ж. Центральная Азия: геополитика и экономика // Большая Игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии. 2007. № 4.
21. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М., 2008.
22. Чжао Хуашэн. Китай, Центральная Азия и Шанхайская организация сотрудничества. М.: Московский центр Карнеги, 2005.
23. Шамишев Е.Д. Эффективная модель регионального сотрудничества в Евразии: опыт Казахстана // Вопросы политологии. 2017. № 3.
24. Bela Balassa. The theory of economic integration. Homewood, Ill., R.D. Irwin, 1961.
25. Europe in worldpolitics // Urgentproblems of Europe. М., 2003.
26. Haas E.B. International Integration: The European and the Universalprocess // International Organizations, 1998.
27. Kozmenko V.M., Toktamysov S.Zh., Shamishev E.D. Russia – Belarus integration interaction in the context of the development of the Eurasian Economic Union // REVISTA DE LA UNIVERSIDAD DEL ZULIA. 2020. Año 11. № 31.
28. Kramer Heinz. Will Central Asia become Turkey's Sphere of Influence // <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/01/8>.
29. Mankoff J. United States and Central Asia after. 2014. January. 2013 // http://esis.org/files/publication/130122_Mankoff_USCentralAsia_Web.pdf.
30. Mitrany D. A working peace system // The European Union: reading on the Theory and Practice of European Integration, 2003.
31. Moravcsik A. Liberal Intergovernmentalism and Integration: A Rejoinder // Journal of Common Market Studies. 1995. Vol. 33. Issue 4.
32. Moravcsik A. Is Something Rotten in the State of Denmark? Constructivism and European Integration // Journal of European Public Policy. 1999. Vol. 6.
33. Starr S. Frederick. A «Greater Central Asia Partnership» for Afghanistan and Its Neighbors // Silk Road Paper. 2005.
34. Olcott Martha Brill. Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy and Regional Security // United States Institute of Peace Press. 1995.

E.D. SHAMISHEV
*Postgraduate student of the Diplomatic
Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Director of the Department
of Foreign Policy analysis and forecasting Ministry of Foreign Affairs
of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan,
Republic of Kazakhstan*

S.Zh. TOKTAMYSOV
*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department of History of Russia
at Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia*
ORCID: 0000-0003-4284-9638

INTEGRATION PROCESSES WITHIN THE CIS COMMUNITY IN THE PANDEMIC CRISIS: EAEU¹

The article discusses theoretical and methodological approaches to the study of integration processes in the post-Soviet space. The authors analyze the integration dynamics, investigate the main challenges and threats in the context of the functioning of the Eurasian Economic Union. The study points out that the integration policy is being channeled into the category of strategic objectives of national development and acts as an indicator of growth in the national economies of the EAEU member states.

Key words: *CIS, post-Soviet space, EAEP, Central Asia, Russia, Kazakhstan, Belarus, integration model, pandemic crisis, common market, Eurasian space.*

---

¹ Acknowledgements: The publication was supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В АВСТРИИ

В статье рассмотрена динамика развития австрийской политической науки, которая прошла недолгий и сложный путь прежде, чем стала самостоятельным научным социально-гуманитарным знанием. Наибольшее влияние на развитие австрийских исследований оказали события второй половины XX в., когда был заложен институциональный фундамент, создана теоретическая и методологическая база для научных изысканий, проводились перспективные разработки в разных областях гуманитарного знания. В Австрии прослеживается тенденция дифференциации самого политического знания, которая способствует расширению исследовательских возможностей. Сделан вывод об открытии в настоящее время широких возможностей для политической науки в Австрийской республике.

Ключевые слова: политология, Австрия, политическая наука, научный поиск, политическое знание, политический климат, Ассоциация политических наук.

Современное состояние политической науки как дисциплины в Австрии обусловлено историей ее возникновения и институционализации. Политология в Австрии как область знаний возникла только после 1960-х гг. XX в., когда были созданы первые кафедры в университетах Вены, Инсбрука и Зальцбурга. Рассмотрение динамики позволяет проследить развитие и выявить особенности формирования и настоящего положения австрийской политической научной теории.

История австрийской философии многообразна и представлена такими значимыми в западноевропейской философии именами, как Л. Витгенштейн, Б. Больцано, Ф. Brentano, З. Фрейд, К. Поппер, которые оказали влияние на развитие науки в целом. Профессор П. Кампиц, много лет занимавший пост декана философского факультета Венского университета, в своей работе по истории австрийской философии цитирует высказывание эмигрировавшего в США австрийского литератора и германиста Х. Пу-

литцера о том, что «практически все, что сыграло важную роль в XX веке, за исключением марксизма, было изобретено в Австрии» [1. С. 153]. Данное утверждение спорно, но тем не менее объясняет растущий интерес к самобытной австрийской философской и научной традиции.

Знаменитый австрийский философ XX в. Л. Витгенштейн, дал повод научным деятелям обратить внимание на вклад австрийских мыслителей и исследовательскую традицию Австрии. Так, исследование австрийской философской традиции началось в 60-х гг. XX в. и развивалось в рамках Философского общества Л. Витгенштейна [10. С. 11], которое ежегодно проводит глобальный международный симпозиум и организует школу для молодых ученых.

В это же время оформились дисциплины, появились исследования в области политологии. В этот период австрийская политическая наука находилась в процессе формирования [1. С. 6-7].

Отметим также, значительный интеллектуальный вклад Австрии в развитие общественных наук [3. С. 48]. Например, основные направления австрийского права и экономики начала XX в. получили всемирное признание благодаря работам К. Менгера, Й. Шумпетера, Ф. Хайека и др. Известные австро-марксисты К. Реннер, М. Адлер внесли большой вклад в политические дискуссии как крупные научные деятели. Теория бессознательного основателя психоаналитической теории З. Фрейда дала мощный импульс для создания претенциозных политических и социокультурных проектов по преобразованию человеческой природы на основе психоанализа, который до сих пор претендует на роль методологии в общественных науках [4. С. 78]. Пауль Ф. Лазарсфельд, сторонник социалистических идей, основал Австрийский исследовательский центр по экономической психологии. Работавшие в нем исследователи сформулировали ключевые положения по вопросам формирования общественного мнения, политического поведения граждан, которые в дальнейшем легли в основу международной исследовательской практики [10. С. 6].

В связи с событиями 30-х-40-х гг. австрийская научная и академическая традиция прервалась, многие деятели науки, особенно еврейского происхождения, а также те, кто были связаны с социалистами и коммунистами, покинули страну или были истреблены [15. С. 319].

После 1945 года в контексте «парализованности академической жизни» [3. С. 50] Австрии известные специалисты в области общественно-политических наук были изгнаны или дискредитированы в связи с сотрудничеством с нацистским режимом. В дальнейшем не было предпринято усилий для возвращения в страну и последующей реабилитации. Деятели науки постоянно подозревали в критике правящей партии и левых взглядах [1. С. 161], их политические ориентации были важнее, чем способности к научной, просветительской, творческой и другим видам деятельности в глазах правящей элиты.

Политический климат страны отразился на возрождении и становлении эмпирической и аналитической деятельности. В австрийской университетской среде отрицательно относились к созданию кафедр политических исследований. Такое отношение было вызвано тем, что политология, по мнению факультетов теологии, права, медицины, истории и др., представляет опасность для общественного порядка, настроена критически к правящей партии, а также способствует разрушению ментальных устоев государственности и разложению политической системы.

Новые организации, находившиеся в стадии становления, находились под подозрением со стороны правительства в том, что собираются «захватить университеты» [13. С. 347-352], что они становятся серьезной угрозой для свободы обучения и исследовательской деятельности. Введение новой научной дисциплины могло привести к ослаблению роли юридических факультетов, которые стремились защитить свою монополию на подготовку государственных служащих, а также на сохранение их доминирующего положения в государстве и обществе. Столкнувшись с таким положением, политологи были вынуждены проводить исследования за пределами университетов, объединяясь в лоббистские группы и выступая за введение политической науки в качестве университетской дисциплины.

Как самостоятельная дисциплина политология не развивалась в Австрии до 1960-х гг., институционализация шла в обход университетской системы. В 1963 году, благодаря значительному вкладу П. Лазарсфельда вне рамок университетских структур, был основан первый австрийский академический Институт высших исследований (HIS), одним из отделений которого стала политология [8. С. 135-141].

Политология закрепилась в качестве самостоятельной области знаний в австрийских университетах только в начале 1970-х годов. В связи с изменением дальнейшей политической ситуации в стране и выходом на широкий научный простор австрийские политологии стремятся наверстать упущенное время.

Спустя десятилетие в университетах Вены и Зальцбурга были открыты Институты политической науки. Уже начиная с 1985 года политология вошла в учебные программы австрийских институтов, улучшились условия научной деятельности для повышения ее эффективности, благодаря принятому Закону об университетах («Universitätsorganisationsdests») [12. С. 399].

На сегодняшний день отличительным признаком австрийской философии оказывается ее антикантианская направленность, эмпиризм, а также вопросы происхождения языков. Так, этот список особенностей австрийской философии у исследователей может дополняться или сокращаться.

Непоследовательность университетских реформ, недостаточная финансовая поддержка правительства в области политологии привели к скептицизму в научных кругах Австрийской Республики [3. С. 60]. Тем не менее

в 1970-е гг. Австрийская ассоциация политических наук (AuPSA) успешно лоббировала ее развитие в Австрии. В середине 1970-х гг. эта тенденция ослабла, но спустя десятилетие получила дальнейшее развитие.

AuPSA является некоммерческой организацией и на сегодняшний день объединяет более 500 членов. В число основополагающих задач AuPSA входят: развитие международного сотрудничества, поощрение молодых специалистов премиями за лучшие исследования, издательская деятельность [3. С. 58]. Так, ежеквартальный «Австрийский журнал политической науки», издающийся с 1972 г., охватывает политические исследования и публикует статьи по этой тематике [1. С. 154].

Австрийские ученые имеют налаженные международные связи. Институт исследований европейской интеграции Австрийской академии наук, Австрийский институт международных отношений, институт высших исследований, факультеты политологии в университетах Зальцбурга и Вены являются членами Европейского консорциума по политическим наукам (ЕСРР).

Преподавание курса политической теории ведется на факультетах Университетов Вены, Зальцбурга, Инсбрука. Также исследования проводятся в Австрийской академии наук, Институте высших исследований, Институте конфликтологии, Австрийском институте международных отношений, Австрийском центре политики и исследований в области социального благосостояния и др. Отметим, что институты полагаются на преподавателей из других научных сфер и организаций, что связано с недостаточным государственным финансированием.

Вступление Австрии в 1995 году в Европейский союз открыло новые возможности для политических исследователей, способствовало мобильности и международному обмену знаниями в рамках общеевропейской философской традиции [5. С. 42]. Крупнейшие факультеты политологии включаются в работу над проектами, финансируемыми Европейской комиссией, координируют масштабные исследовательские программы. Институт исследований европейской интеграции Австрийской академии наук получил широкую известность в качестве центра, работающего над исследовательскими проектами ЕС.

Исследования в Австрии направлены на изучение австрийской политической системы. В последние годы эта тема была дополнена изучением процессов европейской интеграции, а в международных отношениях рассматриваются проблемы становления демократии в Центральной и Восточной Европе [11. С. 11].

В настоящее время исследованиям института канцлерства и личностных особенностей политических деятелей уделяется недостаточно внимания. В Австрийской Республике этими вопросами занимается Австрийское общество политических наук и Gallup Austria, в недавнем исследовании ко-

того отмечалось, что австрийцы интересуются вопросами политического лидерства в целом и определенными лидерскими качествами федеральных канцлеров, в частности [14].

Таким образом, позднее формирование австрийской политологии отразилось на отставании в развитии по сравнению с философией, теологией и другими направлениями исследования. Монографии и публикации Австрийского журнала политических наук, Австрийского ежегодника политики и других изданий указывают на пробел в данных исследованиях.

Последние полвека оказали наибольшее влияние на развитие австрийских исследований, был заложен институциональный фундамент, создана теоретическая и методологическая база для научных изысканий, проводились перспективные разработки в разных областях гуманитарного знания [6. С. 127-159]. Вместе с тем, общее состояние методического инструментария исследований необходимо признать недостаточно разработанным [3. С. 55].

На сегодняшний день австрийские политологи используют неклассические подходы, а также возможности конвергенции методологического потенциала различных научных направлений. Так, в изучении влияния личностных особенностей на функционирование института канцлерства в Австрии применяется инструментарий, интегрирующий исследовательские возможности методов философии, социологии, психологии, политологии и ряда других наук [14].

В Австрии прослеживается тенденция дифференциации самого политического знания, что приводит к ослаблению позиций не только каждой из субдисциплин, к которым относятся политическая социология, политическая коммуникативистика, международные отношения и ряд других, но и политологии, как области знания в целом [3. С. 30].

Отметим, что со временем австрийские исследователи, будучи изначально сосредоточены на изучении политических партий и движений, электорального поведения, сегодня уделяют внимание анализу дискурса и личностных качеств деятелей [7. С. 452]. Изменение тематики научного поиска открывает новые горизонты и возможности для политологов [2. С. 241].

Таким образом, политология в Австрии в своем развитии прошла долгий и сложный путь прежде, чем стала самостоятельным научным социально-гуманитарным знанием. Сегодня для нее открываются широкие возможности, австрийские политологи активно наверстывают упущенное время, продолжая методологический поиск.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Кампиц П. Австрийская философия // Вопросы философии. 1990. № 12.
2. Личность политика: теория и методология психологического портретирования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2011.

---

3. Политическая наука в Западной Европе / Под ред. Ханса-Дитера Клингеманна / пер с англ. М. Гурвица, А. Демчука и др. / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Аспект Пресс, 2009.

4. *Ракитянский Н.М.* Ментальные исследования глобальных политических миров. М.: Издательство Московского университета, 2020.

5. *Черепанова Е.С.* Проблема признания австрийской философии // Парадигма признания в современной философии. 2014.

6. *Boncourt T., Engeli I., Garzia D.* Political Science in Europe. Achievements, Challenges, Prospects. London: Rowman & Littlefield International. 2020.

7. *Bracher K.D.* Wissenschafts und zeitgeschichtliche Probleme der politischen Wissenschaft in Deutschland // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1965. № 17.

8. *Fleck C.* Wie Neus nicht entsteht. Die Grundung des Instituts fur Hohere Studien durch Ex-Osterreicher und die Ford-Foundation. Wien, 2000.

9. *Gabriel L.* Philosophie in Österreich // Philosophie in Österreich. Wien, 1968.

10. *Haller R.* Forschung for Österreiche Philosophie. Amsterdam: Rodopi, 1974.

11. *Kampits P.* Zwischen Schein und Wirklichkeit. Eine kleine Geschichte der österreichischen Philosophie. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1984.

12. *Karlhofer F., Pelinka A.* Austrian Political Science: the State of the Art // European Journal of Political Research. 1991.

13. *Pelinka A.* Fluch und Segen der Normalitat. Zur Situation der politikwissenschaft in Osterreich. Wien, 1995.

14. Österreichische Gesellschaft für Politikwissenschaft und Gallup Österreich // <https://www.oegpw.at/sektionen/political-leadership>.

15. *Stadler F.* Vertriebene Vernunft: Emigration und Exil osterreichisher Wissenschaft. Wien, 1987.

E.I. LEBEDEVA

*Postgraduate student of the Department of
Sociology and Psychology Politics,
Faculty of Political Science, Moscow State
University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

HISTORICAL DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF POLITICAL SCIENCE IN THE REPUBLIC OF AUSTRIA

The article examines the dynamics of the development of Austrian political science, which has passed a short and difficult path before becoming an independent scientific socio-humanitarian knowledge. The events of the second half of the twen-

---

tieth century had the greatest impact on the development of Austrian research, when the institutional foundation was laid, the theoretical and methodological basis for scientific research was created, promising developments were carried out in various fields of humanitarian knowledge. In Austria, there is a tendency to differentiate the political knowledge itself, which contributes to the expansion of research opportunities. The conclusion is made about the opening of wide opportunities for political science in the Republic of Austria at the present time.

Key words: *political science, Austria, political studies, scientific search, political knowledge, political climate, Political Science Association.*

АНАЛИЗ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий несет в себе риски и угрозы для информационно-психологической безопасности как отдельно взятого государства, так и целого региона и даже мирового сообщества. Страны, входящие в состав Северо-Восточной Азии, в настоящее время вовлечены в ряд межгосударственных экономических и территориальных конфликтов; при этом они занимают лидирующие позиции в развитии ИКТ и новых технологий на основе искусственного интеллекта, следовательно потенциально могут использовать их в целях дестабилизации информационно-психологической безопасности государства-соперника. Целью данной статьи является анализ основных политических процессов и межгосударственных конфликтов с точки зрения их влияния на информационно-психологическую безопасность стран региона. Исследование базируется на сочетании прогностического анализа с методом «кейс-стади», позволяющего продемонстрировать политические процессы в регионе, влияющие на состояние информационно-психологической безопасности, на конкретных примерах. Исследование показало, что нерешенные территориальные споры, ядерный потенциал Северной Кореи, китайско-американское противостояние оказывают негативное воздействие на состояние информационно-психологической безопасности региона: государства воспринимают друг друга в качестве реальной угрозы, что подталкивает их к наращиванию информационно-технологического потенциала, способного перенести развитие конфликтов в область информационного пространства.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Китай, Япония, Корея, информационно-психологическая безопасность, информационные технологии, межгосударственные отношения.

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 21-514-92001.

Введение. В настоящее время Северо-Восточная Азия представляет собой очень важный регион с геополитической точки зрения. Возрастающая экономическая и политическая мощь Китая, активное влияние на международные процессы в регионе со стороны США, стремительное технологическое развитие Японии и Южной Кореи и их стратегическое соперничество, ядерный потенциал Северной Кореи делает проблемы региона актуальными для изучения.

С форсированным развитием в регионе таких технологий, как интеллектуальные компьютерные программы, информационно-коммуникационные технологии, искусственный интеллект расширяются перспективы их применения в экономике и промышленности. Вместе с тем, увеличивается число вызовов и угроз информационно-психологической безопасности [9. Р. 147-170] как для отдельных государств и их граждан, так и для всего региона в целом. «Deep fake», «умные» боты, фишинговые атаки и другие новые информационные технологии, применяемые в корыстных целях антисоциальными акторами, способны оказать значительное влияние на формирование общественного дискурса путем создания ложных новостей и инфоповодов. «Фэйкньюс», зловердные информационные «вбросы», кража персональных данных Интернет-пользователей способны подорвать общественное доверие, стать поводом для шантажа государственных чиновников и т.д. В общем, современные технологии являются весьма эффективным информационным механизмом дестабилизации социально-политической ситуации внутри отдельно взятого государства, а также международных отношений.

Рассматриваемый регион представлен государствами, которые динамично развивают сферу ИКТ и соперничают за превосходство на данном направлении, а, следовательно, потенциально обладают возможностями использования информационных технологий с целью дестабилизации информационно-психологической безопасности в странах-соперниках.

Межгосударственные отношения КНР и США. Соперничество двух сверхдержав – КНР и США в экономической и политической сферах является, пожалуй, самым острым современным международным конфликтом, который периодически обостряется до угрозы открытой конфронтации, что, естественно, отражается на архитектуре информационно-психологической безопасности.

Торговая война, обострившаяся в 2018 году, выступает яркой иллюстрацией всей системы напряженных двусторонних отношений Китая и США. После нескольких раундов обоюдных повышений таможенных пошлин, осенью 2019 года ввиду ухудшения двусторонних отношений стороны приняли решение сесть за стол переговоров и начать снижать тарифы в одинаковых объемах и в одинаковом темпе [10]. Однако уже летом 2020 года переговоры зашли в тупик: Д. Трамп отказался от переговоров, обвинив КНР в распространении вируса COVID-19 по всему миру, что также явля-

ется давлением на общественное мнение и представляет собой вызов для информационно-психологической безопасности не только КНР, но и всего мира [15]. С приходом к власти в США нового президента, риторика в отношении Китая не изменилась. Д. Байден продолжает обвинять китайские власти в экономических злоупотреблениях и призвал союзников США готовиться к стратегическому соперничеству с КНР, в том числе и в информационной сфере [12].

Двусторонние отношения, по мнению действующего президента США, также усугубляются политикой Китая в отношении острова Тайвань [5]. В то время как КНР придерживается политики «одного Китая» и воспринимает стремление Тайваня обрести политическую независимость как угрозу национальному суверенитету. США и союзники перманентно оказывают военную и технологическую поддержку Тайваню, стараясь не допустить усиления КНР в западной части Тихого океана и Южно-Китайском море. Закон об отношениях с Тайванем 1979 года закрепляет приверженность США китайской политике «одного Китая» и в то же время регламентирует обязательства Соединенных Штатов по обеспечению защиты острова и акватории Тихого океана, что закреплено в преамбуле закона: «в целях поддержания мира, безопасности и стабильности в западной части Тихого океана и содействия внешней политике Соединенных Штатов через продолжение коммерческих, культурных и других отношений между народом Соединенных Штатов и народом Тайваня, и для других целей» [14].

Территориальные споры и претензии. Территориальный спор по вопросу принадлежности незаселенных Парасельских островов и архипелага Спратли также является очень острым и актуальным. В спор втянуты страны АСЕАН, выступающие против претензий Китая на спорные территории. Данный конфликт напрямую затрагивает вопросы безопасности, что не может не привлекать внимание мирового сообщества. Для решения конфликта страны АСЕАН во главе с Филиппинами обратились с иском против КНР в Международный трибунал по морскому праву. Китай отказался участвовать в данном судебном разбирательстве, утверждая, что претензии Филиппин являются беспочвенными и упрекая оппонентов в попытке вынудить Трибунал вынести решение по вопросу территориального суверенитета, хотя это не относится к его юрисдикции [13]. Нежелание Китая участвовать в данном судебном разбирательстве является камнем преткновения на пути стремления КНР стать сильным государством с правом формирования международного правопорядка. По этой причине в настоящее время Китай принял традиционную для себя позицию «выжидания», а тем временем конфликт остается неразрешенным, и существует вероятность его возгорания с большей силой.

Кроме претензий на Параселы и Спратли, Китай также претендует на архипелаг Сенкаку (китайское название – Дяоюйдао), расположенный

в Восточно-Китайском море и де-факто контролируемый Японией. Территориальный спор осложняет определение границы между исключительными экономическими зонами Японии и Китая, а также привлекает внимание США, так как данная проблема подпадает под статью 5 договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией от 1960 года [2. С. 46]. После национализации трех островов архипелага Японией, ситуация обострилась: в крупных китайских городах прошли антияпонские демонстрации, несколько патрульных кораблей демонстративно зашли в территориальные воды, которые Япония считает своими, ощутимо снизились показатели японского экспорта [11]. В ноябре 2014 года после подписания соглашения Си Цзиньпином и Синдзо Абэ ситуацию в Восточно-Китайском море удалось нормализовать. Однако несмотря на то, что в соглашении была достигнута договоренность «путем диалога и консультаций предотвращать ухудшение ситуации вокруг островов» [3], фактически конфликт остается нерешенным и был заморожен на неопределенное время.

Спор по поводу владения архипелагом Сенкаку не единственный с участием Японии. Острова Лианкур (корейское название – Токто, японское – Такэсима) являются объектом спора между Южной Кореей и Японией. Официально острова были включены в состав японской территории в 1905 году накануне аннексии самой Кореи. После окончания Второй мировой войны, решением Верховного Командования оккупационных Союзных сил данные острова были причислены к территориям, где Япония утрачивает свой суверенитет [1]. Однако в окончательном Сан-Францисском мирном договоре этот момент не нашел отражения. Вопрос, какой документ регламентирует принадлежность Лианкура, является основным в данном территориальном споре. Ни одна из сторон не пытается вывести конфликт в активную фазу, однако и Япония, и Южная Корея постоянно стремятся напомнить своему оппоненту о существующих претензиях. Так, визит на острова Ли Мен Бака, который стал первым корейским президентом, посетившим данные территории, вызвал незамедлительную жесткую реакцию со стороны японского МИДа – протест послу Южной Кореи. А реакцией Южной Кореи на признание суверенитета Японии над островами в собственной Белой книге обороны 2019 года стала нота протеста [8].

Ядерная проблема Корейского полуострова. Что касается корейского полуострова, то здесь существует угроза конфликта, связанного с ядерным потенциалом Северной Кореи. Так, после одного из последних северокорейских испытаний в 2017 году, которое по официальному сообщению Пхеньяна стало первым в истории КНДР успешным испытанием межконтинентальной баллистической ракеты, США заявили о новой эскалации северокорейской угрозы – как для США, так и для всего мира [7]. После серии успешных испытаний межконтинентальных баллистических ракет и создания водородной бомбы в 2017-2018 годах назрел настоящий кризис в отношениях КНДР

и США, который также не мог не отразиться на других странах Северо-Восточной Азии. Активное развитие ядерной программы КНДР стало причиной наложения дополнительных санкций на Пхеньян со стороны ООН в августе 2017 года. Данная реакция была расценена Северной Кореей в качестве нарушения северокорейского суверенитета. Кроме этого, со стороны Пхеньяна последовало обещание заставить США «заплатить цену за свое преступление тысячи раз» [6]. Из-за данной угрозы, США развернули в Южной Корее противоракетный комплекс ТНААД, после чего здесь прошли массовые акции протеста, а Северная Корея, Россия и Китай выступили с критикой действий Вашингтона [4]. Современная Северная Корея и ее ядерная программа представляют собой не только потенциальную угрозу, но и площадку конкуренции Китая и России с одной стороны и США, Японии и Южной Кореи с другой, что еще сильнее обостряет существующую проблему и не оставляет шансов на ее решение в краткосрочной перспективе.

Заключение. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что негативное влияние на состояние информационно-психологической безопасности Северо-Восточной Азии оказывают нерешенные территориальные споры и претензии, ядерный потенциал Северной Кореи, а также фактор США на фоне американо-китайского экономического и политического соперничества. Все рассмотренные политические процессы и межгосударственные конфликты деструктивно сказываются на выстраивании стратегического доверия между странами региона, являются причинами введения санкций и политико-экономических ограничений (которые только усугубляют ситуацию), а также жесткой риторики относительно соседей. Все это заставляет страны Северо-Восточной Азии воспринимать друг друга в качестве реальной угрозы своей национальной и информационно-психологической безопасности, что, в свою очередь, вызывает наращивание информационно-технологического потенциала государств и возможность возгорания новых конфликтов в информационной среде.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вопросы и ответы, рассеивающие сомнения относительно проблемы островов Такэсима // МИД Японии: офиц. сайт. 2021 // <https://www.ru.emb-japan.go.jp/territory/takeshima/qa.html>.
2. Карпов Е.В. Японо-американский фактор формирования системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе после окончания Второй мировой войны // Ойкумена. Владивосток. 2014. № 2.
3. Китай и Япония достигли соглашения из четырех пунктов // RenMingWang: офиц. сайт. 2014 // <http://russian.people.com.cn/n/2014/1108/c31521-8806107.html>.
4. Мун Чжэ Ин приказал расследовать «незаконный ввоз ПРО США в Корею» // Российская газета: офиц. сайт. 2017 // <https://rg.ru/2017/05/30/mun-chzhe-in-prikazal-rassledovat-nezakonnyj-vvoz-pro-ssha-v-koreiu.html>.

---

5. Ответы представителя МИД КНР Кун Цюаня на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 6 апреля 2004 года // МИД КНР: офиц. сайт. 2004 // <https://www.fmprc.gov.cn/rus/xwfw/fyrth/lxjzhzhdh/t82921.htm>.

6. Совбез ООН ужесточил санкции против Северной Кореи // Lenta.ru: офиц. сайт. 2017 // https://lenta.ru/news/2017/08/05/more_sanctions/.

7. США: запуск КНДР ракеты дальнего радиуса - новая угроза миру // BBC News: офиц. сайт. 2017 // <https://www.bbc.com/russian/news-40502498>.

8. Токио намерен воевать в новых доменах. Министерство обороны Японии опубликовало «Белую книгу 2019» // Независимое военное обозрение: офиц. сайт. 2019 // https://nvo.ng.ru/realty/2019-09-28/100_280919_japan.html.

9. *Bazarkina D., Pashentsev E.* Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17. № 1. DOI: <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-1-147-170>.

10. China announces its imposing new tariffs on 128 US products // CNBC: офиц.сайт. 2018 // <https://www.cnbc.com/2018/04/01/china-announces-new-tariffs-on-us-meat-and-fruit-amid-trade-war-fears.html>.

11. Purchase of Diaoyu Islands could cost Japan // ChinaDaily: офиц. сайт. 2012 // http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-09/13/content_15756829.htm.

12. Readout of President Joseph R. Biden, Jr. Call with President Xi Jinping of China // White House: офиц. сайт. 2021 // <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/02/10/readout-of-president-joseph-r-biden-jr-call-with-president-xi-jinping-of-china/>.

13. Senior leaders stress trade dispute mechanism for Belt & Road // Xinhua.net: офиц. сайт. 2018 // http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/23/c_136918707.htm.

14. Taiwan Relations Act // American Institute in Taiwan: офиц. сайт. 2021 // <https://www.ait.org.tw/our-relationship/policy-history/key-u-s-foreign-policy-documents-region/taiwan-relations-act/>.

15. Trump cancels China talks, raising questions about trade deal // Bloomberg: офиц. сайт. 2020 // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-08-18/trump-says-he-delayed-china-trade-talks-faults-beijing-on-virus>.

E.A. MIKHALEVICH

PhD student of Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ANALYSIS OF INTERSTATE CONFLICTS AND POLITICAL PROCESSES AFFECTING THE STATE OF INFORMATION-PSYCHOLOGICAL SECURITY IN NORTH-EAST ASIA

Dynamic development of information and communication technologies carries risks and threats to information-psychological security of a single state, as

---

well as an entire region and even the world community. The countries of Northeast Asia are currently involved in a number of interstate economic and territorial conflicts; at the same time, countries occupy a leading position in the development of ICT and new technologies based on Artificial Intelligence, therefore, countries can potentially use it to destabilize the information-psychological security of a rival state. This article analyzes the main political processes and interstate conflicts from the point of view of its impact on the information-psychological security of the countries of the region. The study is based on a combination of predictive analysis with the case study method, which allows to demonstrate the political processes in the region that affect the information-psychological security, using specific examples. The study showed that unresolved territorial disputes, the nuclear potential of North Korea, the Sino-American confrontation have a negative impact on the information-psychological security of the region: states perceive each other as a real threat, which pushes them to build up information and technological potential that can transfer development of conflicts in the information space.

Key words: *Northeast Asia, China, Japan, Korea, information-psychological security, information technology, interstate relations.*

РОЛЬ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СТАНОВЛЕНИИ КНР КАК ГЛОБАЛЬНОГО ЛИДЕРА

2020 год стал для Китая одним из самых значимых периодов в вопросах укрепления позиций на международной арене. Решительное и эффективное подавление пандемии коронавируса внутри страны, гуманитарная и экономическая помощь иностранным государствам в борьбе с COVID-19, научный и мобилизационный вклад в мировую систему здравоохранения, планы по строительству «Шелкового пути здоровья» – все эти элементы политики «мягкой силы» сыграли свою роль в улучшении имиджа КНР. В данной статье мы проанализируем новые инструменты «мягкой силы» китайской дипломатии в контексте внешнеполитических амбиции Поднебесной.

Ключевые слова: *Китай, «мягкая сила», дипломатия, коронавирус, пандемия.*

За последние десятилетия Китай сформировал собственную уникальную систему инструментов политики «мягкой силы», отличную от моделей США, Европы, Японии и Южной Кореи. Стратегия «Один пояс, один путь» (一代一路), включающая в себя построение Экономического Пояса Нового Шелкового пути (新丝绸之路经济带) и Морского Шелкового пути XXI века (21世纪海上丝绸之路), концепция Сообщества единой судьбы человечества (人类命运共同体) – все эти внешнеполитические доктрины КНР в первую очередь отличает глобальность и космополитизм. В этом контексте не стал исключением другой инструмент китайской «мягкой силы», вынужденно вышедший на первый план в 2020 году, – так называемая медицинская дипломатия. Именно она стала одним из главных факторов усиления КНР на мировой арене. «Мягкую силу» медицинской дипломатии Китая можно разделить на несколько элементов.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11].

Однако проблему медицинской дипломатии как инструмента «мягкой силы» нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

I. Успехи Китая в борьбе с пандемией как инструмент «мягкой силы».

В конце 2019 г. в китайском городе Ухань вспыхнула пандемия нового типа коронавируса, впоследствии распространившаяся на весь мир. Благодаря оперативному закрытию Уханя и провинции Хубэй, введению режима карантина по всей стране, а также полной мобилизации всех государственных и общественных институтов, уже к апрелю 2020 г. Китаю удалось локализовать эпидемию и свести к минимуму число новых случаев заражения.

В то же время в мире пандемия только набирала обороты, и уже к середине весны 2020 г. Италия, а затем и США в несколько раз обогнали КНР по количеству зараженных и умерших от COVID-19. Западные медиа, политики и общественные организации начали обращать внимание на различные методы противодействия пандемии, к которым обращался Китай и другие страны. Способность китайских властей в кратчайшие сроки закрыть многомиллионный город на карантин и мобилизовать весь социум одновременно поражали и воодушевляли европейцев и американцев.

Так, например, оценил предпринятые КНР действия глава Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Гебреисус: «Я помню, как представитель Великобритании заявил на конференции, что действия Китая были героическими, потому что, когда вы закрываете такой город, как Ухань, вы ожидаете серьезных экономических и социальных последствий. Но Китай принял необходимые меры, которые способствуют укреплению безопасности в мире, и отрицать их неправильно» [14].

Мировые СМИ обращали внимание не только на возможности государственной машины КНР, но и на китайскую систему здравоохранения. Такую оценку китайским больницам, которая потом разошлась по СМИ, дал руководитель исследовательской группы ВОЗ Брюс Эйлвард, посетивший Китай в феврале: «Если я заражусь вирусом, надеюсь, что меня будут лечить в Китае. Я спросил врачей, сколько в больнице аппаратов ИВЛ? Они мне ответили, что 50-60. На вопрос, сколько у них имеется аппаратов ЭМО (Экстракорпоральная мембранная оксигенация), мне ответили «5». Даже в пяти европейских больницах вы не найдете столько же оборудования, сколько в одной китайской» [13].

Коллапс системы здравоохранения США, главного экономического и торгового противника Поднебесной, контрастировал с успехами противоэпидемической борьбы Китая, в результате чего имидж Поднебесной на мировой арене только усиливался. Таким образом достижения в подавлении COVID-19 стали фактором «мягкой силы» КНР.

II. Роль международного сотрудничества в медицинской дипломатии КНР.

С самого начала пандемии КНР активно сотрудничала с ВОЗ, другими

международными организациями и правительствами иностранных государств в вопросах исследования, профилактики и борьбы с COVID-19. Одним из элементов международного сотрудничества в области здравоохранения стала гуманитарная помощь Китая наиболее пострадавшим от коронавируса странам – один из ключевых инструментов китайской «мягкой силы».

«Международное сообщество должно активизировать свои действия и решительно бороться с глобальной вспышкой коронавируса, подавлять распространение эпидемии. Китайская сторона готова делиться с заинтересованными странами практикой в сфере профилактики и контроля заболевания, развивать исследования и разработки в области создания вакцин и производства лекарственных препаратов, оказывать помощь странам, где произошла вспышка заболевания» [16], – заявил Председатель КНР Си Цзиньпин на экстренном саммите лидеров G20 в марте 2020 г.

К 31 марта 2020 г. китайское правительство предоставило 120 странам и 4 международным организациям хирургические маски, респираторы, защитные костюмы, наборы для тестирования нуклеиновых кислот, аппараты ИВЛ и другую помощь [17]. Кроме того, в формате видеоконференций китайские врачи и ученые регулярно делились опытом и знаниями в области тестирования, отслеживания контактов, мер профилактики и контроля, клинического лечения коронавируса с иностранными коллегами. Страны Южной и Юго-Восточной Азии были основными получателями медицинской помощи Китая.

Европа стала главным полем дипломатической битвы Китая и США. Китайское правительство и частные компании (например, Huawei, Alibaba) направили миллионы масок, тестов и других медицинских изделий в Италию, Испанию, Францию, Германию, Бельгию, страны Восточной Европы. Правительства Сербии, Венгрии и Чехии поблагодарили Китай за его медицинскую помощь и, напротив, критиковали Евросоюз за его запоздалый инертный бюрократизм в борьбе с пандемией [10].

В то же время США показали себя не с лучшей стороны и однозначно проиграли Китаю в борьбе «мягких сил» в глазах европейцев. Так, например, в марте американские военные вывезли из Италии, где вспышка COVID-19 достигала своего пика, 500 тыс. «тампонов», которые используются в процессе тестов на коронавирус. Тогда же мировым СМИ стало известно, что США пытались выкупить у немецких фармакологических компаний технологию вакцины от коронавируса, чтобы присвоить это достижение себе. Все эти действия не только наносили имиджевый урон США, но и демонстрировали превосходства китайской дипломатии и «мягкой силы».

III. Интеграция концепций и будущее политики «мягкой силы» КНР.

В условиях экономического кризиса и эпидемиологических сложностей, возникающих в международной торговле, Китай вынужден временно откладывать реализацию программы «Один пояс, один путь». Однако руководство

КНР уже готовится к интеграции медицинской дипломатии в эту концепцию. Речь идет о «Шелковом пути здоровья» (健康丝绸之路), в рамках которого Китай планирует распространять свои вакцины и медицинские изделия в развивающихся странах, тем самым повышая свой авторитет в мире [15]. В рамках этой программы Китай на начальном этапе предоставит 10 млн доз препарата от коронавирусной инфекции развивающимся государствам.

Рассматривая будущее Китая на мировой арене в контексте «мягкой силы», нельзя забывать о намерениях китайского руководства провести Зимние Олимпийские игры 2022 в Пекине. Если планы КНР не изменятся, то эта Олимпиада станет самым крупным международным событием с момента пандемии. Тот факт, что это событие произойдет в Пекине, только увеличивает имидж Китая на мировой арене.

Подводя итоги, можно сказать, что медицинская дипломатия вместе с другими элементами «мягкой силы» и внешней политики создала обширное геополитическое пространство для Китая как глобальной мировой державы. Это стало возможным благодаря тому, что китайская дипломатия создала благодетельный образ Поднебесной среди многих стран международного сообщества. Кроме того, критика Китая в вопросах пандемии со стороны США была однозначно подавлена числом поддерживающих КНР стран, которые получали и продолжают получать помощь от Поднебесной. «Мягкая сила» Китая в области глобального здравоохранения помогла стране извлечь максимальную пользу из чрезвычайной ситуации, связанной с пандемией коронавируса, и получить политическую и экономическую возможность расширить свое влияние в глобальной мировой политике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Виноградов И.С.* Таджикистан и Китай. Сотрудничество на современном этапе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 12.
2. *Вэй Юйжуй.* Влияние пандемии на развитие отношений Китая и других мировых государств // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 4.
3. *Давыдов В.Н., Кинг Ж.А., Мугадам М.М., Зоткина А.Л.* Антивирусный индекс безопасности как критерий стабильности государства // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2021. № 2.
4. *Жао Тяньтянь.* «Китайский путь»: основные особенности и перспективы развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. № 11.
5. *Ли Цзиньян.* Перспективы всестороннего сотрудничества между Китаем и Африкой в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 4.
6. *Плющиков В.В.* COVID-19 как бедствие: принципы международного сотрудничества // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 6.

---

7. Фалалеев М.А., Ситдикова Н.А., Нечай Е.Е. Динамика международных политических процессов в контексте пандемии COVID-19 // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 1.

8. Чжан Лумэн. Изменения в мировом порядке в постэпидемическую эпоху и ролевое позиционирование Китая // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2021. № 1.

9. Юйхань. Мягкая сила в политике КНР в азиатско-тихоокеанском регионе // Вопросы политологии. 2021. № 5.

10. China's 'mask diplomacy' wins support in Eastern Europe. The Detroit News. 14.04.2020.

11. Khoperskaya L. L., Pshenichnaya N. Y. Coronavirus: The Foreign Political Dimension // Political Science Issues. 2020. № 3.

12. Priya Gauttam, Bawa Singh, Jaspal Kaur. COVID-19 and Chinese Global Health Diplomacy: Geopolitical Opportunity for China's Hegemony? // Millennial Asia. 2020. Vol. 11 (3).

13. WHO Emergencies Coronavirus Press Conference – Dr Bruce Aylward 25 February 2020.

14. World Health Organization Emergencies Coronavirus Press Conference 12 February 2020.

15. “健康丝绸之路” 为生命护航. 抗击疫情离不开命运共同体意识. 人民日报. 24.03.2020 (Жэньминь Жибао «Здоровый Шелковый путь» сопровождает жизнь. Борьба с эпидемией неотделима от осознания Сообщество единой судьбы).

16. 习近平. 携手抗疫 共克时艰——在二十国集团领导人特别峰会上的发言 [N]. 人民日报, 27.03.2020 («Си Цзиньпин: вступаем в борьбу с эпидемией и вместе преодолеваем трудности», «Жэньминь Жибао»).

17. 2020年3月31日外交部发言人华春莹主持例行记者会 (Пресс-конференция официального представителя МИД КНР Хуа Чунь-ин 31 марта 2020 г.).

NA ZHAO

*Postgraduate student of the Department of
Political Science of the East, Moscow State
University named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

THE ROLE OF SOFT POWER IN THE FORMATION OF THE PRC AS A GLOBAL LEADER

2020 has become one of the most significant periods for China in strengthening its position in the international arena. Resolute and effective suppression of the coronavirus pandemic within the country, humanitarian and economic assistance

---

to foreign countries in the fight against COVID-19, scientific and mobilization contributions to the global health system, plans to build the «Silk Road of Health» – all these elements of the “soft power” policy played their part. role in improving the image of the PRC. In this article, we will analyze the new instruments of «soft power» of Chinese diplomacy in the context of China’s foreign policy ambitions.

Key words: *China, «soft power», diplomacy, coronavirus, pandemic.*

РОЛЬ США В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ДЕБАТОВ

В настоящей статье рассматривается процесс становления предвыборных теледебатов как формы политической коммуникации. Так как родиной предвыборных теледебатов считается США, то особый интерес вызывает формирование и развитие этой традиции политической коммуникации в указанном государстве.

Сегодня телевизионные дебаты являются неизбежным этапом предвыборной гонки во многих демократических государствах. В некотором смысле, теледебаты отражают степень политической, гражданской, демократической, информационной зрелости современного общества и являются предметом исследования для ряда научных дисциплин.

Цели/задачи. *Обосновать важность телевизионных дебатов как разновидность политических дискуссии в процессе реализации избирательных кампаний.*

Методология. *В исследовании использовались методы сравнительного анализа, синтеза, конкретизации, формально-логический и другие методы научного исследования.*

Вывод. *Исследование признаков телевизионных дебатов как неотъемлемой части предвыборной кампании позволило сделать вывод, что анализируемый вид публичного состязания политических лидеров трудно рассматривать исключительно как политическое событие, но и невозможно трактовать их только как медийное явление. Однако многослойность и разносторонность значения теледебатов не ограничивается вышеперечисленным. Предвыборные теледебаты содержат другие важные элементы демократического, гражданского и общественного значения, которые соприкасаются с политическим значением и которые достойны отдельного внимания.*

Ключевые слова: *президентские предвыборные теледебаты, признаки предвыборных дебатов, вещание, политическая коммуникация.*

Период с 20-х по 60-е годы XX века является важным не только для истории развития средств массовой информации, но и с точки зрения истории

развития различных по формату политических обращений и политического содержания в медийном поле. Инновационная мысль, которая проявляется в развитии радиосетей, создании и распространении телевидения, также находит свое проявление в переходе предвыборных кампаний политиков в поле СМИ и в самом формировании многих современных политических и медийных традиций. Телевизионные дебаты, в том виде, котором они существуют сегодня, в большинстве своем берут начало как с научно-технических, так и с коммуникационных, политических и информационных нововведений и достижений. Этот период можно назвать переходным с нескольких точек зрения.

Во-первых, классические формы политической речи уже не сопоставимы с техническими, и всеми вытекающими из них достижениями века. Как только появляются новые средства массовой информации, отпадает необходимость произносить такие речи в различных закрытых совещательных залах и на открытых митингах, и больше нет нужды объезжать всю страну, чтобы лично держать речь перед избирателями или их представителями. Во-вторых, появление вещательных СМИ приносит не только новые, более сжатые формы политических обращений, но и средства, имеющие более значимые возможности для широкого распространения этих обращений. В-третьих, если в 1920-30-х годах основными коммуникационными инструментами политической борьбы являются печатная пресса и радио, а, спустя короткий промежуток времени, присоединяется к ним и телевидение, то уже с начала 1950-х годов телевидение постепенно начинает занимать доминирующее положение, благодаря своим преимуществам, связанным, прежде всего, с большой зоной покрытия, а также, конечно, с аудиовизуальными возможностями непосредственного отображения как достоинств, так и недостатков кандидатов – особенности, не присущие ни газетам, ни радио. И наконец, в эпоху вещания и, в частности, телевидения – в случае использования его в качестве средства политической пропаганды – политические команды должны уделять все больше внимания созданию публичного образа своего кандидата (внешность, артикуляция, качество аргументов и контраргументов, степень оповещенности проблемами актуальности, способность формировать политическую повестку, и т.д.). Это связано с тем, что развитие средств массовой информации облегчает процесс сравнения конкурирующих между собой кандидатов, возможность, весьма ограниченная в период, предшествующий телевещанию. Неизбежно на первый план выдвигается такое явление, как включение творческих личностей, компаний или агентств в сферу политической пропаганды, что знаменует собой начало политического маркетинга, не существовавшего до обозначенного периода времени.

В течение первой половины XX века в политической рекламе доминировали радио и печатные издания. Однако, начиная с 1950-х годов, ситуация

постепенно изменилась в пользу телевидения, и радио перестало так часто использоваться в этих целях. Этот переходный период характеризуется обилием коммуникационных инноваций, новых подходов и форматов. Появляются новые форматы политических рекламных роликов. Формируется тенденция создавать сообщения, наделенные кратким, сжатым, но в то же время емким информационным содержанием, которые все больше и чаще находят выражение в телевизионном формате, придавая этому новому информационному средству совершенно иной статус и значимость. В этом смысле примечательной датой считается 1952 год, который, в плане политического эфира, обозначает четкую границу между радио и телевидением: первое начинает уступать второму свое приоритетное положение, установившееся в предыдущие десятилетия. В течение предвыборной гонки 1952 года между генералом Дуайтом Дэвидом Эйзенхауэром и губернатором Эдли Стивенсоном предвыборные ролики кандидатов в последний раз в равной степени транслируются и по радио, и по телевидению. В том же году Эйзенхауэр снимается в сорока коротких рекламных роликах под названием «Эйзенхауэр отвечает Америке» [10. С. 112]. Таким образом, с 1952 года телевидение преобладает над радио [2. С. 167], и начинаются телетрансляции партийных съездов (conventions) для выдвижения кандидатов на выборы [5. С. 41]. Действуют 108 телевизионных станций, а количество телеприемников за предыдущие четыре года достигает с 420 тысяч до 18 миллионов.

Датой первых предвыборных теледебатов, как события общегосударственной важности, принято считать 26 сентября 1960 года. В этот день впервые в телеэфире встретились кандидаты в президенты США – Джон Кеннеди и действующий вице-президент Ричард Никсон. В своем выступлении 21 апреля 1960 года в Нью-Йоркской Академии телевизионных искусств и наук Роберт Сарнофф, президент Национальной радиовещательной службы (National Broadcasting Service, NBS), предложил кандидатам в президенты в течение восьми недель проводить еженедельные часовые дискуссии в рамках программы «Встреча с прессой». «В апреле, – отмечает Роберт Сарнофф, – в соответствии с прошлогодними изменениями в законодательстве, которые разрешили новостным программам, имеющим разделы интервью с приглашенными гостями, отойти от требования «равного времени», NBS предложил представить двух кандидатов в президенты в восьми выпусках программы «Встреча с прессой» продолжительностью в один час каждая. На тот момент, в условиях действовавшего закона, это было единственной возможностью показать в эфире, совместно обменивающихся мнениями кандидатов» [8. С. 59].

17 мая на заседании комитета по коммуникациям, входящей в состав комиссии по внешней торговле Сената, председатель сети CBS (Columbia Broadcasting System) Франк Шентон, в свою очередь, предложил предоставлять кандидатам восемь часов из эфирного времени вечернего прайм-тайма

в период со Дня Труда (Labor Day) до дня выборов. Президент сети ABS Оливер Трэйси в том же комитете предложил, чтобы каждая сеть выделяла в своей обычной сетке вещания восемь часов самого востребованного времени на специальные программы для кандидатов, планируя их выход так, чтобы они предвзяли регулярно транслируемые передачи. Сарнофф, в своем обращении к спикеру Сэму Рейберну, призвал Палату представителей принять специальную резолюцию, которая бы приостановила действие «раздела 315» и отменила для кандидатов в президенты ограничение «равного времени». Он назвал предстоящую дискуссию «Большими Дебатами» (The Great Debates) [7. С. 123]. 27 июля 1960 года Республиканская партия официально выдвинула кандидатуру Ричарда Никсона на пост президента, а через неделю своего кандидата – Джона Ф. Кеннеди – официально выдвинула Демократическая партия. «В то время, когда кандидатура г-на Никсона была выдвинута республиканцами, а неделю спустя от демократов выдвинулся Кеннеди, – отмечает Роберт Сарнофф, – мы, следуя первоначальному предложению, сделанному сетью телерадиовещания NBS, отправили телеграмму двум кандидатам и пригласили их на специальную программу под названием «Большие дебаты». К чести, обоих кандидатов, они сразу же приняли приглашение» [6. С. 59-60]. Джон Кеннеди, не столь известный широкой публике, был заинтересован в участии и быстро откликнулся на приглашение [8. С. 363]. Ричард Никсон в своей телеграмме, направленной в адрес сетей вещания, подтвердил свое участие и отметил желаемые для него условия, уточнив, что совместное выступление кандидатов в президенты должно состояться как полноценный и свободный обмен мнениями без заранее подготовленных текстов или заметок и без прерываний, а также необходимо было предусмотреть время для вопросов панельных групп аккредитованных журналистов [7. С. 77].

9 августа состоялась первая подготовительная встреча команд двух кандидатов, в ходе которой стороны пришли к соглашению по поводу нескольких ключевых моментов, ставших ориентирами для всех четырех встреч-теледебатов кандидатов. В соответствии с этими пунктами, проведение дебатов считалось желательным, они должны были транслироваться одновременно по всем сетям, каждая встреча должна была быть продолжительностью в один час, все дебаты должны были завершиться до 21 октября и, по взаимному согласию, должны были быть включены в рабочий график передвижения кандидатов [7. С. 74-75].

24 августа Палата представителей одобрила Совместную резолюцию № 207 Сената, в которой требование «раздела 315» было приостановлено исключительно для кандидатов в президенты и вице-президенты, что отменяло требование равного времени для текущей избирательной кампании [6. С. 58-59].

Первые телевизионные дебаты, войдя в историю именно как «Великие дебаты», и по сей день ни в малейшей степени не утратили своей истори-

ческой важности, вызывая огромный научный интерес, и став предметом подражания и компонентом предвыборных традиций во многих других демократиях.

По взаимному согласию команд обеих кандидатов и при сотрудничестве сетей вещания, вместо запланированных восьми состоялось четыре встречи. И команды кандидатов, и представители сетей вещания сочли целесообразным, чтобы на встречах в качестве модераторов присутствовали опытные телевизионные комментаторы, и журналисты панельных групп направляли им свои вопросы для участников дискуссии, чтобы взгляды и позиции кандидатов были освещены наиболее эффективным образом [7. С. 73-126].

Впоследствии первые дебаты подверглись критике по той причине, что фактически то, что стало называться «дебатами», на самом деле по форме не напоминало традиционные дебаты, а скорее было «совместной пресс-конференцией в виде одновременного интервью» [1. С. 147]. «Эта серия дебатов, – отмечает Сидни Краусс, – называлась по-разному: «Великие дебаты», «Совместные выступления» (*joint appearances*), «Обсуждение», «Лицом к лицу», но в конечном итоге за ним был закреплен термин «дебаты»» [4. С. 40]. «Дебаты, – отмечает Чарльз Сипман, – не были «большими» в обычном смысле этого слова. Если, по общему мнению, эта дискуссия была беспрецедентной, то ее вряд ли можно считать «эпохальной», как ее часто пытаются преподнести. Нет никаких сомнений [...], что эти дискуссии позволили избирателям сделать более разумный выбор» [9. С. 132].

По мнению Джона Селфи, первые телевизионные дебаты Никсон-Кеннеди значимы с точки зрения создания некоторых прецедентов. Прежде всего, политические дебаты имели место и до 1960 года, но никогда не транслировались по телерадиосетям. Во-вторых, с 1960 года по наши дни не было ни одного случая предвыборных дискуссий кандидатов в президенты, в котором не присутствовал хотя бы один представитель СМИ. В-третьих, формат первых прений, который, по сути, представлял собой форму вопросов и ответов, не претерпел существенных изменений вплоть до выборов 1992 года, когда был введен формат «общественных встреч» (*town-hall format*). В-четвертых, усилиями команд Никсона и Кеннеди была заложена традиция предварительного согласования деталей дебатов, установления условий для их видеозаписи и трансляции, которая применяется уже более полувека [8. С. 361-375].

Во второй половине XX века и в первые десятилетия XXI века, даже после вхождения в Белый Дом, некоторые из президентов США и члены их администраций продолжали успешно проводить кампании в средствах массовой информации. Некоторые исследователи таким блестящим отношениям со СМИ, которые развивали некоторые президенты (в числе последних, например, Барак Обама), дали определение «медовый месяц» [3. С. 590-603].

Таким образом, отметим, что предвыборные теледебаты, как явление политическое и медийное, имеют довольно долгую историю и тесно взаимосвязаны с политической историей США первой половины XX века, а также с историей средств массовой информации и, в частности, с историей телерадиовещательных сетей. В любом случае, США выступают в качестве полноправного первопроходца как с точки зрения создания и развития этого формата политической коммуникации, так и с точки зрения институционализации телевизионных дебатов, принимая во внимание необходимые законодательные шаги, которые были предприняты, чтобы сделать из телевизионных дебатов значимой платформой для демократии.

В этом смысле предвыборные телевизионные дебаты трудно рассматривать исключительно как политическое событие, но и невозможно трактовать их только как медийное явление. Однако, многослойность и разносложность значения теледебатов не ограничивается вышеперечисленным.

Предвыборные теледебаты содержат другие важные элементы демократического, гражданского и общественного значения, которые соприкасаются с политическим значением и которые достойны отдельного внимания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Auer J.J.* The Counterfeit Debate in The Great Debate: Kennedy vs. Nixon, 1960 (Ed. By S.Kraus). Indiana University Press, 2001 (1977).
2. *Dinkin R.J.* Campaigning in America: A History of Election Practices, Westport. Conn.: Greenwood, 1989.
3. *Farnsworth S.J., Lichter S.R.* The Contemporary Presidency. The Return of the Honeymoon: Television News Coverage of New Presidents 1981-2009 in Presidential Studies Quarterly // Center for the Study of the Presidency. Vol. 41. No. 3.
4. *Kraus S.* Televised Presidential Debates and Public Policy, 2nd Edition. New Jersey-London, 2000.
5. *Lower L.W.* Broadcasting in Presidential Campaigns in The Great Debates: Kennedy vs. Nixon, 1960 (ed. by S. Kraus). Indiana University Press, 1977.
6. *Sarnoff R.W.* An NBC View in The Great Debate: Kennedy vs. Nixon, 1960 (Ed. By S. Kraus). Indiana University Press, 2001 (1977).
7. *Seltz H.A., Yoakam R.D.* Production Diary of the Debates, in The Great Debate: Kennedy vs. Nixon, 1960 (Ed. By S. Kraus). Indiana University Press, 2001 (1977).
8. *Self J.W.* The First Debate over the Debates: How Kennedy and Nixon Negotiated the 1960 Presidential Debates in Presidential Studies Quarterly // Center of the Study of the Presidency, 2005. Vol. 35. No. 2.
9. *Siepmann Ch.A.* Where They “Great”? In The Great Debate: Kennedy vs. Nixon, 1960 (Ed. By S. Kraus). Indiana University Press 2001 (1977).
10. *Trent J.S., Friedenberг R.V., Denton Jr.R.E.* Political Campaign Communication, 8th Edition. Lanham, Boulder, New York, London, 2016.

M.T. HAKOBYAN
Candidate of the Department of Print and
Broadcast Media of the Faculty of Journalism
of Yerevan State University,
Yerevan, Armenia

THE USA ROLE IN THE HISTORICAL DEVELOPMENT PROCESS OF CAMPAIGN TELEVISED DEBATES

This article examines the process of formation of pre-election TV debates as a form of political communication. Since the United States is considered the birthplace of pre-election TV debates, the formation and development of this tradition of political communication in this state is of particular interest.

Today, televised debates are an inevitable stage of the election race in many democratic states. In a sense, TV debates reflect the degree of political, civil, democratic, and informational maturity of modern society and are the subject of research for a number of scientific disciplines.

Subject/topic. *This article discusses the evolution of televised electoral debates as a form of political communication. Since the US is considered to be the birthplace of televised debates, it is especially interesting to analyze the formation and development of this political communication tradition in the above mentioned country.*

Today, televised debates are an inevitable stage of the electoral race in many democratic countries. In a sense, the televised debates reflect the degree of political, civil, democratic and information maturity of modern society and are subject to research by a number of scientific disciplines.

Goals/tasks. *To justify the importance of televised debates as a kind of political discussion in the process of conducting election campaigns.*

Methodology. *The study used methods of comparative analysis, synthesis, specification, formal logical and other methods of scientific research.*

Conclusion. *The study of characteristics of televised debates as an integral part of an election campaign made it possible to conclude that the analyzed type of public competition of political leaders is difficult to consider exclusively as a political event, at the same time it is also impossible to interpret it only as a media phenomenon. However, the multi-dimensional and versatile character of televised debates is not limited to the above-mentioned factors. Pre-election debates contain other important elements of democratic, civil and social significance, which are imbued with political meaning and which are worthy of separate attention.*

Key words: *televised presidential election debates, signs of pre-election debates, broadcasting, political communication.*

СОВРЕМЕННЫЕ СПОСОБЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИРАКСКОГО КУРДИСТАНА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

В настоящее время Иракский Курдистан, занимает ключевое геополитическое и геостратегическое положение в ближневосточном регионе, а борьба курдов за независимое государство, делает курдский вопрос актуальной мировой проблемой. После многолетней борьбы и страданий курды в Ираке добились для своего региона статуса субъекта федерации с самыми широкими правами в новом иракском государстве. Рассматривая способы урегулирования конфликта иракского Курдистана, автор приходят к выводу, что регион сталкивается с неопределенным будущим и для его дальнейшего развития необходимо создать сильную и стабильную экономическую систему, основанную на внутренних ресурсах.

Ключевые слова: *Иракский Курдистан, курды, конфликт, потенциал, партии, экономика, нефть, газ.*

Курды являются одними из древнейших народов, не имеющие своего собственного государства. Аналогичные трудности постигли курдов, когда после вторжения Ирака в Кувейт и поражения международной коалиции в начале 1991 года они вновь подняли восстание вместе с шиитским населением на юге Ирака. Восстание было быстро подавлено, и на глазах запада миллионы курдов были изгнаны из своих домов. Многие бежали в Европу и за ее пределы в поисках безопасности. В конце концов их бедственное положение вынудило международное сообщество отреагировать. Запоздало Соединенные Штаты, и Великобритания установили бесполетную зону на севере, что фактически позволило курдам создать полуавтономное протогосударство под защитой Запада. Отметим, что большинство арабских государств не только пытались сдержать хаос в Ираке, но и подавили политическую эволюцию в стране, когда автократы региона сочли ее угрожающей. Эти другие государства, наряду с Ираном и Турцией, тем временем превра-

тили Ирак в шахматную доску для реализации своих различных устремлений, постоянно подрывая любой прогресс страны на пути к стабильности [9. С. 23-33].

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области и связанных с региональными конфликтами подобного рода [1; 2. С. 551-561; 3; 4; 5; 6. С. 188-195; 8; 10; 11; 12].

Однако, проблему урегулирования конфликта иракского Курдистана нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

После 2003 года регион Курдистан был официально признан в новой конституции Ирака, и было Региональное правительство Курдистана было создано в Федеративной Республике Ирак. Так, упорная борьба курдов за свои права и самоопределение привела к образованию в Ираке Курдского автономного региона (КАР). Иракский Курдистан получил свой нынешний статус в 2005 году. Это создало условия для формирования автономной экономической системы в Иракском Курдистане и ее включения в глобальную экономику, что необходимо для нормальной жизни его населения.

На сегодняшний день, Иракский Курдистан является субъектом федерации Иракской Республики с самыми широкими правами и полномочиями. Сила курдского региона вызывает опасения. Это делает каждый новый шаг в повышении уровня самостоятельности КАР непростым. Более того, есть основания считать, что достигнут предел усиления автономии КАР. Курдские лидеры упорствовали, продолжало настаивать на независимости. В 2017 году Масуд Барзани призвал провести референдум о независимости, и один из них был проведен в сентябре того же года; около 93 процентов проголосовали за независимость. Иракское правительство отвергло законность референдума, и напряженность быстро привела к вооруженному противостоянию в Киркуке, в ходе которого правительственные войска восстановили власть и вернули себе территорию, захваченную курдскими пешмергами в борьбе с так называемым Исламским государством в предыдущие годы. В первую очередь это касалось нефтяных месторождений Киркука.

Однако, стоит заметить, что курды вскоре обнаружили, что Турция и Иран намерены любой ценой помешать курдской независимости и что даже Соединенные Штаты, которых курдское руководство считало союзником, не будут вмешиваться, когда иракское правительство сокрушит курдские мечты о независимости. Сегодня, спустя столетие после того, как впервые была выдвинута идея курдского государства, курдская независимость кажется такой же далекой реальностью, как и прежде. Здесь, стоит сказать, что как из заявлений, так и из действий турецкого правительства ясно, что цель этой военной кампании – вернуть границы, установленные

в Национальном пакте в конце Османской империи, под который были бы аннексированы районы Ирака и Сирии.

Стоит заметить, что мишенью являются не только курды, но и сама попытка построить мирное и демократическое общество в регионе в сотрудничестве с этническими и религиозными общинами, такими как езиды, арабы, сирийцы, ассирийцы и туркмены. Так же, как эти попытки были под ударом в Сирии в течение многих лет, так и сейчас они являются мишенью в Ираке.

Изначально борьба курдского народа была мирной борьбой. Однако в результате несправедливости и систематических репрессий против курдского народа, борьба вынуждена была перейти в оборонительное русло. Турция пыталась полностью искоренить присутствие курдов в Турции. Армия Турции атаковала курдские деревни и принуждала их жителей к бегству. В результате таких атак были опустошены почти 4 000 курдских деревень. Подавляющее большинство жителей этих деревень сейчас живут в лагерях для беженцев в Ираке. Турецкое государство считает большой экзистенциальной угрозой, – реализацию политических идей Абдуллы Оджалана, человека, который остается в заключении на острове Имрالي, удерживаемом турецким государством в изоляции более двух десятилетий. Лишить турецкое государство шанса на мир и демократию на Ближнем Востоке – это величайшая политическая амбиция [7. С. 189].

Курды верят, что свобода Абдуллы Оджалана имеет первостепенное значение для мирного урегулирования в Курдистане и в более широком регионе. Так, отметим, что в настоящее время, Организация Объединенных Наций рассматривает курдское дело сугубо как внутренний конфликт, однако на самом деле это международный конфликт. По законам ООН, политическая или военная борьба любого народа или группы меньшинств, которая ведется в течение длительного времени, становится международным конфликтом, а не внутренним, что требует уже непосредственного вмешательства ООН в такие дела. Лидер курдского народа Абдулла Оджалан должен быть освобожден, потому что он борется за международное дело, а не за внутренний конфликт. Понятно, что нынешняя антиасадовская националистическая оппозиция против того, чтобы позволить курдам укрепить свои позиции в Сирии и на севере Ирака, но сегодня этот факт вряд ли стоит драматизировать, поскольку оппозиция будет добиваться свержения Асада вне зависимости от того, как он относится к курдам.

Полагаю, что широкая курдская автономия на северо-востоке Сирии могла бы стать опорной территорией Рабочей партии Курдистана, с которой курды могли бы вести борьбу за свои права в Турции, добиваясь решения о создании аналогичной автономии и в этой стране.

Так, у курдов в Иране наименее неопределенное будущее с точки зрения политических и национальных прав. Однако курдские политические партии все чаще используют концепции, связанные с федерализмом, децентрализа-

цией и региональными механизмами безопасности. Хотя результат сильно связан с тем, что произойдет с Исламской Республикой в Иране, мы все равно должны предусмотреть неожиданные события. Во всяком случае, удивительные изменения последних нескольких лет на Ближнем Востоке могут либо побудить людей повернуть события в свою пользу, либо столкнуться с более жесткими условиями, если ситуация выйдет из-под контроля.

Возможно, к 2030 году события могут принять более позитивный оборот. Возможно, «подъем Курдистана» не приведет к «удару по целостности Турции, увеличивая риски крупного конфликта в ее окрестностях», как это выражено в докладе Совета национальной безопасности.

Различные части Курдистана могут достичь различных уровней политических прав, конституционных механизмов и мер безопасности в рамках обновленной государственной системы на Ближнем Востоке. Другие части Курдистана могут быть в равной степени ответственны за то, как Иракский регион Курдистан участвовал в создании стабильной региональной субгосударственной системы в течение последних двух десятилетий.

Также важно отметить, что за последние десять лет в регионе Курдистана произошли значительные изменения в различных секторах. Однако эти секторы нуждаются во многих реформах для удовлетворения местных потребностей. Новый кабинет министров КРГ в первом квартале 2020 года принял законопроект, направленный на смещение экономики в сторону диверсификации экономики, а не зависимости от нефти и газа. Многие из этих секторов имеют потенциал для дальнейшего развития. Таким образом, ресурсный потенциал региона – ключ к развитию его экономики. Его использование позволит развить различные отрасли экономики, которые будут обеспечивать нефтяную промышленность, а также удовлетворять потребности населения. Такая диверсификация экономики предоставит хорошие условия для развития третичного сектора экономики: образования, здравоохранения, транспорта, связи, науки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Коломейцев Э.М.* Понятие федеративных и этнонациональных отношений как институциональной основы политической стабильности государства // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. № 1.
2. *Кочетков Е.Е.* Особенности федерализма в арабских странах (на примере Ирака) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 2.
3. *Лузан А.А.* К вопросу о политическом урегулировании конфликта или признании ЛНР и ДНР Украиной // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. № 2.
4. *Медведев Н.П., Глебов В.А.* К вопросу о способах урегулирования политических конфликтов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 5 (44).

---

5. Медведев Н.П., Майстат М.А., Краснов Л.Н., Гелеранский П.С., Ивайна М., Макухин А.В., Высоцкий А.В., Камара С.Б., Медведев В.Н., Кетцяна Г.В., Перкова Д.В., Чан Х.Т. Этнополитическая регионалистика: автономия и сепаратизм / Коллективная монография. Сер. Труды научной школы профессора Н.П. Медведева. Москва, 2018.

6. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

7. Прилуцкий А.В. Проблемы и противоречия демократизации иракского Курдистана / Отв. редактор И.А. Гусейнова // В книге: Тезисы докладов ежегодной конференции Студенческого научного общества МГЛУ. 2021.

8. Розенберг В.И. Проблемы эффективного применения СБ ООН в урегулировании сирийского военно-политического конфликта // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. № 5.

9. Хусейн Д. Джа. Теоретические подходы к шагам негосударственных субъектов в мировой политике: глобальная пара-дипломатия Иракского Курдистана (КРИ) // Международные отношения. 2021. № 1.

10. Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение / Коллективная монография. Сер. Труды научной школы проф. Н.П. Медведева. Москва, 2019.

11. Явчуновская Р.А. Военно-политическая обстановка в мире и проблема нарастания конфликтного потенциала // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 3.

12. Lantsov S.A. Ethnic Terrorism and Ethnic and Political Conflicts of the XIX-XX Centuries: Analysis of Socio-Political and Ideological Factors // Political Science Issues. 2020. Volume 10. Issue 1 (35-38).

NAKSHABANDI GAILAN OMAR

*Postgraduate student of the Department of
Social and Political Sciences, Department of
Political Science, Institute of Social and
Philosophical Sciences and Mass
Communications, Kazan Federal University,
Kazan, Russia*

MODERN WAYS OF RESOLVING THE CONFLICT IN IRAQI KURDISTAN AND THE EFFECTIVENESS OF THEIR APPLICATION

Currently, Iraqi Kurdistan occupies a key geopolitical and geostrategic position in the Middle East region, and the struggle of the Kurds for an independent state makes the Kurdish issue an urgent global problem. After many years of

---

struggle and suffering, the Kurds in Iraq have achieved for their region the status of a federal subject with the broadest rights in the new Iraqi state. Considering the ways to resolve the conflict in Iraqi Kurdistan, the author comes to the conclusion that the region is facing an uncertain future and for its further development it is necessary to create a strong and stable economic system based on internal resources.

Key words: *Iraqi Kurdistan, Kurds, conflict, potential, parties, economy, oil, gas.*

DOI 10.35775/PSI.2021.71.7.019

УДК 32.327

М.А. ФАЛАЛЕЕВ

студент кафедры политологии

Дальневосточного федерального университета,

Россия, г. Владивосток

ORCID: 0000-0003-4762-0445

Н.А. СИТДИКОВА

студент кафедры политологии

Дальневосточного федерального университета,

Россия, г. Владивосток

ORCID: 0000-0003-0165-2011

Е.Е. НЕЧАЙ

научный руководитель, кандидат

политических наук, доцент кафедры политологии

Дальневосточного федерального университета,

Россия, г. Владивосток

ORCID: 0000-0002-8509-5728

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В КНР

Последние три десятилетия были отмечены проникновением цифровых технологий буквально во все сферы общественной жизни. За этот период в Китае произошли значительные трансформации государственных институтов. Сегодня КНР – это страна-лидер в области разработки и внедрения новых цифровых сред в процессы управления страной, поэтому изучение того, как они повлияли на Китай особенно актуально. Целью исследования является описание того, как фактор цифровизации влияет на государственные институты в КНР. Авторы систематизировали теоретические данные о традиционных институтах Китая и охарактеризовали тренды их трансформации под действием фактора цифровых технологий. Основными методами работы выступили агрегация теоретического материала, тематическое обобщение и историографический анализ. Результаты исследования свидетельствуют, что трансформация государственных институтов Китая в контексте воздействия фактора цифровизации сопровождается усилением их базовых характеристик и, соответственно, вытекающих из них угроз дестабилизации политической системы Поднебесной. Статья имеет прикладную и теоретическую значимость, может быть использована при подготовке аналитических мате-

---

риалов, а также научных исследований по тематике реалий и перспектив модернизации политической системы КНР.

Ключевые слова: *КНР, цифровизация, институциональные трансформации, государственные институты, электронное правительство, социальный контроль, цифровой суверенитет.*

Цифровые технологии представляют собой значимый фактор развития любого государства в наше время. Сегодня феномен цифровизации не столько подменяет собой существующие политические процессы и явления, сколько дополняет их, придает им новые характеристики. Особый интерес для изучения представляет влияние новых технологий на институты, определяющие базовые принципы государственного управления в той или иной стране. Государство и элементы его структуры сегодня являются базовыми единицами системы распределения власти во всех уголках мира, поэтому изучение их трансформаций в контексте цифровизации является одной из ключевых проблем современной политической науки.

Тематический фокус на государственных институтах Китая обоснован тем, что система институтов государственного управления КНР обладает выраженной спецификой, обусловленной уникальным для региона Северо-Восточной Азии сочетанием политических, культурных и экономических характеристик. Более того, КНР является одним из первых государств мира, которое сумело создать национальную систему государственного управления, основанную на принципах широкого применения цифровых технологий. Уникальность опыта цифровизации и институциональной специфики Китая делают важным описание того, как функционируют государственные институты КНР, при определении закономерностей развития стран со схожими институциональными характеристиками.

Ключевыми понятиями данной работы являются: цифровизация и государственные институты. Операционализация этих терминов позволяет нам в полной степени раскрыть содержание результатов исследования. Теоретическое обобщение содержания работ отечественных [8; 4] и зарубежных авторов [14], посвященных проблематике цифровизации, свидетельствует, что это понятие используется для описания процессов внедрения цифровых технологий, в целях качественного изменения эффективности взаимодействий между социальными субъектами, что делает его универсальным при описании трансформаций внутри различных типов общественных систем. В свою очередь понятие «государственные институты», согласно определениям ряда исследователей, представляют собой набор норм и принципов, регулирующих взаимодействия между обществом и государством [2; 7].

Отправной точкой изучения трансформаций государственных институтов под действием фактора широкого внедрения цифровых технологий

является описание важнейших из них. Хронологический анализ политического развития страны в сочетании с функциональным методом позволяют разделить институты, влияющие на характеристики государственного управления в Китае, на три группы:

1. *Государственно-административные институты*, регулирующие вопросы распределения государственной власти в стране. На протяжении большей части истории Китая мы фиксируем существование уникальной в своем роде системы, которая сочетала в себе действие принципов политической централизации, «вертикальной» иерархизации и легизма, с одной стороны, и институтами сильных местных сообществ, клановости, локализации внутренних экономических отношений с другой [1]. Институциональный дуализм государственно-административных институтов отражает ситуацию, в которой консолидированные элементы системы государственного управления в стремлении снизить влияние малых элитных групп создают и внедряют директивные методы осуществления власти, что стимулирует локальные элиты объединяться для сохранения автономности [13]. Фактически, конфликтное соотношение государственно-административных институтов обеспечивает их воспроизводство.

2. *Социокультурные институты*, влияющие на характеристики политической культуры в Китае. Симбиоз конфуцианской традиции и идеологии коммунизма при низкой атомизации общества и общинности, наследующей от «восточного» принципа производства, обуславливают высокую институциональную значимость социального контроля над действиями отдельных членов общества [5]. Коллективный мониторинг и воздействие на поведение индивидов оказали большое влияние на политическую культуру китайского социума. По классификации Г. Алмонда и С. Вербы она находится в промежутке между патриархальным и подданническим типами, постепенно перемещаясь к последнему из-за роста значения материальных ценностей в сравнении с идеологическими, урбанизации и изменения демографической картины после введения длительных ограничений на количество детей. Значительное влияние на содержание социокультурных институтов КНР оказывает полиэтничность китайского общества. Так функционируют специфические административные механизмы стимулирования интеграции культур народов Китая, применяющиеся в сочетании с комплексной политикой пресечения сепаратистских настроений, как, например, в Тибетской автономии или Синьцзян-Уйгурском автономном районе [11].

3. *Институты внешних связей*, объединяющие нормы и принципы, характеризующие специфику контактов граждан КНР и иностранных акторов. С одной стороны, руководство Китая заинтересовано и активно поддерживает экономическое и технологическое сотрудничество своего населения с другими странами, поскольку это позволяет перенимать и внедрять лучшие мировые практики в процессах модернизации. Исследователи фикси-

руют высокую степень развития торговых, научных и культурно-гуманитарных связей Поднебесной и мира [12]. С другой стороны, негативный опыт вмешательства иностранных сил во внутренние дела государства в ходе Первой и Второй Опиумных войн, Ихэтуаньского восстания, Гражданской войны и Второй мировой войны стали причиной формирования институтов политического протекционизма, действие которых проявляется в создании различных механизмов блокирования внешнего влияния на социально-политическую обстановку внутри страны.

Трансформация государственных институтов под действием фактора цифровых технологий стала катализатором усиления их базовых характеристик. Благодаря использованию больших данных (big-data) и автоматизированных систем мониторинга процессов административного управления, руководство КНР имеет возможность оперативно выявлять, оценивать и ликвидировать аномальные проявления в деятельности аппарата чиновников на всех уровнях власти. В свою очередь, технология премодерации социальных сетей дает властям Китая возможность сохранять монопольный контроль над содержанием публичного дискурса в цифровой среде, что позволяет удерживать стабильно высокий уровень политической гетерогенности в стране.

Цифровизация государственных институтов способствует повышению устойчивости и непрерывности коммуникации между структурными элементами вертикали власти, создавая условия для эффективного реагирования на вызовы времени. Например, быстрые и слаженные действия руководства Китая при обеспечении национального карантина в начале пандемии COVID-19 стало возможным во многом благодаря влиянию цифровых технологий на институты централизации и иерархизации. В то же время цифровизация государственных институтов Китая позволяет локальным лидерам свободно создавать местные сетевые сообщества, которые по функционалу могут дублировать и подменять собою основные каналы цифровой коммуникации. Это создает предпосылки для размывания монополии центра на администрирование каналов коммуникации между властными субъектами на местах, что несет в себе потенциальную угрозу для устойчивости политической системы КНР [9]. Вектор изменения государственно-административных институтов под воздействием цифровизации отражает дуалистичную специфику, лежащую в их основании. Это подтверждается параллельным усилением функционирования институтов как центральной, так и местной власти, что может в перспективе привести к дестабилизации политической обстановки, как это произошло во время протестов в Гонконге в 2019 году.

Изменение социокультурных институтов государства в контексте цифровизации проявилось, в первую очередь, в формировании системы социального кредита и национальной сети видеонаблюдения, которые значи-

тельно повысили эффективность инструментов социального контроля над поведением индивидов [10]. Играя позитивную роль в профилактике маргинальных и девиантных действий граждан, они в тоже время размывают грань между личным и коллективным, что является предпосылкой для конфликта при изменении институциональных характеристик политической системы КНР.

Внедрение новых технологий в функционирование государственных институтов оказало значительное влияние на эволюцию методов агитации. Сегодня в Китае существует развитая экосистема мобильных приложений для идеологического просвещения граждан. Более того, в стране функционирует ряд Интернет-платформ, направленных на оценку профессиональных и личностных компетенций людей, что позволяет повысить эффективность рекрутинга элит, дополняя традиционный институт экзаменов [6]. Важным проявлением цифровизации в социокультурных институтах КНР является также ограничение доступа в Интернет-пространство для регионов, где сильны сепаратистские настроения. Блокируя при помощи специального программного обеспечения большую часть функционала цифровых средств коммуникации в ряде районов страны, власти Китая предупреждают угрозу распространения информации, угрожающей территориальной целостности и политической стабильности страны [15].

Анализ влияния цифровизации на институты внешних связей КНР свидетельствует о том, что возможности цифровых технологий интерпретируются руководством страны, в первую очередь, как угроза для национального информационного пространства и только потом как шанс для развития сотрудничества с международными акторами. Безусловно, важнейшим моментом является здесь отделение китайского сегмента от мирового Интернет-пространства. Контроль над ресурсами обеспечения сетевой коммуникации является краеугольным камнем в концепции цифрового суверенитета [3]. Она заключается в том, что Правительство КНР в стремлении редуцировать возможности иностранных сил через сеть Интернет оказывать влияние на внутривнутриполитическую обстановку в стране, через институциональные механизмы принуждает зарубежные цифровые кампании локализовать часть своих мощностей и инфраструктуры в Поднебесной, чтобы иметь доступ к контролю над функционированием их продуктов на территории страны. В тоже время руководство Китая активно помогает малому бизнесу и гражданам в организации взаимодействий с внешними акторами на базе национальных цифровых платформ, создавая таким образом стимулы для активного использования цифровых продуктов, созданных китайскими разработчиками.

Изучение трансформаций государственных институтов КНР в контексте воздействия фактора цифровизации показывает, что цифровые технологии играют роль катализатора трендов, заданных институциональным дизайном

политической системы Китая. Среди базовых государственных институтов КНР мы выделяем три условные группы: внутригосударственные, социокультурные и «внешних» связей. Их анализ свидетельствует о значительном уровне проникновения цифровых сред в процессы взаимодействия граждан и государства в Китае, что, в основном, позитивно сказывается на эффективности работы властей КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Виноградов А.В.* Внутриполитические вызовы Китаю в начале XXI века // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 3.
2. *Волков М.М.* Становление понятия политической институт // Мир современной науки. 2018. № 5 (51).
3. *Володенков С.В.* Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 2.
4. *Володенков С.В.* Digital-технологии в системе традиционных институтов власти: политический потенциал и современные вызовы // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2018. № 2.
5. *Деметрадзе М.Р.* Истоки консерватизма политической культуры Китая. Центральная зона традиционных конфуцианских ценностей // Политика и общество. 2017. № 7.
6. *Елисеева А.Д., Лейфу Г., Беспалько А.А.* Система социального кредита как инструмент информационной поддержки для современной меритократии // Systems and Management. 2019. № 1 (4).
7. *Карлаков В.С.* Политические институты в контексте институционального и неинституционального подходов // Modern Science. 2019. № 5-3.
8. *Коньков А.Е.* Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 1.
9. *Романовская О.В., Романовский Г.Б.* Цифровые технологии и децентрализация государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8.
10. *Рувинский Р.З.* «Система социального кредита»: исторические предпосылки и доктринальные основания феномена // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 3.
11. *Ставров И.В.* Роль институтов по «делам национальностей» в формировании реализации этнополитики КНР // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. Т. 33.
12. *Сущенко М.А.* Концепт традиционного и модернизационного политического развития современного Китая в Отечественной синологии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 2 (40).

---

13. *Chung J.H.* Centrifugal Empire: Central-Local Relations in China // New York: Columbia University press. 2016.

14. *Kaufmann M., Jeandesboz J.* Politics and ‘the digital’: From singularity to specificity // *European Journal of Social Theory*. 2017. Vol. 20. No. 3.

15. Programming China: The Communist Party’s autonomic approach to managing state security // *MERICCS China Monitor* // <https://merics.org/sites/default/files/2020-05/Programming%20China.pdf>.

M.A. FALALEEV

*Student of a bachelor’s degree of the department
of Political Science, Vladivostok, Russia*

N.A. SITDIKOVA

*Student of a bachelor’s degree of the department
of Political Science, Vladivostok, Russia*

E.E. NECHAY

*Academic Advisor; Candidate of Political Science,
Assistant Professor, Far Eastern Federal
University, Vladivostok, Russia*

DIGITALIZATION AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF STATE INSTITUTIONS IN CHINA

The last three decades have been marked by the penetration of digital technologies into literally all spheres of public life. During this period, China has undergone significant transformations of state institutions. Today, the PRC is a leading country in the development and implementation of new digital environments in the country’s governance processes, therefore, studying how they influenced China is especially relevant. The aim of the study is to describe how the digitalization factor affects state institutions in the PRC. We systematize theoretical data on traditional institutions in China and characterize trends in their transformation under the influence of the digital technology factor. The main methods of work are the aggregation of theoretical material, thematic generalization, and historiographic analysis. The results of the study indicate that the transformation of China’s state institutions in the context of the impact of the digitalization factor is accompanied by an increase in their basic characteristics and, accordingly, the resulting threats to destabilize the political system of the Celestial Empire. This article has a high applied and theoretical significance, since it can be used in the preparation of analytical materials, as well as scientific research on the realities and prospects of modernizing the political system of the PRC.

Key words: *China, digitalization, institutional transformations, state institutions, e-government, social control, digital sovereignty.*

DOI 10.35775/PSI.2021.71.7.020

УДК 32.328

В.Г. СИПОВИЧ

*студент гуманитарного факультета
Российского государственного социального
университета, Россия, г. Москва*

Н.М. КАРАСЬ

*студент гуманитарного факультета
Российского государственного социального
университета, Россия, г. Москва*

Н.В. ЧЕРВЯКОВ

*аспирант гуманитарного факультета
Российского государственного социального
университета, Россия, г. Москва*

А.Л. КРИВОВА

*преподаватель гуманитарного факультета
Российского государственного социального
университета, Россия, г. Москва*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

В статье анализируются глобальные мировые тренды, направленные на уменьшение суверенитета государств. Проводится сравнительный анализ существующих проектов, направленных на формирование и воспитание будущих политических лидеров, способных выполнить эти задачи. Анализируются проблемы, возникающие перед элитами при попытке создания эффективных механизмов воспитания элит. Отмечаются сложности, с которыми столкнулась Российская Федерация при попытках ликвидировать проекты, направленные на укрепление государственного суверенитета. Целью статьи является исследование трансформации места и роли национальных элит в условиях глобализации. Показано противостояние между двумя векторами развития политики – глобальным и национально-ориентированным. На основе проведенного анализа обосновывается, что острая фаза противостояния обоих трендов неизбежна. Разработка стратегий смягчения данного противостояния возможна при условии целостного анализа истоков конфликта и определения путей его нивелирования.

Ключевые слова: *глобальная политика, политические тренды, национальные элиты, глобализация, национальный суверенитет.*

Актуальность данного исследования вызвана необходимостью анализа противоречий, обусловленных процессами глобализации. Одним из важных факторов является и столкновение в глобальном поле нескольких дискурсов-суперцивилизаций: либеральной и традиционной. Разрушение национально-культурной идентичности, рост разрыва между богатством и бедностью, навязывание идеологических и мировоззренческих штампов ведет к осознанию необходимости формирования многополярного мира и возрождению значения национальных элит. Несмотря на то, что национальные элиты стремятся к расширению контактов на внешнем контуре, они подчинены логике национального эгоизма.

Развитие фазы острого политического противостояния на международной арене определяется не только внутренними противоречиями между странами, но и глобальными трендами. Эти тренды формируют политику целых стран, направленную против национальных интересов. В результате чего возникает потребность в противостоянии этим глобальным процессам, что выражается в попытках формирования и воспитания национальных политических элит. Эти элитарные группы должны, с одной стороны, последовательно преследовать национальные интересы своих стран, а с другой – быть активно включенными в процесс мирового взаимодействия.

Цель статьи – выявить закономерности и тенденции формирования национальных элит в эпоху глобализации, оценить риски их функционирования и влияния на стабильность глобальной политической системы, а также сформулировать перспективы их развития.

Постановка цели определяет задачи исследования:

1. Выявить издержки национальной политики государственной власти России.
2. Выявить отличительные черты формирования национальных элит в России и странах Европейского союза.
3. Проанализировать влияние глобальных трендов на стабильность политической системы России.
4. Проанализировать значения выявления философских оснований конфликтной ситуации, обусловленной противостоянием сторонников глобализации и суверенитета.

Для реализации поставленной цели и задач использовались органичные философскому и политическому анализу методы. Сравнительный анализ, использованный в ходе исследования, позволил выявить отличия национальных элит в рассматриваемых странах. Системный метод дал возможность проанализировать взаимосвязи национальных и глобальных трендов в воспитании элит. Диалектический подход позволил выявить противоречия во взаимодействии исследуемых трендов.

В рамках данной методологии были выполнены поставленные задачи. Проведен сравнительный анализ стран, выявлены тренды и векторы развития, а также проблемы, которые требуют комплексного подхода к решению.

Глобализация, а также тренды, создаваемые в ее рамках, оказывают давление на суверенитет многих стран. Влияние на них может иметь как положительный, так и отрицательный характер. Современная цивилизация тяготеет к коротким, горизонтальным связям, что подчеркивает ее явную полиархичную структуру. Возникновение большого количества относительно замкнутых групп, дифференцированных по различным признакам (профессиональным, возрастным, политическим и другим) не позволяют, как это было прежде, воспринимать социум в качестве вертикально ориентированной структуры. Данный тренд наблюдается во многих странах, что позволяет его включить в мировой процесс и отнести к категории «глобальных проблем». Иван Тимофеевич Фролов в соавторстве с Вадимом Валентиновичем Загладиным в своей работе о «глобальных проблемах», выводят ряд параметров, необходимых для обозначения проблемы, как общемировой, глобальной [12. С. 4-6].

Социальные лифты, необходимые для качественного преобразования национально-политических элит, претерпевают изменения. Многие лифты, известные ранее по социалистическому лагерю, перестали существовать в результате преобразований конца XX века. Российское общество инертно ко многим инициативам, исходящим от руководства страны, но в последнее время наблюдается процесс пробуждения и активизации гражданской позиции и общественного самосознания. С другой стороны, эта особенность масс, инертность к импульсам элитарных групп была отмечена в работе Жана Бодрийера «В тени молчаливого большинства, или Конец социального». В его работе достаточно красочно показано, как массы людей, не разделенные на личности и фактически потерявшие индивидуальность, становятся не столько управляемыми, сколько управляющими. Происходит пассивная реакция власти, при которой любой импульс подвержен редукции. Отсутствует и обратная связь, которая помогла бы элитам осознать сложившуюся проблему. Налицо кризис не только власти, но и нарушение связи, прохождение сигналов [1].

Практика в рамках российской политической системы показала, что политические лидеры не способны выделиться из массы несмотря на высокий уровень доступа к гражданам посредством глобальной сети интернет. Властные элиты не смогли в достаточной степени проявить свой потенциал во взаимодействии с обществом через информационную платформу. В связи с этим, одной из важных стратегических задач для руководства Российской Федерации является создание собственных школ политических элит и лифтов для талантливой молодежи. К вопросу о формировании политической и национальной элит, необходимых качествах и компетенциях, в своих работах обращались такие авторы, как Гаман-Голутвина О.В. [2], Крыштановская О.В. [6; 7], Чирикова А.Е. [13], Гельман В.Я. [14].

В течение последних нескольких десятилетий наблюдается тенденция к созданию структуры, которая способствовала бы не только горизонталь-

ному перемещению политически и социально активных граждан, но и вертикальному. В среде молодежи проводится попытка повышения политической культуры в целях формирования новой политической элиты, свободной от давления со стороны традиционных ценностей и направленной на прагматическое решение постоянно возникающих проблем. Несмотря на активные попытки власти обратиться к молодому поколению, заинтересовать его отмечается индифферентное отношение к импульсам, идущим от властных структур. Следовательно, возникает вопрос: чем вызвана данная пассивность? Интерес представителей информационного поколения (молодежь в возрасте от 14 до 25 лет) к политической ситуации как в стране, так и мире достаточно высок. Более того, политический плюрализм, подкрепленный юношеским нигилизмом и особенностями воспитания, при котором родители стремятся быть не авторитарным властителями в семье, а строить отношения на принципах взаимоуважения, говорят о стремлении молодежи принимать более активное участие в политической жизни страны [3. С. 42]. Но данное участие ничем не подкрепляется, отсутствуют необходимые каналы для организации и координации со стороны власти, что, в свою очередь, порождает большую полярность между властью и обществом.

Наблюдается новая тенденция, которая возвращает нас к проблеме все более остро встающей на фоне фазы противостояния глобальных суперцивилизаций – формирование внеглобальной, ориентированной на национальные интересы, элиты.

После неудачной попытки введения таких платформ, как ОНФ (1), «Наши» (2), для политического руководства страны повесткой дня явилась «работа над ошибками» [8]. Были выявлены, проанализированы многие недочеты административного, политического, идеологического характера при создании такого рода проектов. В результате проведенной «работы над ошибками» были сформулированы вызовы и задачи, стоящие перед страной, ее национальной элитой, а также созданы соответствующие структуры, которые позволили, в некоторой степени, создать вертикальные иерархические системы и вовлечь активную часть населения в принятие общественно значимых решений и их реализацию, повысить уровень политического участия, особенно в среде молодежи.

В качестве аргумента приведем проект «Юнармия» (3), целью которого является привлечение к различного рода инициативам молодых людей в возрасте от 8 до 18 лет, что фактически говорит о схожести заложенных при создании идей и принципов с пионерской организацией и частично с Комсомолом, но без марксистско-ленинской идеологической составляющей. Несомненна и патриотическая составляющая воспитания юнармейцев, что говорит о попытках формировать с самого раннего возраста у будущей элиты определенного национально-ориентированного и патриотического мировоззрения. Аналогичные цели можно проследить в декларативных

документах и некоторых иных движениях, таких как МГЕР (4), программа «Лидеры России» (5) и другие проекты, которые дают возможность учесть специфику развития российского общества, в частности, политической системы и развития государства. Они во многом преследуют схожие цели патриотического воспитания национальных элит.

Несмотря на различные причины, в Российской Федерации и Европейском Союзе тенденции имеют один вектор развития - повышение суверенитета через трансформацию политической системы и появление национально-ориентированных, патриотических элит. Их масштаб может иметь как региональную, так и общенациональную форму. Влияние и важность процесса формирования политических элит от этого не уменьшается.

Общепринятая политическая линия Европейского Союза, которая направлена на объединение, мультикультурализм, по всей видимости, не смогла навязать свою волю и свой подход к решению многочисленных проблем, стоящих перед странами Западной Европы. Вполне возможно, что тренд на отделение и преследование национальных интересов в Европе будет активизироваться, что приведет в дальнейшем к реальности, которую продемонстрировал в свое время Владимир Ильич Ульянов-Ленин. В частности, он отмечал: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала решительно и определенно размежеваться» [9. Т. 6. С. 22].

Посыл данного тезиса предусматривает тенденцию к локализации, как антиподу глобализации и ее последствий. В частности, к проблеме противоречивости глобализации, ее положительном и отрицательном влиянии на стабильность общемировых процессов обращался Мануэль Кастельс в своем произведении «Власть коммуникации». Его мысль построена таким образом, чтобы дать понять читателю, что не стоит заикливаться на локальных проблемах, а действовать согласно запросам мирового сообщества, чтобы не оказаться в неопределенности.

Небольшое отступление позволит сформулировать тезис о том, что глобализация является неотъемлемым и неизбежным процессом, который при правильном распределении приоритетности проблем и задач, стоящих перед политическими акторами, способен обеспечить стабильность и порядок на мировой арене.

Мануэль Кастельс писал: «Национальные государства все еще рассматривают сети управления как место для торговли, где они имеют шанс утвердить свои интересы. Вместо того, чтобы сотрудничать ради глобального всеобщего блага, национальные государства продолжают руководствоваться такими традиционными политическими принципами, как: (а) максимизация интересов национального государства и (б) приоритетность личных интересов политических акторов в управлении каждым национальным государством [4. С. 59]. Данные действия могут привести к реверсии и развитию национализма. Несмотря на многомерность международного политического

пространства, большинство политических акторов пренебрегают интересами целостной системы. Преследую собственные, корыстные побуждения, они ставят стабильность мировой системы под угрозу [5. С. 60]. Аргументами данного тезиса могут послужить следующие факты: связь между войной в Ираке, напряженной обстановке с Ираном, усиление военных действий в Афганистане, рост цен на нефть и т.д. Все эти локальные задачи приводят к глобальному экономическому спаду и кризисам.

Поскольку наш мир полиархичен и представляет собой конгломерацию самых разных по размерам и задачам групп, то в них естественным образом формируются лидеры общественного мнения, «местная» элита, важная для своей группы – инфлюенсеры. Их уровень воздействия на аудиторию может быть достаточно высок: иногда настолько, что они могут влиять на политику целых стран (ярким примером является Грета Тунберг) [15]. Они не могут называться элитами в полном, классическом смысле этого слова, но при этом они оказывают воздействие на политические решения. И это относительно новый глобальный тренд, который противостоит политике национального суверенитета. В основе тренда инфлюенсеров лежат некоторые идеи трансгуманизма и либертарианства, такие как техногай-низм, децентрализация, отказ от границ государств и другие [11]. Несмотря на свое влияние, инфлюенсеры зачастую не способны сформулировать политическую идею или поддерживать к ней интерес на высоком уровне относительно продолжительного промежутка времени. Все это стремится к идее постсуверенитета как концепту глобализма [10]. Но они могут формировать мнение и положительный или отрицательный эмоциональный окрас той или иной идеи.

В ходе проведенного исследования было выявлено наличие разновекторных трендов, лежащих в основе политических процессов. Глобальный тренд на уменьшение суверенитета, увеличение мобильности граждан и отказ от принадлежности только лишь одной стране столкнулся с внутренним протестом целого ряда стран. Данное противостояние характерно не только для развивающихся стран, но и для стран с устойчивой, развитой экономикой, которые испытывают экономическое, миграционное давление. Активизация воспитания национально-ориентированных элит привела к тому, что они перешли фазу инстинктивной защиты от глобальных трендов, направленных на хаотизацию мировой архитектуры, и приступили к формированию собственной идеологии, программ, ориентированных на новые способы сохранения национальной идентичности в условиях глобализирующегося мира.

Важным шагом на пути преодоления разрыва между отношениями власти и общества является грамотно проводимая молодежная политика, применение академических разработок успешного функционирования и обеспечения элиты на прикладном уровне. Для успешного становления

национальной элиты необходимо поддерживать дискурс власти и общества (в частности, молодежи) посредством внедрения новых каналов коммуникации в цифровом сообществе, с использованием новых технологий, привычных для информационного поколения.

Построение национальной элиты должно соответствовать менталитету и идейно-ценностному ряду информационного поколения. В ее основе должны быть заложены принципы детерминации исторических паттернов с последующей консолидацией полученных навыков с развитием политической системы в рамках глобального сетевого общества.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) Общероссийский народный фронт – это общественное движение, созданное в мае 2011 года по инициативе президента РФ Владимира Путина, которое объединяет активных и неравнодушных жителей страны.

(2) «НАШИ» – молодежное общественное политическое движение, созданное администрацией Президента РФ путем реорганизации молодежной организации «Идущие вместе».

(3) Юнармия – Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение, созданное в январе и зарегистрировано 29 июля 2016 года.

(4) Молодая Гвардия Единой России – всероссийская общественная организация. Провозглашает активизм. Создана 16 ноября 2005 года.

(5) Лидеры России – открытый конкурс для руководителей нового поколения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или конец социального / Перевод с фр. Н.В. Суслова. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: веки исторической эволюции. М.: РОСПЭН, 2006.

2. *Гудков Л., Зоркая Н.А., Кочергина Е.В.* «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления // Вестник общественного мнения. 2020. № 102 (130).

3. *Кастельс М.* Власть коммуникации [Текст]: учеб. пособие / М. Кастельс / пер. с англ. Н. М. Тылевич / под науч. ред. А.И. Черных. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

4. *Кастельс М.* Власть коммуникации: учеб. пособие / пер. с англ. Н.М. Тылевич / под науч. ред. А.И. Черных. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

5. *Крыштановская О.В.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

6. *Крыштановская О.В.* Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России, 2004. № 4.

---

7. О путинском молодежном движении «Наши». Почему движения нет в 2020 году // <https://zen.yandex.ru/media/politexpert/o-putinskom-molodejnom-dvijenii-nashi-pochemu-dvijeniia-net-v-2020-godu-5fb0c15970f5da1bda56b39b>.

8. Полное Собрание Сочинений В.И. Ленина 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1967. Том 6.

9. *Скородумова О.Б.* Постглобализация как социальный феномен современного общества // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 3 (122).

10. Трансгуманистическая политика // https://ru.wikipedia.org/wiki/Трансгуманистическая_политика.

11. *Фролов И.Т., Загладин В.В.* Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М.: Международные отношения, 1981.

12. *Чирикова Е.* Вертикаль власти в оценках региональных элит: динамика перемен // Политические исследования. 2008. № 6.

13. *Gelman V.* Russia's Elites in Search of Consensus: What Kind of Consolidation? // *Demokratizatsiya*. 2002. Vol. 10.

14. Person of the year // <https://time.com/person-of-the-year-2019-greta-thunberg/>.

V.G. SIPOVICH

*Humanities student Russian State Social
University, Moscow, Russia*

N.M. CARP

*Humanities student Russian State Social
University, Moscow, Russia*

N.V. CHERVYAKOV

*Postgraduate student of the Faculty of Humanities
Russian State Social University, Moscow, Russia*

A.L. KRIVOVA

*Faculty of Humanities Russian State Social
University, Moscow, Russia*

NATIONAL ELITES IN THE MODERN GLOBAL WORLD

The article analyzes global trends aimed at reducing the sovereignty of states. A comparative analysis of existing projects aimed at the formation and education of future political leaders capable of fulfilling these tasks is carried out. The problems that elites face when trying to create effective mechanisms for educating elites are analyzed. The difficulties encountered by the Russian Federation in trying to eliminate projects aimed at strengthening state sovereignty are noted. The purpose of the article is to study the transformation of the place and role of

---

national elites in the context of globalization. The article shows the confrontation between two vectors of policy development - global and national-oriented. Based on the analysis, it is proved that the acute phase of the confrontation of both trends is inevitable. The development of strategies to mitigate this confrontation is possible provided that a holistic analysis of the sources of the conflict and the identification of ways to level it out.

Key words: *global politics, political trends, national elites, globalization, national sovereignty.*

УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМ ОБМЕНОМ, КОНТРОЛЬ НАД КОММУНИКАЦИЕЙ КАК МЕХАНИЗМ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Эволюционные и цивилизационные изменения закономерно повлекли за собой изменения в понимании человеческой природы и развитие коммуникационных и военных технологий. Закономерный итог последовал в виде изменения основных приемов и методов военных действий. Основной упор в борьбе за доступ к ресурсам происходит через контроль над каналами коммуникации и через разрушение культурной составляющей противника.

Ключевые слова: *система, мировоззрение, информационная война, информация, культура, традиция, государство.*

При первом взгляде на мировую историю легко прийти к выводу, что она представляет собой череду войн, протекание и результаты которых определялись постоянно развивающимися технологиями. Современные реалии дают основание говорить о комплексе факторов, провоцирующих изменение отношений к разным типам войн. В научный оборот введены понятия: «информационные войны», «психологические войны», «гибридные войны» [12]. Теперь уже ученые и политики легко оперируют понятием – «ментальная война» [4]. Уже не является чем-то неожиданным в системах управления информационным обменом и контроля за социальными коммуникациями применяемые «технологии регулирования протестной деятельностью» [10. С. 649-660].

Действительно, технологии совершенствовались, население планеты росло, с ним росла и потребность в ресурсах. Войны, как радикальное выражение борьбы за контроль над ресурсами, сопровождали человечество от каменного века и до настоящего времени.

Особое значение имеет тот факт, что человечество является уникальным элементом биосферной системы, и его участие во всех видах обмена в планетарной макросистеме уникально. Человек – представитель единственного вида из населяющих планету, существование, сохранение и развитие которого определяется не только воспроизводством и передачей информации по ге-

нетическому каналу, но в той же мере воспроизводством, сохранением и передачей важной для выживания внегенетической информации, т.е. культуры.

В этой работе мы разделяем мнение, что в большинстве современных исследований культура определяется как особая информационная система, характеризующая саму сущность человеческой цивилизации. В отечественной литературе информационный подход к культуре успешно развивал Ю.М. Лотман, который дал определение человеческой культуры как совокупности всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения [6].

Представляется закономерным тот факт, что развиваемая и накапливаемая культурной средой информация, в том числе научная, в первую очередь активно использовалась в борьбе за ресурсы. Войны и подготовка к ним постоянно стимулировали научный и технологический прогресс.

В постиндустриальном периоде, в эпоху модерна технологический скачок определил актуальность смены военной парадигмы в связи с появлением оружия массового поражения. Слишком высокая плата за применение в открытом противостоянии средств массового поражения актуализировала необходимость поиска иных путей и средств в борьбе за ресурсы и контроль над ними [5].

Текущий уровень развития науки определил через понимание специфичности вида homo смещение «точки приложения рычага» в ходе внутривидового противостояния за ресурсы. На протяжении всей истории противники стремились к физическому уничтожению либо силовому контролю над противником в ходе военного противоборства, но с наступлением эпохи постмодерна произошла переоценка значения в этом процессе информации и культуры. Все более очевидным становится тот факт, что в этом противостоянии необходимым и достаточным условием, «точкой приложения рычага» стало воздействие и контроль над внегенетической информацией как отдельного индивида, так и культурой определенных народов и цивилизаций.

В этих обстоятельствах приходится учитывать, что, генетическая и внегенетическая информация являются определяющими составными частями и организменной и общественной систем. Генофонд человека в процессе эволюции аккумулирует и сохраняет свойства, обеспечивающие адаптивность к окружающей среде через приспособление и (или) доступную активную модификацию среды. Внегенетическая информация также накапливается и развивается в целях адаптации и модификации общественной системы в окружающей ее реальности. Соответствие и сопряжение этих систем не очевидно на первый взгляд, но обязательно и физиологично в соответствии с постулатами системной методологии.

Так в живой природе адаптация видов происходит посредством реализации врожденных и инстинктивных форм поведения в естественной природной среде. Подобный механизм адаптации свойственен представителям всех животных, растений и иных видов. Борьба за ресурсы в природе про-

исходит посредством реализации имеющихся врожденных, генетических механизмов индивидуальных и видовых.

Поведение представителей человеческого вида в процессе активной адаптации определяется в довольно значительной степени способностью использовать внегенетическую информацию, усвоенную и организованную в системах индивидуального и группового мировоззрения (идеологии), и текущей информации, получаемой по каналам коммуникации (путям обмена внегенетической информации).

Получаемая информация соотносится с информацией, ранее включенной в структуру мировоззрения и посредством этого оценивается индивидом на степень объективности, и далее, на доступность для критической оценки. Информация, представляющая собой мировоззренческую систему, формирует коммуникативные фильтры Достоверности и Значимости, которые фактически определяют процесс усвоения знаний и формируют отношение ко всему, что человек воспринимает и познает на протяжении жизни [9]. В дальнейшем, отношение к новому опыту и новой информации определяет переживания индивида и его дальнейшее поведение, и коммуникацию.

Поведение как реакция на восприятие и оценку информации, в свою очередь может быть адаптивным, деструктивным, осознанным и неосознанным. В условиях как явного, так и скрытого противостояния становится очевидным тот факт, что контроль над поведением избирателя для политика, покупателя для торговца, противника для агрессора является самым ценным ресурсом.

Указанная идея не нова, и разработка эффективных технологий контроля над поведением отдельного человека и общественных групп велась с древних времен. Так сущность и приемы профессионально организованной психологической войны выражена еще в наставлениях древнекитайского философа и военного деятеля Сунь Цзы (VI век до н.э.). Он рекомендовал:

- разлагайте все хорошее, что имеется в стране вашего противника;
- вовлекайте видных деятелей противника в преступные предприятия;
- подрывайте престиж руководства противника и выставляйте его в нужный момент на позор обществу (используйте в этих целях сотрудничество с самыми подлыми и гнусными людьми);
- разжигайте ссоры и столкновения среди граждан враждебной вам страны;
- подстрекайте молодежь против стариков;
- мешайте всеми средствами работе правительства;
- препятствуйте всеми способами нормальному снабжению вражеских войск и поддержанию в них порядка;
- сковывайте волю воинов противника песнями и музыкой;
- делайте все возможное, чтобы обесценить традиции ваших врагов и подорвать их веру в своих богов;

- посылайте женщин легкого поведения с тем, чтобы дополнить дело разложения;
- будьте щедры на предложения и подарки для покупки информации и сообщников;
- вообще не экономьте ни на деньгах, ни на обещаниях, так как они приносят прекрасные результаты.

За минувшие пятнадцать веков наработано большое количество приемов манипуляции с внегенетической информацией и развились новые коммуникативные технологии. В борьбе за ресурсы деструктивное использование информации и коммуникации безостановочно совершенствовалось и шлифовалось. Развитие информационных, коммуникативных технологий на базе новых цифровых технологий закономерно привели к тому, что так называемые гибридные войны потеснили традиционные и стали фактически основным инструментом для установления и сохранения контроля над любыми видами ресурсов [2].

Российское общество и территория России в текущий исторический период является едва ли не основным сохранившимся резервуаром доступных ресурсов для реальных политических субъектов. Следует принимать во внимание тот факт, что реальными доступными ресурсами, в период постмодерна в равной степени следует считать ресурсы природные, информационные и генетические. Так, трудно реально оценить масштабы ущерба от «утечки мозгов» и вывоза детей для «усыновления» и «разборки на органы».

При объективной оценке материальных и людских потерь нашего народа по итогам участия во Второй мировой войне, и по итогам поражения в войне «холодной», результаты очевидно продемонстрируют эффективность использования информационного оружия при его применении в гибридной войне.

С учетом всей сложности формулировок критериев оценки культурного ущерба, психического урона для демографии и состояния здоровья населения всех возрастных групп по результатам поражения в «холодной войне» и распада СССР, одним из косвенных показателей перенесенного информационного удара может служить психолого-психиатрическое состояние населения в наступивший период постмодерна. Всплеск уровня болезней зависимого поведения, прогрессирование количества психосоматических расстройств, рост числа депрессивных состояний и суицидов очевидны несмотря на манипуляции со статистикой и замалчивание в СМИ. Вероятно, даже перевод ряда психосексуальных расстройств из категории патологии в разряд нормативного поведения не сможет повлиять на очевидную картину развивающейся психопатологической деградации в современном обществе.

Все более очевидным становится тот факт, что официальные политические и либеральные установки не отменяют принципа системной организации и функционирования индивидуального и группового человеческого со-

знания. Как информационная система, сознание группы и индивидуальное сознание формируется и функционирует в соответствии с законами онтогенеза и ограничено физиологическими параметрами. Восприятие и усвоение информации человеком, как уникальным для биосферы организмом, определяется работой внимания, как волевым проявлением. Воля, в свою очередь, доформируется культурной средой на заданном наследственностью генетическом фундаменте и в конечном итоге определяется взаимодействием этих двух факторов.

Смена постоянного в истории дефицита информации на произошедший в эпоху постмодерна переизбыток, достигающий степени «завала», обуславливает перенапряжение адаптационных механизмов физиологических информационных структур ЦНС. В полном соответствии с шаблонами функционирования динамических систем, состояние составных частей организма, ответственных за информационный обмен по внегенетическому каналу в обязательном порядке отражается на состоянии и функциональности элементов, работа которых обеспечивается генетической информационной системой. «Душа – невидимая часть тела, а тело – видимая часть души» – заметил кто-то остроумно. Действительно, в текущей реальности врачи отмечают рост числа психосоматических и соматоформных расстройств. Динамика криминальной статистики так же не вселяет оптимизма.

Как было указано выше, индивидуальная внегенетическая информация, организованная в базовую подсистему человеческого организма и общества в процессе индивидуальной и групповой адаптации, определяет наличие и постоянное функционирование фильтров достоверности и значимости для входящей информации, того, что человек слышит и видит, того, что старается освоить.

Индивидуальную подсистему внегенетической информации логично обозначить как мировоззрение. Мировоззрение – система взглядов на мир и место человека, общества и человечества в нем, на отношение человека к миру и самому себе, а также соответствующие этим взглядам основные жизненные позиции людей, их идеалы, принципы деятельности, ценностные ориентации (далее – М.). М. является не суммой всех взглядов и представлений об окружающем мире, а их предельным обобщением. Понятию М. близки понятия: «общая картина мира», «мировосприятие», «мироощущение», «миросозерцание», «миропонимание» [11]. Мировоззрение как психический и информационный феномен очевидно и стал в долгосрочной перспективе и мишенью и «точной приложением рычага» для целенаправленного информационного воздействия на информационную составляющую отдельных граждан и государственных систем.

В то же время парадоксальность ситуации проявляется так же в том, что в представлении современного человека, сформированного в поле европейско-христианской традиции, дуальность духа и тела, установленная Декартом до сей поры является аксиомой.

Мировоззрение, как организованный информационный феномен задает фильтры достоверности и значимости для получаемой информации и в соответствии с законами системного функционирования со сменой поколений модифицирует генетическую базу общества. В то же время, в восприятии индивидов, сформированных в поле европейской цивилизации, психика – внутренний мир человека, открытый самонаблюдению, противопоставляется телу и внешнему материальному миру. Одним из опорных пунктов в учении Декарта – их абсолютная разнородность. Этот пункт по-прежнему остается частью общественного мировоззрения и ограничивает возможность системного анализа настоящей ситуации в обществе.

Устоявшиеся шаблоны линейного, аналитического восприятия диктуют, что устранение конкурента в борьбе ресурсы – устранение телесное. Представления о человеческой истории, ставшие частью культуры определяют традиционное представление о военном противоборстве как противоборстве физическом, материальном, направленном на носителя определенного генома. Понятие «война» ассоциируется у основной части населения с кровью, физической смертью и масштабными разрушениями материальных ценностей.

Между тем, субъекты, принимающие активное участие в противостоянии за ресурсы и освоившие системное мировоззрение, профессионально и нешаблонно рассматривают новые возможности воздействия на противника. Все более очевидным становится тот факт, что развитие технологий зачастую значительно опережает изменения в общественном сознании. При этом, темп изменений в сознании различных общественных групп в свою очередь очень разнится.

Так, с развитием генетики ее достижения постоянно рассматривались в интересах военных. К результатам программы «геном человека», транسخемным технологиям присматриваются круги, заинтересованные в создании генетического и этнического оружия. Наиболее достоверный, хотя по понятным причинам односторонний, текст об использовании генной инженерии в военных целях опубликован в 2019 году М.Дж. Эйнско, полковником вооруженных сил США под заголовком «Биооружие следующего поколения» для предоставления в Конгресс. Несмотря на высокий риск и непредсказуемость последствий применения подобного оружия специфичность его применения не позволяет отказаться от подобной идеи несмотря на формальный запрет со стороны мирового сообщества согласно Женевскому Протоколу 1925 года, и Конвенции о биологическом оружии от 1972 года [13].

Нетрадиционный ход военной мысли в этом направлении закономерно выводит на рассмотрение перспектив оружия, нацеленного на повреждение внегенетической информации. Перспективность работ в данном направлении согласуется с данными значительного количества исследований и разработок в области кодирования информации, начиная с академических дисциплин (лингвистики, семантики, фонетики, криптографии и др.) и далее с практи-

ческими наработками психологов, педагогов, рекламщиков, суггестологов, с одной стороны, и с другой стороны – опытом исторического противостояния различных культур (упомянутый выше Сунь Цзы, обращение язычников в христианство и в ислам, вековые наработки колонизаторов и др.).

В то же время обстановка в современном российском обществе представляется уникальной по масштабам применения против него новых типов оружия. В истории имеется достаточно примеров внегенетической, культурной трансформации конкретных народов и культур, повлекших далее значимые демографические последствия. В данном контексте полезно рассмотреть образование новых народов в Европе под влиянием принятия Христианства, новой цивилизации в новом свете после открытия Клонба, и даже произошедших на памяти ныне живущего поколения выделения из сербов хорватов, «мусульман», и украинская «незалежность». С учетом неизбежности диалектического перехода количества в качество, нарастающее применение технологий, деформирующих «физиологичную» культуру и традицию, начинает отражаться на демографическом состоянии обществ носителей разрушаемой внегенетической информации.

Есть гипотеза предполагающая, что термин «политика» происходит от греческого *πολιτικός*, где *πολι* (поли) означает множество, а *τικός* (тикос) – интерес. Действительно, одним из ключевых понятий данного рассмотрения следует считать Интерес, который предопределяет выбор и применение средств в современных гибридных войнах.

Политика, как общественный феномен является переходным понятием между полем государственных и корпоративных субъектов, ведущих войны за реальные ресурсы и областью психологии и философии, в Декартовском понимании, абсолютно не материальным.

Феномен индивидуального и группового Интереса, как феноменом психологический, активно и осознанно используются как оружие в текущей информационной агрессии. Технологии, применяемые при этом, берут начало в областях психологии, психотерапии, психиатрии, психофизиологии и антропологии.

Так, психологи и психиатры различают три вида мышления: наглядно-действенное, образное и абстрактно-логическое.

Наглядно-действенное мышление – отражение связей и отношение предметов и явлений, непосредственно включенных в практическую деятельность человека. Оно используется для решения задач, возникающих непосредственно в процессе практической деятельности, и применяется при манипулировании предметами, часто методом проб и ошибок.

Образное мышление – отражение связей и отношений с помощью содержащихся в памяти образов предметов и явлений, которые в прошлом включались в его деятельность. Вместе с наглядными образами используются и знания, полученные при обучении и воспитании, но в значительно меньшей степени.

Абстрактно-логическое (отвлеченное) мышление – отражение связей и отношений путем оперирования понятиями. Здесь вскрываются такие явления, закономерности, причинно-следственные связи, которые не поддаются чувственному, наглядно-действенному и образному познанию. Именно данный вид мышления позволяет устанавливать наиболее общие закономерности развития природы и общества. Поэтому его еще называют теоретическим [1].

Текущая повседневная деятельность, анализ самых общих поведенческих задач и воплощение коммуникативных решений у большинства членов любого общества протекает с применением образных механизмов мышления. Реализация способности пользоваться абстрактно-логическим, понятийным мышлением сама по себе нуждается в наличии и поддержании в обществе довольно высокого культурного уровня и наличия системы общественных, государственных институтов воспроизводства и разработки специфической внегенетической информации.

Целенаправленно сконструированные транслируемые и усваиваемые населением образы определяют направление внимания, характер коммуникации и волевой активности отдельных индивидов и целых групп.

Текущая активность и интенсивность применения информационных технологий закономерно отражает Интересы определенных политических субъектов и в то же время демонстрирует высокую специфичность и огромное различие в организации их мировоззрения по сравнению с мировоззрением основной массы соотечественников. При видимом облегчении коммуникации, обеспечиваемом развивающимися цифровыми технологиями, содержание и организация мировоззренческой системы предельно разнятся у субъекта и объекта информационного противостояния.

Массированное применение информационного, образного, внегенетического оружия является очевидной демонстрацией того факта, что отличия в мировоззренческих системах достигают того уровня, который дает основание задумываться о возникновении и выделении новых видов *Homo sapiens* и текущем межвидовой борьбе за ресурсы.

С одной стороны, если верить официальной антропологии, различия в генофонде не достигают того уровня, который позволил бы говорить о видовом различии, с другой стороны – уровень агрессии и жестокости в среде человечества по отношению к себе подобным больше напоминает самую жестокую конкуренцию за ресурсы между близкородственными, но уже оформившимися видами. Подобная конкуренция как правило оканчивалась в истории исчезновением менее «зубастого» вида.

Здесь будет логичным предположить, что второй канал сохранения и передачи информации, внегенетический, у человека как общественного существа определил не только условия для нового видообразования, но и возникновение государства, как инструмента сбережения и развития популяции, а возможно, и новых видов.

Такая причина возникновения государства, как общественного института, определяет для него как одну из основных функций – обеспечение и контроль выработки, сохранения информацией внутри общества и обмен информацией с иными общественными системами. Без обеспечения целесообразного обмена и сохранения внегенетической информации невозможно сохранение народа и его существование в будущем, в той же мере как оно невозможно без обеспечения гигиенических мероприятий и продовольственной безопасности.

На протяжении жизни двух последних поколений соотечественники стали свидетелями и жертвами целенаправленной информационной интервенции. В печатных, электронных СМИ, ТВ и радио постоянно и без намека на цензуру при поверхностном анализе легко выделяются прямые вбросы лжи через авторитетные источники, смещение акцентов и манипуляция вниманием, нападки на традиционные ценности и пропаганда новых, пресловутые «окна Овертона», замалчивание и подмена фактов, манипуляция статистическими данными и иные приемы. Подобные технологии, применяемые массивно, непрерывно и продолжительно на фоне разрушения системы образования и отмены педагогики, даже по меркам жизни одного поколения времени, крайне негативно отражаются на психическом статусе отдельных граждан и адаптивности общества в целом.

У Платона в «Протагоре» читаем: «Разумеется, душа питается знаниями, ... Только бы, друг мой, не надул нас софист, выхваляя то, что продает, как тот купец или разносчик, что торгует телесною пищею. Потому что и эти сами не знают, что в развозимых ими товарах полезно, а что вредно для тела, но расхваливают все ради продажи, и покупающие у них этого не знают, разве случится кто-нибудь сведущий в гимнастике или врач. Также и те, что развозят знания по городам и продают их оптом и в розницу всем желающим, хоть они и выхваляют все, чем торгуют, но, может быть, друг мой, и из них некоторые совсем не знают толком, хорошо ли то, что они продают, или плохо для души; и точно так же не знают и покупающие у них, – разве опять-таки случится кто-нибудь сведущий во врачевании души. Потому что ведь гораздо больше риска в приобретении знаний, чем в покупке съестного...» [7].

Подобному массивному, технологичному, дорогостоящему воздействию возможно противопоставить только целенаправленное, системно и методически выверенное противодействие на общегосударственном уровне.

Как цель на начальных этапах представляется целесообразным рассматривать формирование в массе населения в возрастном диапазоне 15 – 30 лет необходимых эмоциональных и волевых установок, краткосрочной и долгосрочной активности в отношении волевой тонизации и повышения осознанности.

Необходимые долговременные и краткосрочные эмоциональные и волевые установки могут быть актуализированы путем целенаправленного

прямого, косвенного, опосредованного доведения до сознания отдельных индивидов и неформальных групп целенаправленно организованной информации. В текущих социальных и политических условиях, при обеспечении доведения оформленной, организованной и достаточной информации с учетом необходимого контекста, можно ожидать формирования общих для населения эмоционально значимых образов. Образность мышления с учетом содержания индивидуального и общественного мировоззрения определяют направленность поступков, коммуникации и общественной деятельности в рамках правового пространства.

Количество вызывающих сходные эмоциональные реакции и отношение образов в обществе, необходимых для физиологического структурирования мировоззрения и эффективной коммуникации должно быть минимально достаточным – три или четыре.

Вербализация необходимых понятий и образов в общественном сознании так же может быть минимальной, либо необязательной. Вместе с тем, особый акцент при доведении информации необходимо делать на их иллюстративности, образности, эмоциональной насыщенности и метафоричности.

В отечественной культурной и научной традиции достаточно открытий и разработок, которые можно использовать наряду с активно применяемыми западными технологиями. «Внушение в широком смысле поистине универсально в человеческих психических отношениях. Оно тождественно пониманию смысла слов и речи: всякое слово, произнесенное на «знакомом» языке, это такое слово, которое неотвратимо вызывает определенное представление. Отчетливое представление становится мотивом действия, и чем оно отчетливее, тем неудержимее воля совершить это действие. Понятое слово или внушенное представление – это одно и то же. Следовательно, можно сказать, что всякая речь, обращенная к другому или другим, есть внушение, хотя сплошь и рядом, начиная с детского возраста, и наталкивающееся на отрицательную реакцию» [8].

К образам, оформлению которых в общественном сознании представляется первоочередным можно отнести образы «Враг», «Свои» и «Мы».

В структуре подачи информации необходимо учитывать обязательность временной организации в сознании указанных понятий - образы «Враг», «Свои», «Мы» в прошлом, настоящем и будущем.

При оформлении указанных образов учитывать объективные параметры отдельных индивидов и групп:

- молодежь (использование образов, информации и формы подачи с учетом актуальности межполовых взаимоотношений, активного периода жизни, коммуникабельности, соревновательности, доминантности);
- женщины (образы и информация с акцентом на потомстве, защищенности, стабильности, благополучии);
- старшее поколение (образы и информация, касающаяся статусности, межпоколенческой связи, надличностных ценностей, вопросов духовности);

– мужчины (образы и информация, касающаяся тем самореализации, активности, доминантности, духовность и надличностных ценностей);

– группы с иным жизненным и конфессиональным укладом (образы и информация на темы неспецифичные и в то же время актуальные для них и смежных групп, акцент на перспективу и специфически поданную историю);

– учет образовательного и интеллектуального уровня не представляется первоочередным (как правило, верят в то, во что хотят верить, независимо от уровня образования и интеллекта).

Для успешной реализации этой работы представляется минимально необходимым:

– наличие идеологического и информационно-координирующего центра, в задачи которого будет входить формирование необходимых образов, выделение критичных для их оформления в общественном сознании параметров и характеристик;

– достаточное количество при условии рационального распределения центров, решающих тактические задачи – доведение информации в сети, сайты, стимуляция активной коммуникации с организацией технологии обязательной обратной связи и в режиме взаимодействия со смежными центрами;

– наличие центров активной реализации мировоззренческих образов в общественной жизни и в быту (кружки, общины, секции, команды, партии и др.) деятельность которых должна быть скоординирована и специфическим образом освещена;

– наличие центров, сориентированных на работу в информационном пространстве, контролируемом информационными интервентами, возможно, антогонистичными образами, с возможностью специфического доведения информации об их работе до целевой аудитории;

– наличие центров и структур способных работать с образами с позиций СМИ (TV, радио) и культуры (кино, литература, живопись, музыка).

С позиции противодействия в «межвидовом» противостоянии, реализуемом средствами современной «гибридной» войны, актуальность подобных действий представляется не только насущной, но и перезревшей. Тем очевиднее тот факт, что достижение реальных результатов в этом направлении даже при наличии необходимых ресурсов невозможно без государственной воли и четкого, юридически оформленного в обществе целеполагания.

Врачи-практики хорошо знают, что формального обращения больного в кабинет врача абсолютно недостаточно для излечения. Исходным и определяющим условием для успешного лечения и выздоровления, особенно в случае тяжелого расстройства, является искреннее желание пациента стать здоровым и готовность прикладывать для этого достаточные волевые усилия, сотрудничество с врачом и понимание, что здоровье не цель, а средство для реализации своего жизненного предназначения.

Теоретические и практические достижения в области различных областей прикладной коммуникалогии, в сочетании с технологическими ин-

формационными наработками, доступны для практического применения, особенно в условиях целенаправленного вовлечения государственных институтов [3. С. 143-154]. В подобных обстоятельствах все более актуальным становится проблема наличия субъекта, способного применить их в интересах основной массы носителя отечественной генетической и внегенетической информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бухановский А.О. и др. Общая психопатология: Пособие для врачей / А.О. Бухановский, Ю.А. Кутявин, М.Е. Литвак. 3-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д: Изд-во ЛРНЦ «Феникс», 2003.
2. Воронцов С.А., Упорников Р.В. Информационный экстремизм и экстремистская деятельность в политико-правовом процессе современной России. Ростов н/Д, 2008.
3. Воронцов С.А., Понеделков А.В. О слабых звеньях коммуникационной деятельности по противодействию коррупции // Коммуникология. 2018. Том. 6. № 1.
4. Ильницкий А. Ментальная война за будущее России // <https://zvezdaweekly.ru/news/20214211636-jxgHZ.html>.
5. Кларк Р., Нейк Р. Третья мировая война: какой она будет? СПб.: Питер, 2011.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001.
7. Платон. Ион, Протагор и другие диалоги. СПб.: Наука, 2014.
8. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история (2-е изд., доп. и испр.). М.: Наука, 1979.
9. Свядоц А.М. Неврозы. 3-е изд. Москва: Медицина, 1982.
10. Слизовский Д.Е., Амиантов А.А. Есть ли у правительства ресурсы справиться с протестным движением? // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Том 11. № 2.
11. Философия: Энциклопедический словарь / Под редакцией А.А. Иванова. М.: Гардарики, 2004.
12. Laura Maria Herta. Hybrid Warfare – A Form of Asymmetric Conflict // https://www.researchgate.net/publication/318730850_Hybrid_Warfare_-_A_Form_of_Asymmetric_Conflict.
13. <https://cyberleninka.ru/article/n/rasshifrovka-genoma-cheloveka-uspehi-problemy-perspektivy>.

A.E. BYLEV

*Master's degree student of the South Russian
Institute of Management – Branch of the Russian Academy
of National Economy and State Construction (RANE&SC),
Rostov-on-Don, Russia*

INFORMATION EXCHANGE MANAGEMENT, COMMUNICATION CONTROL AS A HYBRID WAR MECHANISM

Evolutionary and civilizational changes have naturally led to changes in the understanding of human nature and the development of communication and military technologies. This has logically resulted in the changes in the main techniques and methods of the conduct of hostilities. The struggle for access to resources is mainly fought through control over communication channels and through the destruction of the cultural component of the enemy.

Key words: *system, worldview, information war, information, culture, tradition, state.*

ПОПУЛИСТСКИЕ ПАРТИИ В СКАНДИНАВИИ И ФИНЛЯНДИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Статья посвящена особенностям становления и развития «Датской народной партии», «Шведских демократов», «Истинных финнов», и «Партии Прогресса». Цель исследования заключается в выявлении факторов на региональном и общеевропейском уровнях, оказывавших прямое влияние на степень электоральной поддержки указанных партий на современном этапе их развития. С применением методов содержательного анализа документов, нарративного метода, историко-генетического и сравнительно-исторического методов, выделяются основные факторы, которые оказали позитивное влияние на уровень электоральной поддержки партий на современном этапе их развития. Через призму кризисных явлений, протекающих на данный момент в европейском регионе, автор определяет схожие программные положения популистских партий рассматриваемых стран по вопросам евроинтеграции. В ходе исследования выявляется косвенная взаимозависимость электоральных успехов рассматриваемых популистских партий с региональными и общеевропейскими кризисными явлениями, в частности протекающими в настоящий момент на территории стран-членов Европейского союза. По результатам исследования, делается вывод о том, что влияние популистских партий на политическую жизнь европейского общества является временным несмотря на то, что на сегодняшний день они остаются важными политическими силами в четырех рассмотренных североевропейских странах.

Ключевые слова: популизм, ЕС, Северная Европа.

Рост влияния популистских партий стал одной из значимых тенденций мирового политического развития в последние десятилетия. Так, на сегодняшний день, не существует общепринятого определения понятия «популизм». В различных исследованиях популизм рассматривают как идео-

логию, стратегию, стиль или дискурс. Учитывая европейскую специфику, а также степень разработанности каждого из этих подходов. В данной работе применяется дискурсивный подход.

В связи с этим, предлагаемое определение правого популизма выглядит следующим образом: политический дискурс, основывающийся на сочетании анти-элитизма, протекционизма, национализма, анти-плюрализма и самоотождествления с волей «народа», и ориентированный на достижение электоральных успехов.

Не обошло данное явление и страны Европейского союза. Все большее влияние популисты набирают во Франции, Германии и Италии. Значимые в этом отношении процессы в настоящий момент происходят и в странах Северной Европы, в частности в Дании, Швеции, Финляндии и Норвегии, о которых и пойдет речь в данной статье.

В рассматриваемых странах популистские партии впервые заявили о себе еще в последней четверти XX века, однако стремительную популярность они начали набирать лишь в начале 2000-х годов, а значимой электоральной поддержки они добились лишь в последние годы.

«Датская народная партия» (ДНП) была основана в 1995 году бывшими членами Датской партии прогресса, основанной в 1972 году ДНП последовательно выступает за «ужесточение политики в отношении иностранцев» [4], занимается разработкой социальных программ, в частности в области обеспечения старости и медицины, а также отстаивает права животных [3].

Завоевывать популярность ДНП начала в 2001 году после терактов 11 сентября, когда на всеобщих выборах в Дании получила 12% от общего количества голосов. Следующим шагом к возвышению датских популистов стал миграционный кризис 2015 года, когда ДНП стали второй по величине партией в парламенте. По итогам выборов 2019 года партия получила 8,5% голосов [7].

Партия «Шведские Демократы» (ШД) – самая молодая популистская партия в регионе. Партия была основана в 1988 году, уходя корнями в неонацистское движение. Программа партии включает в себя требования об ужесточении миграционной политики, активном противодействии исламистам и экстремистам, совершенствовании социальной политики и защите прав животных. Члены партии защищают традиционные шведские ценности, за что не редко причисляются к сторонникам радикальных движений. Так, шведский премьер-министр С. Левен публично назвал ШД «нацистской партией» [8], однако, позже принес свои извинения. Несмотря на попытки ШД дистанцироваться от явных проявлений расизма и ксенофобии, скандалы, связанные с высказываниями членов партии, не прекращаются (1).

Тем не менее, в 2010-2014 годах «Шведские демократы» стали самой быстрорастущей партией страны: количество членов возросло в почти три раза [1. С. 55]. Рост поддержки партии был вызван реакционными настроениями против усиливающегося потока беженцев. А после терактов в Париже и референдума в Соединенном Королевстве позиции ШД еще более

укрепились. Тем не менее, на Парламентских выборах 2018 года партия сильно отстала от оптимистических прогнозов, получив только 17,5% голосов, так и не сумев обогнать социал-демократов, и обеспечив 62 из 349 мест в Риксдаге (2). Однако, два традиционных политических блока Швеции «Красные-зеленые» и «Альянс за Швецию» функционально ограничены этими выборами, т.е. ни один из блоков не имеет необходимого большинства, чтобы сформировать новое правительство без включения ШД.

Партия «Истинные Финны» (ИФ) была основана в 1995 году после распада Финской аграрной партии. Партия выступает за ужесточение политики предоставления убежища и иммиграции, считая, что иммигранты не должны иметь возможности распространять свою культуру в Финляндии, а должны ассимилироваться в финской культуре. Программные положения партии ориентированы на социальную защиту интересов финского населения в области обеспечения старости, медицины и уровня социальных пособий [10].

Партия стала второй по величине в Финляндии на парламентских выборах в 2015 году на пике миграционного кризиса в Европе. Тем не менее, в 2017 году позиции ИФ заметно пошатнулись после того, как в партии произошел внутренний раскол, после чего партия ушла в оппозицию, покинув кабмин. Вслед за этим уровень поддержки ИФ снизился до 12% в сравнении с 18%, зафиксированных в 2015 году. Тем не менее, партии удалось занять второе место по итогам Парламентских выборов 2019 года, получив 17,5% голосов избирателей [2].

В Норвегии «Партия Прогресса» (ПП) была основана в 1973 году. Она уходит своими корнями в антиналоговое и антибюрократическое движение. Партийная программа включает в себя пункты об ужесточении миграционной политики, противодействии исламистским группировкам, совершенствовании экономической и налоговой политики, а также защите прав престарелого населения [15]. ПП вошла в правительство в 2013 году, когда лидеры партии призвали правительство к более рациональному расходу «нефтяных денег» для улучшения инфраструктуры страны. На выборах 2017 года популисты повторили свой успех, сформировав правительство вместе с Консервативной партией.

В целом, на сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что популистские партии зарекомендовали себя в качестве важных политических сил в рассматриваемых североевропейских странах.

Таким образом, рассмотрев основные программные требования популистских партий можно определить следующие факторы их возвышения:

1. Быстрая реакция на кризисные явления.
2. Острая критика правящего большинства.
3. Оперирование общечеловеческими ценностями.

Очевидно, что основные программные положения партий сосредотачиваются на решении внутренних проблем рассматриваемых государств. Тем не менее, тенденцией последних лет стало то, что популистские партии

все чаще выносят на повестку дня вопросы, связанные с функционированием их стран в рамках ЕС.

Рассмотрим более подробно позиции популистских партий:

1. По вопросу членства в ЕС. ДНП и ИФ солидарны в вопросе необходимости европейской интеграции стран в рамках Европейского Союза [5; 14]. Наиболее сложную позицию по данному вопросу заняли ШД. В ходе своей предвыборной кампании 2018 года. ШД одним из основных программных пунктов партии заявляли необходимость проведения референдума в Швеции о выходе из ЕС [13].

2. По вопросу полномочий Брюсселя. Все три рассматриваемые партии сходятся во мнении, что в последние годы Европейский союз берет на себя все больше и больше полномочий, которые, по мнению партий, расшатывают национальный суверенитет.

3. По вопросу введения евро. ШД и ИФ считают участие своих стран в еврозоне негативным явлением, призывают к выходу из нее. ДНП выступают против введения евро в Дании.

4. По вопросу размера членского взноса в ЕС. Все три рассматриваемые партии считают, что размер взноса их стран в ЕС является недопустимо большим, что оказывает негативное влияние на налоговую политику стран, что напрямую затрагивает интересы «простого народа».

5. По вопросу пограничного контроля. ДНП заявляет о необходимости введения постоянного пограничного контроля. ШД и ИФ более лояльны в данном вопросе, считая необходимым лишь усовершенствование нормативно-правовой базы по данному вопросу.

Что же касается Норвегии, которая на сегодняшний день, не является членом ЕС, ПП выступает категорически против вступления страны в данную интеграционную группировку [9].

Как мы видим, по большей части рассмотренных вопросов позиции партий довольно близки. Это обуславливает их тесное сотрудничество, в частности, в рамках Европейского парламента [6].

Тем не менее, в целом, на сегодняшний день представляется возможным спрогнозировать будущий спад поддержки популистских партий в Северной Европе. В подтверждение, рассмотрим следующие факторы:

1. Скорое преодоление миграционного кризиса. 6 марта 2019 года Комиссар ЕС по миграции и внутренним делам Д. Аврамопулос заявил, что число мигрантов, прибывающих в страны ЕС с 2015 года, постоянно снижается и, на сегодняшний день, вернулось к уровню ниже, чем в 2013 году [11]. Безусловно, на сегодняшний день все проблемы, связанные с данным явлением не решены окончательно, однако, очевидно, что меры, принимаемые Евросоюзом, однозначно способствуют преодолению кризиса, что деактуализирует большую часть программных предложений рассматриваемых партий.

2. Перспектива усиления влияния Североевропейских стран на ЕС после Brexit. Уход одной из крупнейших стран-членов ЕС, безусловно, окажет

существенное влияние на «баланс сил» в рамках объединения, в частности, в области торговли и конкурентоспособности. В последнее время, многие исследователи все чаще указывают на то, что североевропейские страны способны собой заполнить вакуум, которой возникнет после выхода Соединенного королевства из ЕС, что также ослабляет позиции популистских партий, являющимися сторонниками ведения анти-интеграционной внешней политики.

3. Отказ от выполнений предвыборных обещаний. Отличительной чертой популистских партий, в целом, является игнорирование тех обещаний, которые были заявлены в их программах, что значительно подрывает их авторитет. Так, например, требование ШД о проведении референдума о выходе страны из ЕС, на сегодняшний день не реализовано на практике. Более того, лидер партии Й. Окессон заявил, что партия будет защищать идею о необходимости активного сотрудничества Швеции с внешним миром, в частности в рамках ЕС, и лишь в случае, если такое сотрудничество зайдет в тупик, будет поднят вопрос о выходе Швеции из ЕС [12].

Таким образом, логично сделать вывод о том, что рост электоральной поддержки североевропейских популистских партий является ничем иным как следствием кризисных явлений в европейском обществе. Несмотря на то, что на сегодняшний день, популистские партии являются важными политическими силами в трех североевропейских странах, о которых говорится в настоящем докладе, их влияние на политическую жизнь остается временным явлением.

Тем не менее, демократическим и поддерживающим ЕС силам предстоит еще многое сделать, чтобы не допустить нового усиления популистских партий. В связи с этим, с их стороны возникает необходимость внести значительный вклад в укрепление авторитета и повышение эффективности Европейского Союза.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Так, в ходе журналистского расследования газеты Expressen были опубликованы данные о том, что члены этой партии часто публикуют в закрытых группах социальных сетей комментарии расистского и ксенофобского содержания // <https://www.expressen.se/nyheter/val-2018/sd-politiker-formedrar-offren-for-forintelsen/>.

2. Согласно опросу, проведенному международной Интернет-компанией по исследованию рынка и анализу данных YouGov, каждый четвертый швед был намерен проголосовать за ШД // <https://yougov.se/news/2018/06/25/sd-storst/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Деркач М.А. Правый радикализм в политической системе Швеции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9. Ч. 2.

---

2. Опрос Yle: «Истинные финны» заняли третье место в рейтинге популярности политических партий // https://yle.fi/uutiset/osasto/novosti/opros_yle_istinnye_finny_zanyali_trete_mesto_v_ryeitinge_populyarnosti_politicheskikh_partii/10712622.

3. *Dansk Folkeparti*. Principprogram // https://danskfolkeparti.dk/wp-content/uploads/2017/07/DF_PrincipProgramA5.pdf.

4. *Dansk Folkeparti*. Stramninger på udlændingepolitikken // <https://danskfolkeparti.dk/politik/stramninger-paa-udlaendingepolitikken/>.

5. *Dansk Folkeparti*. Vidste du – om EU // <https://danskfolkeparti.dk/eu/>.

6. European Conservatives and Reformists Group. OUR VISION FOR EUROPE // https://ecrgroup.eu/vision_for_europe.

7. Folketingsvalg onsdag 5. juni 2019, Resultater – Hele landet // Danmarks Statistik: 2019 г. // <http://www.dst.dk/valg/Valg1684447/valgpg/valgpgHL.htm>.

8. Löfven backade i natt om «nazistiskt parti» // Expressen. 10.10.16 г. // <https://www.expressen.se/nyheter/lofven-backade-i-natt-om-nazistiskt-parti/>.

9. Nordiske naboer vil ha egen union – Norge fornøyd med EØS // Klassekampen. 27.07.18 г. // <https://www.klassekampen.no/article/20180727/NTBI/57047075>.

10. Perussuomalaiset. ÄÄNESTÄ SUOMI TAKAISIN // <https://www.perussuomalaiset.fi/wp-content/uploads/2019/02/Eduskuntavaaliiohjelmama-2019.pdf>.

11. Remarks by Commissioner Avramopoulos on progress made under the European Agenda on Migration // https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_19_1573.

12. SD vill reformera EU – skippar utträdeskravet // <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/ngEXko/sd-vill-reformera-eu--skippar-uttraedeskravet>.

13. SD: Därför ändrar vi vår EU-politik // Aftonbladet. 31.01.19 г. // <https://www.aftonbladet.se/debatt/a/A2Kpyr/sd-darfor-andrar-vi-var-eu-politik>.

14. THE FINNS PARTY'S EUROPEAN UNION POLICY // https://www.perussuomalaiset.fi/wp-content/uploads/2019/05/EUpolitiikkaENG_2019.pdf.

15. Våre hjertesaker // Fremskrittspartiet // <https://www.frp.no/tema>.

V.M. OSHCHERKOVA

Master's Student of the Department of European Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

RIGHT-WING POPULIST PARTIES IN NORDIC REGION AND THEIR ATTITUDE TO EUROPEAN INTEGRATION

The article is devoted to the peculiarities of the formation and development of the “Danish People’s Party”, “Swedish Democrats”, “True Finns”, and “Progress Party”. The main factors that have a positive impact on the level of elec-

---

toral support of parties at the present stage of their development are highlighted. Through the prism of the crisis occurring at the moment in the European region, the author defines similar programmatic provisions of the populist parties of the countries in question on European integration. The study reveals a interdependence of the electoral successes of the populist parties in question with regional and pan-European crisis phenomena, in particular, currently occurring in the territory of the European Union member states. According to the results of the study, it is concluded that the influence of populist parties on the political life of European society is temporary, despite the fact that today they remain important political forces in the four northern European countries examined.

Key words: *populism, EU, Northern Europe.*

СПОСОБЫ И МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ КАК АКТОРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОЛИТИКУ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

В сфере мировой политики ТНК выступают прямыми конкурентами традиционной дипломатии: «проявляя большие способности к адаптации, они становятся более эффективными и часто даже располагают более совершенными средствами для разрешения критических ситуаций по сравнению с государствами, международная деятельность которых связана с множеством статусных ограничений» [10]. В статье рассмотрены основные способы влияния ТНК на принятие решений в государствах: экономическое влияние; информационное влияние; политическое; «через связи»; через ЧВК и ВПК.

Ключевые слова: *транснациональные корпорации, способы влияния, национальные государства, информационные способы.*

Основным инструментом ТНК всегда являлись материальные ресурсы. Сегодня экономическая мощь ТНК в мире растет и корпорации активно пользуются своими экономическими инструментами для того, чтобы влиять на политику государств в соответствии со своими интересами. Рассмотрим эти способы. Первый способ экономического влияния *через прямые иностранные инвестиции (ПИИ)*. Капитал чрезвычайно важен для экономического развития страны: ПИИ позволяют привлечь финансовые ресурсы, недостающие национальным экономикам, современные технологии, опыт организации производства и т.д. [8]. Такая выгода для стран-реципиентов интересна, и ТНК могут по-своему на этом играть, инвестируя и иногда спонсируя производство там.

Следующий способ экономического влияния – *воздействие на конкуренцию местных рынков и поглощение местных, не справившихся с конкуренцией, компаний*. Инвестиции иностранных корпораций в отраслях с несовершенной конкуренцией и высоким порогом входа в отрасль (автомобилестроение, электроника и др.) пагубно сказываются на низко-конкурентных экономиках стран-получателей [8]. При отсутствии юридических ограничений и достойных конкурентов ТНК удается занять практически монопольное положение в этих отраслях. В то же время у отечественных производителей практически нет шансов восстановить свои позиции в отрасли, поскольку ТНК намного мощнее экономически и может просто поглотить эти обедневшие компании [8].

Третий способ экономического влияния ТНК – *это регулирования цен и ставок в банках*, в зависимости от собственных интересов. Когда ТНК приобретает монополию в определенной отрасли, она практически полностью контролирует ценообразование и может завышать стоимость. То же самое происходит со ставками в филиалах коммерческих банках (ТНБ), если местное законодательство не ограничивает это.

По мнению Шагурин С.В. и Шимко П.Д., если ранее государство могло с помощью финансового контроля и законодательных актов регулировать национальный рынок валюты и товаров, проводя внешнеэкономическую политику в национальных интересах, то в условиях либерализации финансовых рынков и ослабления валютного контроля транснациональный капитал практически неограничен в своих действиях, он способен обрушить финансовые рынки любого государства [8]. Примером может служить ситуация, о которой Базельский банк международных расчетов предупреждал в своем годовом отчете, указывая на то, что банковская система вышла из-под реального контроля. Последующий мировой финансовый кризис 2008-2009 гг. продемонстрировал спекулятивную природу транснационального капитала и неспособность национальных правительств противостоять этой природе [8].

Так как сегодня ТНК – это не только экономические гиганты, но с приходом новых технологий и Интернета, и информационные. Новым способом влияния ТНК является информация. Раньше спецслужбы десятилетиями собирали полную информацию о человеке, а частные корпорации справлялись с этим за двадцать с небольшим лет, создав новые сервисы – от электронной почты до социальных сетей. Доступ к содержимому электронной почты, информации о посещенных Интернет-страницах и физическом перемещении человека – это самый глобальный контроль людей в истории. Власти большинства стран позволили компаниям иметь всю информацию, но при этом, оставили за собой право доступа к ней в нужное время. Однако национальные правительства оказались неравными в этом доступе, поскольку большинство мировых ИТ-компаний происходят из США и размещают свои серверы в Калифорнии.

Разные страны решают эту проблему по-разному, в зависимости от ресурсов и степени авторитаризма политического режима. Власти Китая создали специальный фильтр для нежелательной информации, а также обязывают мировые компании соглашаться работать в китайском сегменте сети по законам КНР (это было одной из причин конфликта с Google). Другие ограничиваются подозрениями таких компаний, как Facebook и Twitter, в продвижении национальных интересов США во время арабской весны 2010-х годов [8].

Владея огромными информационными данными «Big data» корпорации, чтобы добиться выгодных условий для себя, могут «шантажировать» этими данными правительства государств, и государства, имея реальную потребность в этих информационных ресурсах будут соглашаться на требования ТНК.

IT-корпорации сейчас развиваются с молниеносной скоростью и это развитие дает им в руки возможности формирования общественного мнения, формирования мнения о местных правительствах.

Высокая информированность сделала государства уязвимыми перед кибертерроризмом и кибервойнами. Речь не идет о том, что ТНК обрушивают киберугрозы на правительства, речь в данном случае о том, что при владении такими информационными ресурсами, у них есть такая возможность.

Следующим способом влияния ТНК на государство являются связи. По мнению Красавцевой А.В., «важнейшими направлениями деятельности ТНК в политической области в стране базирования являются взаимодействие и поддержание контактов с руководством центральных и региональных органов исполнительной, законодательной и судебной власти государства, политических партий и общественных организаций, СМИ; это, в свою очередь, достигается путем ротации кадров между ТНК и важнейшими госорганами страны пребывания, активного участия корпораций в избирательном процессе, лоббирования интересов компаний» [3].

В наиболее развитых странах политическая элита, в руках которой сосредоточена власть в государстве, и бизнес-элита транснациональных корпораций, по сути, представляют собой один социальный класс, в котором происходят постоянные перетасовки и ротации кадров. [3]. Данное явление называется «Вашингтонская карусель» – феномен, широко распространенный в США, когда представители правящего класса, высокопоставленные чиновники, занимающие должности в Госдепартаменте США, администрации президента и другие представители бюрократии, проработав определенное время на государственной службе, переходят на руководящие должности в транснациональные корпорации [3] и наоборот. В результате происходит процесс взаимопроникновения и слияния государства и бизнеса, слияние аппарата транснациональных корпораций с аппаратом государства, формирование единого бюрократического корпуса как для государства, так и для крупных ТНК.

Четвертый способ влияния ТНК на политику стран – политические инструменты. Лоббирование политических интересов ТНК на международной арене получило настолько широкое распространение, что ТНК часто называют «международными группами давления» [2]. А.В. Красавцева утверждает, что «диапазон методов вмешательства ТНК в дела принимающих государств, способов влияния на политическую и социальную обстановку в этих странах весьма широк; корпорации вносят свой «вклад» в избирательные и другие фонды местных политических партий, имеющие своей целью получение определенных коммерческих выгод, косвенно влияя при этом и на политический курс страны пребывания» [3]. По мнению А.В. Капкиной, «сама возможность получить на то или иное политическое решение негативную реакцию корпораций является для политиков серьезным сдерживающим фактором» [2].

По словам М. Лебедевой, первым официальным свидетельством роли ТНК как участников мировой политики стал Глобальный договор ООН, инициированный Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном в 2000 году [4]. Этот документ призывает корпорации соблюдать определенные стандарты поведения на международной арене (своего рода хартия ООН для корпораций). «Хотя очень сложно измерить влияние компаний в цифрах, есть примеры, с которыми сложно спорить. Например, БРИКС – это организация, созданная государствами под влиянием идеи Goldman Sachs» (О том, как экономист Goldman Sachs Джим О'Нил придумал БРИКС, журнал «Власть» статья «Фонд преткновения» № 12 от 1 апреля 2013г.) [4], – отмечает М. Лебедева.

Последним способом влияния ТНК на государство в данном пункте будет рассмотрен способ влияния через частные военные компании и военно-промышленный комплекс. Суверенитет государства даже сегодня в 21 веке, веке технологий и информации, зависит от возможностей страны обеспечить себе военную защиту. Поэтому стратегически важное значение имеет производство оружия. Некоторые страны закупают оружие на мировом рынке, не имея собственных ТНК в этом секторе [8]. При этом ТНК могут оказывать давление на покупателя с целью увеличения прибыли. Такое давление может выражаться следующим образом: в потенциально напряженном регионе, где расположено несколько стран-соперников, определенный тип оружия с уникальными характеристиками будет продаваться не всем государствам, а только избранным [8]. При отсутствии давления со стороны собственного государства (базирования), что случается не так часто, ТНК выберет те страны, которые будут соответствовать условиям, выгодным ей [8].

Транснациональные корпорации не только производят оружие, но и берут на себя функции, которые раньше выполняло только национальное государство. Вслед за немецким социологом Максом Вебером многие ученые считают главной чертой государства монополию на законное насилие. Однако эта монополия все больше подрывается появлением частных военных

компаний (ЧВК). В США деятельность ЧВК обеспечена государственное лицензией [8]. ЧВК осуществляют набор наемников, проводят обучение, предоставляют консультативные услуги, техническую поддержку для охраны компаний. ЧВК берут на себя функции защиты собственности и сотрудников корпораций, выполняя логистические и разведывательные задачи. Несмотря на то, что международное и национальное законодательство запрещает ЧВК участвовать в боевых действиях, тем не менее ЧВК принимают участие в вооруженных конфликтах [1]. Так, американская компания Blackwater получила всемирную известность в октябре 2007 года, когда ее сотрудники убили и ранили 37 мирных жителей в Багдаде, расчистив дорогу для кортежа [1]. В результате расследования стало известно, что в период с 2005 по 2007 годы сотрудники компании примерно 200 раз применили оружие в Ираке, причем в 75% случаев они открывали огонь первыми. По данным исследовательской службы Конгресса США, в марте 2011 года сам Пентагон нанял более 28 тысяч сотрудников ЧВК в Ираке и Афганистане [1]. Но стоит сделать оговорку, логично, что ЧВК действовали не как самостоятельные акторы, а по договору, заключенному с правительством США, так как ЧВК как любые ТНК преследуют в первую очередь прибыль.

Авторами были рассмотрены и проанализированы данные, которые могут отражаться на росте влияния ТНК в государствах. Ниже представлены постоянные переменные государства, предложенные авторами статьи, от которых будет зависеть влияние ТНК на политику страны:

1. *Политический режим страны и политическая стабильность.* Демократические страны более открыты для ТНК, чем страны с авторитарным и тоталитарным режимами, так как правители воспринимают ТНК в таких странах как непосредственных конкурентов власти.

2. *Открытость страны для контактов с ТНК* (закрытая, средняя, открытая). Так к закрытому типу стран можно отнести КНДР, среднему – Россию, открытому – страны Европы, Латинской Америки, Африки.

3. *Уровень экономического развития* (слабо развитые, развивающиеся, развитые). Основное количество дочерних компаний приходится на развивающиеся страны, так как в них относительно спокойная политическая и социальная обстановка, но при этом не жестко фиксированы налоговые, экологические и другие нормы.

4. *Уровень коррупции в стране.*

5. *Стоимость рабочей силы* (высокая/дешевая). Данный показатель зависит, как правило, от уровня экономического развития страны, ТНК по данному критерию привлекают страны с дешевой рабочей силой.

6. *Наличие природных ресурсов и их доступность.* Как известно большинство ТНК относятся именно к добывающим, а для этого им необходимы новые месторождения ресурсов (нефть, газ, цветные металлы, древесина и т.д.).

7. *Экологические нормы (высокие/низкие)*. Страны с низкими экологическими нормами остаются привлекательны для ТНК, так как в них можно вывозить вредное производство.

8. *«Подвижность» местного законодательства, в том числе системы налогообложения*. В данном случае для ТНК ищут наиболее выгодные для себя страны, и при помощи давления на правительство адаптируют определенные законы и нормы под себя.

9. *Свобода и независимость местных СМИ*. СМИ как агенты власти, посвящают общество в реальность придуманную или правдивую зависит от того, насколько они независимы. Точно так же, как власть, ТНК могут диктовать СМИ информационную политику или же СМИ будут представлять деятельность местных ТНК в реальном виде, что будет ограничивать ТНК в противоправных действиях (подкуп, нарушения экологического законодательства и другое).

Таким образом, можно подвести итог и сделать выводы, что на сегодняшний день способы влияния ТНК на процесс принятия решений в государствах как базирования, так и в принимающих странах – разнообразны. Основными являются экономические, информационные, политические, «через связи», через ЧВК и ВПК. Новыми методами воздействия ТНК на политику стран можно считать информационные способы и новые технологии в военной промышленности. Масштаб «влияния» ТНК зависит от характеристик, принимающей страны: ее политического режима, открытости, экономического состояния, законодательной базы и другое. В свою очередь ТНК нельзя назвать абсолютно самостоятельной системой, так как сами ТНК являются инструментами стран своего происхождения. В данном пункте освещается какими формами политического влияния ТНК обладают, но наличие способов влияния на политику государств, подтверждают лишь то, что ТНК не лишены «политической руки», но это не доказывает, что ТНК являются самостоятельными политиками на мировой арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Габуев А.* Корпоративные воины. // Журнал «Коммерсантъ Власть». 2013. № 18.

2. *Капкина А.В.* Политическое позиционирование крупного российского бизнеса: механизмы и цели / дис. канд. полит. наук. Капкина А.В. Москва, 2015.

3. *Красавцева А.В.* Роль транснациональных корпораций в мирополитических процессах глобализующегося мира / дис. ... канд. наук. Красавцева, А.В. СПб., 2007.

4. *Лебедева М.М.* Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира // Космополис. 2003. № 1.

---

5. Шагурин С.В., Шилко П.Д. Экономика транснационального предприятия / Учебное пособие. Санкт-Петербург, 2008.

6. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель-Observer. 2013. № 9.

D.V. BRATKOVSKAYA

*Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

A.A. LEONOVA

*Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

PHAM THI MINH HUEN

*Student Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

WAYS AND MECHANISMS OF INFLUENCE OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS AS AN ACTOR OF INTERNATIONAL RELATIONS ON THE POLICY OF NATIONAL STATES

In the sphere of world politics, TNCs act as direct competitors to traditional diplomacy: “showing great adaptability, they become more effective and often even have better means for resolving critical situations in comparison with states whose international activities are associated with many status restrictions” [10]. The article discusses the main ways of influence of TNCs on decision-making in states: economic influence; informational influence; political; “Through communications”; through PMCs and military-industrial complex.

Key words: *transnational corporations, methods of influence, nation states, information methods.*

ВЕРБОВКА КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Вербовка в террористы, как, кого и зачем? Эти вопросы стоят перед каждым здравомыслящим человеком. На сегодняшний день эта проблема широко транслируется с помощью всех средств массовой информации и никогда не станет не интересной. В связи с глобальными изменениями в мире, происходящими как в политических, так в социально-экономических направлениях, терроризм эволюционирует и адаптируется к новым условиям. Развитие новых технических возможностей используется террористами для осуществления вербовки. Автор статьи рассматривает вовлечение в международную террористическую деятельность определенный круг лиц гражданского населения, которые являются угрозой коллективной безопасности в современных условиях. Мы знаем, что в целом распространение терроризма является актуальной проблемой как в мировом, так и региональном масштабах. В современных условиях глобализации на Российскую Федерацию распространяются те же вызовы и угрозы террористической деятельности, что и по всему миру. Немаловажной составляющей для организации и совершения терактов является проведение вовлечения как можно большего количества соучастников, особенно молодых людей. Используя различные экономические, идеологические, социально-психологические и конфессиональные составляющие вербовщики осуществляют свою деятельность через открытую пропаганду, листовки, СМС и интернет. Данная статья рекомендована не только для лиц, интересующихся историей, но и для широкого круга читателей, которым не безразлична данная тема. Эта статья представляет собой не только исследовательскую ценность, но и гражданскую позицию.

Ключевые слова: вербовка, национальная безопасность, вовлечение в террористическую деятельность, экстремизм, глобальные угрозы.

Вовлечение новых членов в террористическую деятельность напрямую влияет на национальную безопасность всех стран международного сообщества. Поэтому в первую очередь следует отразить наиболее актуальные

аспекты, обеспечивающие безопасную, активную жизнедеятельность любого государства: защита граждан, суверенитет, экономические и социально-политические интересы, а также возможность свободного ведения как внутренней так внешней политики.

Исследование террористической деятельности обусловлено возрастанием межнациональных конфликтов, материально-моральных, экстремистских течений и межконфессиональных противоречий мирового масштаба. На фоне процесса развития глобализации и как следствие совершенствования различных видов коммуникаций, национальные террористические организации генерируются в сетевые транснациональные объединения.

В складывающейся ситуации необходимо отметить, что коллективная безопасность, подвергающаяся террористической угрозе, и ее спасение зависит во многом от пересмотра странами использования политики эгоцентрической направленности. Это во многом предопределяет эффективность и продуктивность совместных противодействий террористическим транснациональным объединениям в осуществлении их деятельности, включая вовлечение новых членов. Терроризм и его действия это крайняя форма части гибридной войны, из этого следует, что противодействия и конфронтации представляет для террористов «благоприятную почву» для использования возникших противостояний на основе как современных, так исторических предпосылок. Осуществление вербовки опирается в основном на предпосылки регламентирующееся за счет мотивации, интереса, а также политических, социально-экономических и психологических причин [3. С. 324]. Учитывая, что вербовка это вовлечение, набор, пополнение рядов террористических организаций, то это подразумевает как можно большее количество «новобранцев». И осуществляется с учетом всевозможных составляющих: психологическая неустойчивость, социально-экономические трудности, политические дестабилизирующие факторы в обществе, перераспределение сфер влияния, межнациональные и религиозные противоречия и конфликты (противостояния), исторически сложившиеся территориальные претензии сторон. В политическом контексте при вербовке террористические объединения подразделяются по принципу: правые, левые, националистические и религиозные.

Одним из примеров подтверждение этому является террор, проводимый леворадикальными организациями в 60-х и 70-х гг. XX в. в странах Северной и Южной Америки, Японии и Западной Европы [5].

Особое распространение имеет направление исламского течение, которое в рамках представителей международных террористических организаций и радикально-исламских структур используют значительный комплекс идеологической обработки и втягивания на основе своей трактовки религиозных догматов. Исламисты, устанавливая тотальную ориентацию новых

адептов на ведение агрессивно-наступательных действий (внушение страха, самопожертвование, террористический акт), при внедрении в мусульманские сообщества, исповедующие традиционный ислам пытаются управлять и манипулировать изнутри.

Начиная с 2018 г. на Ближнем Востоке происходят процессы, которые коренным образом меняют обстановку. Боевики ИГ сокращают свое влияние с ранее захваченных территорий с 70% до 5%. Изменение ситуации приводит к тому, что боевики-возвращенцы прошедшие подготовку, вернувшись, будут продолжать свою террористическую деятельность, а также осуществлять вербовку в свои ряды [1].

Исследуя проблему вовлечения в террористическую деятельность, первоначально необходимо определить по каким мотивационным составляющим вербовщикам удастся привлечь людей на свою сторону. Первоочередной задачей вербовщика является разрыв социальных связей жертвы.

Раскрывая методы и способы вербовки в террористическую деятельность, возможно, предопределенно осуществлять организованное и совместное противодействие. Тем самым, выработать методические рекомендации, координировать законодательную, информационную, психологическую, социально-экономическую и военно-политическую помощь в уязвимых регионах мира в социально-экономическом и политическом контекстах.

В зависимости от региона вербовщики применяют как активные, так и пассивные способы вербовки, которые свою очередь требуют погашение издержек. В соответствии с этим финансирование предопределяет выбор способов вербовки.

Учитывая заинтересованность террористических объединений не только в боевиках, но и в высококвалифицированных специалистах во многих областях. Таким образом, вовлечение новых приверженцев в преступную среду охватывает все сферы общества. Тем самым, обеспечивая мероприятия по ведению экстремистской пропаганды, созданию и кибер-защиты интернет-сайтов, съемке видеороликов и видеофильмов. Это подтверждает общемировая статистика, которая основывается на исследованиях политиков. Так, например в ИГИЛ во многих случаях вербуют женщин. Так, из 1000 волонтеров завербованных, около 60 лиц женского пола: одна треть из которых имеют высшее образование и являются гражданами Евросоюза; пятьдесят процентов в возрасте от 16 до 24 лет (самая юная 13 лет); более 20 женщин – австралийки, пятнадцатилетнего возраста. Эксперт в области антитеррористической деятельности и востоковед А. А. Гришин определил, если ранее вовлечение велось обрывочно, то в последнее время работа приняла режим системности с постоянным финансированием. Агитация ведется по всему миру на 24 языках [4].

Вербовщики выбирают своими объектами, как правило, молодых людей, таких как: романтиков, идеалистов, изгоев не адаптированных к взрослой жизни ребят, для которых существует конфликт с окружающим миром. Наряду с объектами вербовки необходимо рассмотреть схему вербовки и механизм ее действия:

– *первый шаг* – «определение жертвы». Наводчик определяет вероятную жертву и ее проблемы в социуме;

– *второй шаг* – «мотиватор». Усиливает и приумножает выявленные проблемы, затем показывает «выход» в «прекрасный мир» ИГИЛ;

– *третий шаг* – «спасение человечества». Мотиватор оказывает давление на адепта с целью веры в необходимость внести вклад в общее дело, направленное на спасение всего человечества;

– *четвертый шаг* – «важный человек». После психологической обработки и возможном использовании психотропных средств, мотиватор организывает встречу с очень важным человеком – вербовщиком.

В связи с тем, что возраст террористов молодеет необходимо проводить противодействие экстремисткой деятельности, которое будет основываться на принципах: гласность, законность, признание и соблюдение прав и свобод человека и гражданина, приоритет обеспечения безопасности, сотрудничество государства и общества в противодействии экстремисткой и террористической деятельности. В рамках гарантий безопасности государству необходимо обеспечить нормативно-правовую основу неотвратимости наказания за осуществление противоправной деятельности (терроризм) и за ее пропаганду. Преобладающее значение имеет предупредительно-профилактические мероприятия направленные на искоренение ксенофобии, националистических и экстремистских течений среди всех социальных групп и институтов общества [2. С. 115-124].

Из этого следует, чтобы проводить действенные мероприятия по прекращению вовлечения молодых людей в экстремистские и террористические группировки необходим комплекс мер различного уровня и характера, например таких как: трансляция теле и радиопередач, направленных на антитеррористическую деятельность; беседы с представителями органов власти, представителями общественных объединений. Противопоставлению пропаганде терроризму и экстремизму во многом необходимо разработать и внедрить программы на долгосрочной основе: сотрудничество с конфессиями, вовлечение неформальных объединений молодежи в правовое поле, организация дискуссионных платформ, расширение возможностей психологических служб, развитие культурного и просветительского взаимодействия. Это поможет сформировать условия для развития благоприятной социальной среды благоприятной деятельности молодых людей. Для результативного противодействия экстремистским и террористическим угрозам, которые дестабилизируют коллективную безопасность, необходи-

---

ма консолидация всего мирового сообщества, межправительственных и государственных институтов власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Веселовский С.* Терроризм в Европе: перемирия не будет // Российский совет по международным делам // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/terrorism-v-evrope-peremiriya-ne-budet>.

2. *Ивоиной О.И.* Международное право в контексте нового миропорядка: традиции и трансформации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2006. Т. 2. № 1.

3. *Гирфанов А.Р., Сергеев С.А.* Терроризм в современной России: причины возникновения и способы противодействия // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17. № 17.

4. Гришин: вербовкой в ИГ на русском занимается 5-10 тысяч пропагандистов // РИА-Новости // <https://ria.ru/20150619/1079078702.html>.

5. *Хоффман Б.* Терроризм – взгляд изнутри. М.: Ультракультура, 2003.

S.V. LAPSHIN

*Master's student of Novosibirsk State
Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia*

RECRUITMENT AS A METHOD OF REPLENISHMENT TERRORIST ORGANIZATIONS

Recruitment to terrorists, how, whom and why? These questions are facing every sane person. Today, this problem is widely broadcast with the help of all mass media and will never become uninteresting. Due to the global changes in the world taking place both in political and socio-economic directions, terrorism is evolving and adapting to new conditions. The development of new technical capabilities is used by terrorists to carry out recruitment. The author of the article considers the involvement in international terrorist activities of a certain circle of civilians who are a threat to collective security in modern conditions. We know that, in general, the spread of terrorism is an urgent problem both on a global and regional scale. In the modern conditions of globalization, the Russian Federation is subject to the same challenges and threats of terrorist activity as around the world. An important component for the organization and commission of terrorist attacks is the involvement of as many accomplices as possible, especially young people. Using various economic, ideological, socio-psychological and

---

confessional components, recruiters carry out their activities through open propaganda, leaflets, SMS and the Internet. This article is recommended not only for people interested in stories, but also for a wide range of readers who are not indifferent to this topic. This article is not only of research value, but also a civic position.

Key words: *recruitment, national security, involvement in terrorist activities, extremism, global threats.*

НАШИ АВТОРЫ

Акопян Марианна Тиграновна – соискатель кафедры печатных и вещательных СМИ факультета журналистики Ереванского государственного университета, Армения, г. Ереван (marianna.hakobyan90@gmail.com).

Алехина Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью в высокотехнологичных отраслях Института иностранных языков Московского авиационного института (национальный исследовательский университет), Россия, г. Москва (olyad25@mail.ru).

Братковская Дарья Вадимовна – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (bratkovskaya.dv@students.dvfu.ru).

Былев Андрей Евгеньевич – магистрант Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, Россия, г. Ростов-на-Дону (bilyvae69@mail.ru).

Евстигнеев Ринат Александрович – аспирант кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета Россия, г. Санкт-Петербург (evstigneevra@gmail.com).

Ермаков Владислав Геннадьевич – аспирант кафедры политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Орёл (vlad-kreml@yandex.ru).

Жалнин Виталий Александрович – заведующий сектором Управления международного протокола Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (zhalnin-va@rudn.ru).

Заславский Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (sezasl@mail.ru).

Карась Николай Михайлович – студент гуманитарного факультета Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (daikan85@mail.ru).

Кривова Анна Львовна – преподаватель гуманитарного факультета Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (krivovaal@rgsu.net).

Кузьмин Александр Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры социальной работы и психологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, Россия, г. Сыктывкар (akuzmin09@rambler.ru).

Лапшин Сергей Владимирович – магистрант Новосибирского государственного педагогического университета, Россия, г. Новосибирск (sevl@rambler.ru).

Лебедева Екатерина Игоревна – аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (bingobol@yandex.ru).

Леонова Анастасия Алексеевна – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (leonova.aal@students.dvfu.ru).

Медведев Николай Павлович – доктор политических наук, профессор, Президент Национального союза политологов, Россия, г. Москва (medvedev_rudn@mail.ru).

Михалевич Екатерина Андреевна – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (Ekaterina_mikhalevich@mail.ru).

На Чжао – аспирант кафедры политологии Востока Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (156652395@qq.com).

Накшабанди Гайлан Омар – аспирант отделения социально-политических наук кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, Россия, г. Казань (g_zinwayi@yahoo.com).

Нечай Екатерина Евгеньевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (nечay.ee@dvfu.ru).

Николенко Анастасия Алексеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, Россия, г. Владивосток (Anastasiya.Nikolenko@vvsu.ru).

Ощепкова Валентина Максимовна – магистрант кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (oshchepkovavm@gmail.com).

Пацеля Ярослав Славикович – ассистент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (Patcelia.ias@dvfu.ru).

Подшибякина Татьяна Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Россия, г. Ростов-на-Дону (tan5@bk.ru).

Примова Эльмира Неджефовна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры РФ, Россия, г. Москва (primova@inbox.ru)

Пряхин Владимир Фёдорович – доктор политических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ, профессор кафедры дипломатии МГИМО, Россия, г. Москва (pryakhin2010@mail.ru).

Пьенэ Андрей Петрович – студент магистратуры факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) – филиал Московский областной, Россия, Московская область, г. Красногорск (andreypiene@gmail.com).

Сипович Виктория Геннадьевна – студент гуманитарного факультета Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (sipovich-v@mail.ru).

Ситдикова Наталия Андреевна – студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (nata-sitdikova@mail.ru).

Слизовский Дмитрий Егорович – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (de373@mail.ru).

Токтамысов Сакен Жаугаштович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Уколова Лидия Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью в высокотехнологичных отраслях Института иностранных языков Московского авиационного института (национальный исследовательский университет), Россия, г. Москва (bos7979@yandex.ru).

Червяков Николай Витальевич – аспирант гуманитарного факультета Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (n.v.chervyakov@gmail.com).

Шамишев Ерлан Дауренович – аспирант Дипломатической академии МИД РФ, директор департамента внешнеполитического анализа и прогнозирования МИД Республики Казахстан, Республика Казахстан, г. Нур-Султан (voprospolitolog@yandex.ru).

Фалалеев Михаил Алексеевич – студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (falaleev.mike@gmail.com).

Фам Тхи Минь Хуен – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (fam.tm@students.dvfu.ru).

Эсмаили Самира – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (samira.esmaily77@gmail.com).

OUR AUTHORS

ALEKHINA O.A. – Senior lecturer, Department of Advertising and Communication with Public in High-Tech Branches of the Institute of Foreign Languages, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia.

BRATKOVSKAYA D.V. – Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

BYLEV A.E. – Master's degree student of the South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and State Construction (RANE&SC), Rostov-on-Don, Russia.

CARP N.M. – Student of the Faculty of Humanities Russian State Social University, Moscow, Russia.

CHERVYAKOV N.V. – Postgraduate student of the Faculty of Humanities Russian State Social University Moscow, Russia.

ERMAKOV V. G. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Public Policy, With the Central Russian Institute of Management-a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Oryl, Russia.

ESMAEILI S. – Postgraduate student in the Department of Comparative Politics Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

EVSTIGNEEV R.A. – Post-Graduate at School of International Relations, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia.

FALALEEV M.A. – Student of a bachelor's degree of the department of Political Science, Vladivostok, Russia.

HAKOBYAN M.T. – Candidate of the Department of Print and Broadcast Media of the Faculty of Journalism of Yerevan State University, Yerevan, Armenia.

KRIVOVA A.L. – Teacher of the Faculty of Humanities of the Russian State Social State, Moscow, Russia.

KUZMIN A.G. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor at the Chair of social work and psychology of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia.

LAPSHIN S.V. – Master's student of Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

LEBEDEVA E.I. – Postgraduate student of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University Lomonosov, Moscow, Russia.

LEONOVA A.A. – Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

MEDVEDEV N.P. – Doctor of Political Science, Professor, President of the Union of Political Scientists, Moscow, Russia.

MIKHALEVICH E.A. – PhD student of Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

NA ZHAO – Postgraduate student of the Department of Political Science of the East, Moscow State University named after Lomonosov, Moscow, Russia.

NAKSHABANDI GAILAN OMAR – Postgraduate student of the Department of Social and Political Sciences, Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

NECHAY E.E. – Candidate of Political Science, Assistant Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

NIKOLENKO A.A. – Graduate Institute of law and administration of the Vladivostok State University of Economics and service Vladivostok State University of Economics and service, Vladivostok, Russia.

OSHCHEPKOVA V.M. – Master's Student of the Department of European Studies, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

PATCELIA Y.S. – Assistant of the department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

PIENE A.P. – Master's degree student of the faculty of Public Administration and Law, of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the the President of the Russian Federation (RANEPa) – a branch of the Moscow Regional, Krasnogorsk, Moscow Region, Russia.

PHAM THI MINH HUEN – Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

PODSHIBYAKINA T.A. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science of the Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences of the Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

PRIMOVA E.N. – Candidate of Historical Sciences, Lead Researcher, the Research Institute at the Academy of the General Prosecutor's Office of the RF, Moscow, Russia.

PRYAKHIN V.F. – D.Sc. (political science), Professor (International Relations Dept., RSHU), Professor (Diplomacy Dept., MGIMO-University), Moscow, Russia.

SHAMISHEV E. D. – Postgraduate student of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Director of the Department of Foreign Policy analysis and forecasting Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan.

SIPOVICH V.G. – Student of the Faculty of Humanities, Russian State Social University, Moscow, Russia.

SITDIKOVA N.A. – Student of a bachelor’s degree of the department of Political Science, Vladivostok, Russia.

SLIZOVSKIY D.E. – Doctor of Science, Professor, Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

TOKTAMYSOV S.Zh. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Russia at Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

UKOLOVA L.E. – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department Advertising and Public Relations in High-Tech Industries of the Institute Foreign Languages Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia.

ZASLAVSKY S.E. – Doctor of Law, Professor of the Department of Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ZHALNIN V.A. – Head of the Department of the International Protocol of the RUDN Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

---

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 11. Issue 7 (71), 2021

Established by LLC “Publishing House “Science Today”
The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.
Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.
No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 27.07.2021
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order ____.
Printed at the LLC “PrintUP”
Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105
Tel.: (495) 925-00-06

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

Научный журнал «РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал «ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал «ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802

Интернет-ресурс: www.evrzsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:

voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035.

			ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»												
			АБОНЕМЕНТ на журнал									70035			
			Вопросы политологии												
			Количество комплектов												
			на 2021 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12				
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)												
			Кому _____												
						ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА									
ПВ	место		литер	на журнал									70035		
			Вопросы политологии												
Стои- мость	Каталожная									Количество комплектов					
	услуги почты														
	полная														
			на 2021 год по месяцам												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12				
			Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)												
			Кому _____												